

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД К РЕГУЛИРОВАНИЮ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

Ответственные редакторы:
доктор философских наук Ю.В. Попков
кандидат философских наук В.Г. Костюк

Издательский дом «Манускрипт»
Новосибирск
2013

УДК 316.7
ББК 88.542.5
С 693

Авторский коллектив

*М.А. Абрамова, Г.С. Гончарова, Е.А. Ерохина, В.Г. Костюк, С.А. Мадюкова,
В.В. Мархинин, Ю.В. Попков, Е.А. Тюгашев, И.В. Удалова, Д.В. Ушаков*

Рецензенты

доктор исторических наук *В.И. Шишкин*
кандидат философских наук *А.М. Аблажей*
кандидат культурологии *В.А. Бойко*

Утверждена к печати

Ученым советом Института философии и права СО РАН

*Работа публикуется при финансовой поддержке
Сибирского отделения РАН*

С 693 Социокультурный подход к регулированию межэтнических взаимодействий / Под ред. Ю.В. Попкова, В.Г. Костюка. – Новосибирск: ООО Издательский дом «Манускрипт», 2013. – 272 с.

ISBN 978-5-93240-235-1

В коллективной монографии рассматриваются сущность и принципы социокультурного подхода, специфика его применения в этносоциологии. На основе теоретических разработок и материалов прикладных исследований, проведенных представителями новосибирской этносоциологической научной школы в Сибири, Казахстане, Монголии, анализируются социокультурные ориентиры разных народов, актуальные проблемы регулирования межэтнических взаимодействий и оптимизации национальной политики в сферах труда, образования, культуры, общения. Дается обоснование концептуальных основ региональных моделей реализации национальной политики.

Книга адресована социологам, культурологам, политологам, педагогам, историкам, а также представителям органов управления.

C 693 Sociocultural Approach to Regulating Ethnic Interactions / Eds. Yu. V. Popkov, V. G. Kostyuk. – Novosibirsk, Manuscript Publishing House, 2013. – 272 p.

This multi-author book considers the essence and principles of the sociocultural approach and its application in ethnosociology. The book is based on theoretical results and data of applied research obtained by researchers of the Novosibirsk ethnosociology research school in Siberia, Kazakhstan, Mongolia. It analyzes sociocultural orientations of various peoples, topical problems of regulating ethnic interactions and optimization of nationalities policy in the fields of labor, education, communication and culture. The authors also provide justification for the conceptual foundations of regional implementation models of the nationalities policy.

The book is addressed to sociologists, scholars in cultural and political studies, educators, historians and officials in the government agencies.

ISBN 978-5-93240-235-1

© Коллектив авторов, 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ

Для современного многоэтничного мира, составной частью которого является Россия, вопросы изучения и регулирования межэтнических (межнациональных) взаимодействий и взаимоотношений являются актуальными в теоретическом и практическом отношениях. Успешное решение этих вопросов во многом определяется использованием теоретико-методологических подходов, адекватных объекту исследования и регулирования, в качестве которого выступают межэтнические взаимодействия. Среди известных науке и практике подходов наиболее плодотворным в эвристическом и прагматическом плане нам представляется подход социокультурный, получивший широкое распространение в социогуманитарной науке России.

Хотя, как отмечает редактор журнала «Социологические исследования» Ж.Т. Тощенко, термин «социокультурный» все чаще мелькает на страницах научной и массовой общественно-политической печати, в других СМИ, как научное понятие, а тем более, как категория теоретико-методологического исследования он практически не подвергнут анализу. Иначе говоря, он используется чаще всего полуинтуитивно, полурефлексивно. Между тем, базовые основания социокультурного подхода в социологии разработаны Питиримом Сорокиным, развиты в России Л.С. Выготским, Н.И. Лапиным, Ю.М. Резником и некоторыми другими исследователями, что позволяет выявить сущность и основные принципы социокультурного подхода.

В данной работе нам предстояло также определиться с интерпретацией понятия «подход», недостаточно раскрытого в литературе методологического плана. Помимо этого необходимо было раскрыть специфику применения социокультурного подхода в одной из отраслей социологической науки – этносоциологии.

Поскольку наше исследование носит теоретико-прикладной характер, т.е. ориентировано на регулирование межэтнических взаимодействий, то предметом анализа в монографии являются также понятия «межэтнические взаимодействия», «межэтнические отношения», «этносоциальные процессы», «регулирование», «управление», «национальная политика». Рассматривается специфика социокультурной интерпретации данных понятий в научной литературе и определяется позиция авторов монографии, являющаяся в целом согласованной, при различиях по некоторым вопросам, поскольку все они принадлежат к новосибирской этносоциологической школе, придерживающейся социокультурного подхода в теоретико-методологическом, методическом и прагматическом (нацеленном на практическую пользу) планах.

Парадигма социокультурного подхода, понимаемая нами вслед за П. Сорокиным как онтологическое интегральное единство социальности, культуры и личности (антропологичности), раскрывается на материалах теоретических и конкретных социологических и социально-психологических исследований в Сибири (республики Алтай, Бурятия, Саха (Якутия), Тыва, Хакасия, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа), в Калмыкии, а также в ближнем зарубежье – Казахстане, Монголии.

В изданных ранее работах авторов данной монографии социокультурный подход в той или иной мере реализован при изучении специфики российской цивилизации, места России в евразийском мире, социокультурной адаптации молодежи Севера к условиям современных трансформаций, феномена социокультурного неотрадиционализма, социокультурных ориентиров народов Северной Евразии.

В данной работе акцент сделан на прагматическом аспекте социокультурного подхода к этносоциальным процессам: вопросам их регулирования и управления. Последовательно, социально-историческим методом, раскрывается историко-региональная специфика межэтнической интеграции народов Сибири в досоветский, советский и современный периоды с выявлением в национальной политике социокультурных ориентиров – базовых ценностей, идеалов – в межэтнических взаимодействиях в различных сферах жизнедеятельности этносов (труд, культура, язык, образование, межгрупповое и межличностное общение и др.) и регулятивная роль этих ориентиров во взаимодействиях и взаимоотношениях. Анализируется соотношение ориентиров различных групп населения и практик (политик) регулирования этносоциальных процессов и межэтнических взаимодействий в некоторых регионах Сибири (Югра, Якутия), роль системы образования и семьи в социокультурном регулировании межэтнических взаимодействий.

В заключительной части монографии исследуются потенциальные ресурсы (возможности) социокультурного подхода в оптимизации национальной политики в России и в Северной Евразии: концептуальные основы региональных моделей национальной политики, возможности использования идей социокультурного неотрадиционализма, принципов мультикультурализма в образовании, концепций реализации национальной политики в мегаполисе (г. Новосибирск).

Авторы искренне признательны рецензентам – д.и.н. В.И. Шишкину, к.филос.н. А.М. Аблажею и к. культурологии В.А. Бойко за позитивное отношение к содержанию монографии, Г.С. Гончаровой и В.Н. Гришаевой – за подготовку к обработке и обработку больших массивов информации и оформление рукописи монографии.

Раздел I

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ И КОНЦЕПЦИИ

Глава 1. Сущность социокультурного подхода

§ 1. Содержание и место понятия «подход» в методологии социологической науки

Термин «подход» широко распространен в научной литературе, однако его содержание и соотношение с родственными терминами (понятиями) «метод», «способ», «парадигма», «концепция», «теория», «течение» строго не определены даже в специальных методологических исследованиях, не говоря уже о работах теоретического или эмпирического плана в конкретных науках. Осознавая сложность четкого разведения обозначенных понятий и не претендуя на решение этой задачи, зафиксируем свое понимание понятия «подход», поскольку это проясняет методологию нашего исследования и является принципиально важным для последующего содержательного анализа исследуемой темы.

В «Социологической энциклопедии»¹ нет статьи о понятии «подход», но есть – о понятии «метод», который трактуется как «путь исследования, познания, теория, учение; в широком смысле сознательный способ достижения какого-либо результата, осуществления определенной деятельности, решения некоторых задач»². Здесь метод, теория, учение и способ рассматриваются по сути синонимично. Если же рассматриваются отдельные методологические подходы – формационный, цивилизационный, институциональный – то подход определяется через метод: «цивилизационный подход – метод изучения бытия общества на основе анализа его духовной культуры»³; «формационный подход – метод изучения общества, в основе которого лежит материалистическое понимание истории»⁴. В статье «Теория социологическая» отмечается актуальность разработки общей социологической теории: «Именно в ней концентрируется сущность социологического подхода к изучению общества. Этот подход, хотя и реализуется в разных парадигмах, проявляется в совокупности специфических социологических категорий и понятий». Одновременно констатируется,

---

¹ Социологическая энциклопедия: В 2 т. М., 2003.

² Там же. Т. 1. С. 623.

³ Там же. Т. 2. С. 749.

⁴ Там же. Т. 2. С. 715.

что в современной российской социологии «при наличии достаточно разных теоретико-методологических (и идеологических) подходов, различия парадигм у разных групп социологов определились еще недостаточно. Вместе с тем в теоретическом плане предпринимаются попытки обоснования той или иной парадигмы (социально-исторический детерминизм, социоструктурный подход, социокультурный подход и др.) применительно к социальным реалиям современного российского общества, осмыслению процессов его социальной трансформации и перспектив развития»¹. Как видим, различаются теоретико-методологические и идеологические подходы в социологическом подходе (как самом общем), который реализуется в разных парадигмах. В то же время социоструктурный и социокультурный подходы включены в состав определенных парадигм. По-видимому, следует различать уровни подходов и парадигм и их взаимосвязь, взаимопроникновение, чтобы объяснить эту кажущуюся нелогичность в соотношении понятий «подход» и «парадигма».

Л.Г. Костюченко и Ю.М. Резник, разрабатывая социокультурную теорию личности (персоналистику), предприняли сравнительный анализ различных подходов в данной области знания – антропологического, структурно-функционального, системного, психологического и др. При этом понятие «подход» у них чаще всего синонимично понятию «способ», иногда – понятию «анализ». Так, «системный подход – способ целостного рассмотрения человека как личности, используемый в социологическом познании наряду с комплексным анализом». Здесь же они отмечают: «Комплексный подход – изучение личности как социокультурного субъекта»².

Итак, первое, что мы должны констатировать: исходный, не определяемый термин во взаимосвязи понятий «метод» и «подход» – это способ. Метод есть рациональный способ деятельности в науке, хотя рациональность пронизывает и другие сферы человеческой жизнедеятельности. Метод – это «определенным образом упорядоченная, организованная деятельность по достижению цели, применительно к науке – истины»³. Метод определенным образом связан с теорией. «Если теория есть движение мысли по структуре объекта, то метод – это движение мысли по структуре теории» – так определяет А.И. Сухотин взаимосвязь теории и метода⁴.

Если метод есть совокупность приемов или операций теоретического или практического освоения действительности, способ технологии деятель-

¹ Социологическая энциклопедия: В 2 т. М., 2003. Т.2. С. 640–641.

² Костюченко Л.Г., Резник Ю.М. Введение в теорию личности: социокультурный подход: Учебное пособие для вузов. М., 2003. С. 255, 253.

³ Сухотин А.К. Проблема типологии метода // Методология науки: Сб. трудов Всеросс. филос. семинара. Вып. 5: Проблемы типологии метода. Томск, 2002. С. 13.

⁴ Там же. С. 14.

ности, то подход – это способ построения стратегий и программ деятельности на основе определенных методов. Из многочисленных определений подхода нам представляется наиболее плодотворным в контексте решаемых в монографии задач следующее: подход – это «комплекс парадигматических, синтагматических и прагматических структур и механизмов, характеризующий конкурирующие между собой или исторически сменяющие друг друга стратегии и программы в философии, науке, политике или в организации жизни и деятельности людей»¹. Если ограничиться сферой науки и философии, то следует различать разные его уровни. Наиболее высоким (самым общим) уровнем рефлексии мира является философский подход. Его конкретизацией применительно к социальной действительности является подход социологический, которым, однако, не исчерпывается вся палитра подходов к изучению общества. Можно говорить о культурологическом, антропологическом, психологическом подходах в его исследовании.

Подход основывается на нескольких (многих) общенаучных и дисциплинарных методах. Так, общенаучные методы анализа-синтеза, индукции-дедукции присущи и культурологическому, и антропологическому, и социологическому подходам к изучению общества.

Хотя методологи науки утверждают, что новый подход требует, чтобы в нем присутствовали принципиальные отличия от иного подхода хотя бы в одном из эпистемических пространств – в парадигме, синтагме или прагматике, решающую роль в конституировании нового подхода играют отличия в парадигмах.

Парадигма (от греческого – пример, образец) в философии науки – система теоретических, методологических и аксиологических установок, принятых в качестве образца решения научных задач и разделяемых членами научного сообщества»². Выбор образца предполагает его отличие от иных образцов, разделяемых другими сообществами, поэтому парадигмальные отношения – это отношения «или – или», в отличие от синтагматических (отношения сосуществования «и – и»). Парадигма – это онтологические картины, схемы и описания объектов; синтагма – способы и методы доказательства, языки, объяснения и описания; прагматика – цели, ценности, задачи, предписания³.

Потребность в новых парадигмах в науке возникает в периоды научных революций, когда имеющиеся парадигмы недостаточны для объяснения принципиальных изменений в исследуемых объектах и решения исследовательских задач⁴. Так, научный подход к объяснению мира, основой которого

¹ Всемирная энциклопедия: Философия. М., 2001. С. 794.

² Там же. С. 757.

³ Там же. С. 795.

⁴ Кун Т. Структура научных революций. М., 1997.

го является натуралистическая парадигма (онтология природы), утвердился только в эпоху Возрождения, когда иные подходы (теизм, деизм) оказались недостаточными для решения познавательных и практических задач.

В истории и философии науки фиксируется сложная и многоуровневая система общенаучных, междисциплинарных и дисциплинарных подходов и парадигм. Их анализ и описание не входит в нашу задачу. Нам важно зафиксировать исходную позицию в понимании сущности и содержания социокультурного подхода в социогуманитарной науке, в первую очередь – в социологии и этнологии.

Сложным и неоднозначно решаемым методологами науки является вопрос о соотношении парадигмы и теории, парадигмы и подхода. Радикализм Т. Куна в воззрении на научный подход как продукт научных революций в реальной практике методологических исследований нивелировался – вплоть до объявления новым подходом незначительных новаций в теории или методе исследований. Отсюда часто встречающаяся в литературе синонимичность понятий «подход», «парадигма», «теория», «метод».

Наиболее существенные проблемы парадигмального и теоретического строения современного социологического знания исследуются Г.В. Осиповым. Он отмечает, что в современных условиях оно полипарадигмально, но завоевали наибольшее признание четыре парадигмы: социально-исторического детерминизма (К. Маркс), социальных фактов (Э. Дюркгейм), социальных дефиниций (М. Вебер), социального поведения (Б. Скиннер). Каждая из данных парадигм характеризуется группой основных теорий. Так, парадигма «социальных фактов» базируется на двух основных теориях – структурно-функциональной (Т. Парсонс, Р. Мертон и др.) и теории социальных конфликтов (Р. Дарендорф, Л. Козер), парадигма «социальных дефиниций» – на символическом интеракционизме (М. Вебер, Т. Парсонс, Г. Мид), этнометодологии (Г. Гарфинкель), феноменологии (Э. Гуссерль, А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман)¹.

Как видим, то, что Г. Осипов обозначает теорией, в других публикациях именуется подходами². В.В. Мацкевич отмечает, что в XX веке были разработаны такие подходы, как феноменология, экзистенциализм, структурализм, синергетика, деятельностный подход, СМД-методология (системно-мыслительная деятельность). В конкретных науках новые подходы конституировались как этапы познания, либо сосуществовали с прежними, не нарушая дисциплинарную целостность³.

¹ Осипов Г.В. Парадигмы современного социологического знания // Социологическая энциклопедия: В 2 т. М., 2003. Т. 2. С. 145–146.

² См., например: Костюченко Л.Г., Резник Ю.М. Введение в теорию личности: социокультурный подход. М., 2003; Лукина Н.П. Философский анализ социокультурного подхода в науке. Томск, 2000; Всемирная энциклопедия: Философия. М., 2001.

³ Мацкевич В.В. Подход // Всемирная энциклопедия: Философия. С. 795.

Существует также взаимосвязь понятий «подход» и «течение». Под вторым понимается, как правило, общенаучный или междисциплинарный подход с четко манифестируемой мировоззренческой установкой. К нему принадлежит, например, позитивизм и его поздняя форма – постпозитивизм (О. Конт, Э. Дюркгейм, П. Сорокин). Неудовлетворенные умозрительностью социальной философии позитивисты, убежденные, что позитивное знание об обществе может быть получено в результате научного (не философского) познания, разрабатывают теоретико-методологические и методические основания нового подхода, способного, по их убеждению, не только установить подлинные законы социальной жизни, но и на основе познания этих законов обеспечить рациональную организацию социальной жизни на принципах согласия и мира.

Особым течением в культуре и философии науки является марксизм – интегральное философско-экономико-политико-идеологическое учение на основе диалектико-материалистической парадигмы рассмотрения функционирования и развития общества.

Тесно взаимосвязаны также понятия «подход» и «концепция». «Концепция (от латинского – понимание, система) – 1) определенный способ понимания, трактовки каких-либо явлений; 2) изложение основной точки зрения или идеи для описания и объяснения явлений; 3) ведущий замысел, принцип организации различных видов деятельности»¹.

Если сопоставить содержание понятий «подход» и «концепция», то можно заметить их корреляцию и в парадигме (онтология), и в синтагме (способы и методы аргументации доказательства), и в прагматике (цели, задачи, предписания в организации исследования). И все же в науке концепция чаще понимается как теория или совокупность теорий, т.е. она теснее взаимосвязана с парадигмой, учитывая отмеченную выше взаимосвязь понятий «теория» и «парадигма».

Итак, можно констатировать отсутствие в методологии науки определенной системы понятий, имеющих отношение к рассматриваемой теме. Нам представляется более плодотворным понимание подхода как комплекса парадигматических, синтагматических и прагматических структур и механизмов в стратегии познания, важнейшую роль в котором играет парадигма. Новым подходом наиболее целесообразно признавать действительно принципиальные новации в первую очередь в парадигмальном пространстве, в отдельных случаях – в синтагме или прагматике.

В последнее время в мировой и российской социологии отчетливо вырисовывается тенденция поиска возможностей перехода от полипарадигмальности к монопарадигмальности в социологической теории, к теоре-

---

¹ Социологическая энциклопедия. Т. 1. С. 492.

тическому монизму. Идея когерентности социологических теорий исходит из гипотезы о возможности объединения теорий, основанных на структурно-функциональном и деятельностном подходах, в одну «интегративную» социологическую теорию. В западной социологии – это интеграция теории «действия» и теории «систем» Ю. Хосбермаса, теория «структуризации» Э. Гидденса, интеграции социального действия и социального «порядка» Дж. Александера, «интегративная» социальная парадигма Дж. Ритцера и др. В российской социологии, при том, что, как отмечает Л.Н. Москвичев, дифференциация парадигм определилась еще недостаточно, все же наличествуют попытки обоснования той или иной интегрирующей парадигмы (подхода) для объяснения нынешней российской реальности (социально-исторический, социокультурный подход и др.)¹.

В этой связи следует вспомнить, что всякое новое есть давно забытое старое. В российской социологии почти 100 лет тому назад «интегральную» социологию создал Питирим Сорокин на основе социокультурного подхода, базовая парадигма которого выражена формулой «личность, общество и культура как неразрывная триада».

Монопарадигмальным был и статус советской социологии, общей социологической теорией которой считался исторический материализм. Базовая парадигма истмата – материалистическое понимание истории и признание определяющей роли материального производства, экономических отношений в детерминации всей системы общественных отношений. При этом социально-исторический подход в историческом материализме сочетался с деятельностным, хотя, как справедливо отмечали В.Ж. Келле и М.Я. Ковальзон, структурно-функциональная интерпретация теории истмата довлела над ее «деятельностным» содержанием. В структуре предмета исторического материализма они предлагали учитывать неразрывную взаимосвязь трех аспектов: «естественного», «деятельного» и «гуманистического», что делает целостным подход к истории общества, которая есть результат деятельности, активности личностей. «Рассмотрение истории как истории индивидуального развития людей, – отмечали они, – вводит в методологию философско-социологического исследования общества проблему человека, индивида, личности не просто в виде отдельной темы (общество и личность и т.п.), а как один из аспектов подхода к историческому процессу в целом, имеющий особенно важное значение для методологии гуманитарного знания»². Налицо определенная когерентность данной идеи с социологией П. Сорокина.

¹ Москвичев Л.Н. Теория социологическая // Социологическая энциклопедия. Т. 2. С. 641.

² Келле В.Ж., Ковальзон М.Я. Важнейшие аспекты методологии социально-философского исследования // Вопросы философии. 1980. № 7. С. 126–127.

Вместо огульной критики теории исторического материализма и полипарадигмальности на базе некритического заимствования элементов теорий и парадигм американской и западноевропейской социологии российским социологам целесообразно было бы сосредоточиться на приумножении традиций российской и советской социологии.

Тенденция к монопарадигмальности касается, по нашему мнению, общей социологической теории. Частные теории могут быть полипарадигмальными, но для обеспечения целостности социологическое знание своими базовыми идеями должно быть сопряжено с базовой парадигмой общей теории. Все парадигмы – и базовая, и частно-предметные – конечно, есть развивающееся знание в соответствии с развитием науки и общества. «Парадигма становится парадигмой, – отмечает Е.И. Кравченко, – только в том случае, если порождает традицию... Одновременно парадигма социализирует молодых специалистов, воспитывая в них вполне определенные предпочтения и взгляды на свой предмет и пути его достижения. Так рождается традиция¹. Традиция есть механизм воспроизводства культуры (и социологии как ее части), она складывается и развивается в определенной социокультурной среде и сама является фактором развития этой среды (социума), механизмом отбора новаций, содействующих сохранению, а не разрушению, целостности общества как социокультурной системы.

Наиболее плодотворным в познавательном и социальном плане для российской социологии с этой точки зрения является развитие социокультурного подхода.

§ 2. Содержание и принципы социокультурного подхода в социологии

Как выражающий всякое научное знание, социокультурный подход имеет свой генезис, свои предпосылки и основания, но в наиболее систематизированном виде он впервые был представлен в работах Питирима Сорокина, хотя само понятие «подход» там не используется. Тем не менее, если понимать подход как комплекс парадигм, синтагм и прагматик в стратегиях и программах научных исследований, имеющий отличие от предшествующих подходов хотя бы в одной из составляющих этого комплекса (чаще всего – в парадигме) и конституирующийся (по Т. Куну) в эпохи научных революций, то следует признать, что данный подход более соответствует такому пониманию, чем многие другие методы или теории, обозначаемые в литературе как подходы (институциональный, функциональный, аксиологический и т.п.).

¹ Кравченко Е.И. Парадигма // Социологическая энциклопедия. Т. 2. С. 144.

Он становится востребованным в первой половине прошлого века, когда в науке и политике усилился запрос на субъектность, повышенное внимание к роли человека, личности. В отечественной социологии он вновь актуализируется в перестроечный и современный (реформационный) период, для которых характерны явления бифуркации, нестабильности, кризиса. Как рефлексия на социальные процессы переходного периода возрастает тенденция к парадигмам и синтагмам (объяснительным концепциям) антропоцентрического и феноменологического типов, в которых преуменьшаются или фактически игнорируются закономерности социального развития. Развивая представления Э. Дюркгейма об обществе как интегрированной целостности его элементарных форм и разделяя его позитивистско-рационалистические мировоззренческие установки по отношению к науке, П. Сорокин дополняет его структурно-функциональную парадигму культурными и личностными элементами. В итоге социальное пространство в его онтологии приобретает вид социокультурного пространства.

Анализируя родовую (общую для всех) структуру социокультурных явлений, П.А. Сорокин формулирует базовые методологические принципы своей общей социологии: «общая социология – это не теория о простейших социальных явлениях, а теория о родовых свойствах, отношениях и закономерностях социальных явлений. Самой родовой моделью любого социокультурного феномена является значимое взаимодействие двух или более индивидов»¹. «Значимое» – когда оно имеет значение или ценность для сознания другого индивида. Трехкомпонентная структура социокультурных явлений включает: «1) мыслящих, действующих и реагирующих людей, являющихся субъектами взаимодействий; 2) значения, ценности и нормы, благодаря которым индивиды взаимодействуют, осознавая их и обмениваясь ими; 3) открытые действия и материальные артефакты как двигатели или проводники, с помощью которых объективируются или социализируются нематериальные значения, ценности и нормы»². Субъекты взаимодействия – индивиды или группы людей. Как отмечает П.А. Сорокин, «значения, ценности и нормы являются универсальным компонентом социокультурных явлений и имеют первостепенную важность для понимания структурных и динамических свойств и причинных отношений внутри этих явлений»³.

Резюме П.А. Сорокина по анализу структуры социокультурного взаимодействия заключено в формуле “личность, общество и культура как неразрывная триада”. Его вывод: «...неадекватна любая теория, которая концентрируется лишь на одном из них, исследуя социокультурный мир.

¹ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 191

² Там же. С. 193

³ Там же. С. 205.

Из дидактических соображений их можно изучать по отдельности; но когда анализ каждого члена триады завершен, этот элемент должен быть соотнесен с троичным разнообразием, или матрицей, в которой он существует».¹ Социология, по П.А.Сорокину, есть «генерализирующая наука, рассматривающая социокультурную систему как целое». Общество и культура не могут рассматриваться вне связи друг с другом. «Единственно возможные различия, — отмечает он, — связаны с тем, что термин “социальный” означает сосредоточение на совокупности взаимодействующих людей и их отношениях, тогда как “культурный” означает сосредоточение на значениях, ценностях и нормах, а также на их материальных носителях (или материальной культуре)»².

В четырехтомной «Социальной и культурной динамике» П.А. Сорокин вновь обращается к различию «культурного» и «социального», подчеркивая: «Различие между категориями “культурное” и “социальное” весьма условно и относительно: любая культура создана определенной социальной группой, объективацией которой она является; а любая социальная группа имеет свою определенную культуру. Тем не менее, чисто технически эти категории можно изучать раздельно и в интересах научного анализа изолировать друг от друга как *разные аспекты* (курсив наш) единого и неразделимого “социокультурного мира”. Под “социальным миром”, “социальными явлениями” понимаются межличностные и межгрупповые отношения, из которых состоит та или иная социальная система, организация или институт и которые образуют их “ткань” и “структуру”».³ Отмечается двойственная природа «социального мира» как категории социокультурных явлений: «объективно» существующая система социальных отношений — с одной стороны и зависимость характера этих отношений и их оценки от сознания участвующих в них или оценивающих (наблюдатели, исследователи) — с другой. Поэтому «все социальные отношения имеют два аспекта — психологический и логическо-смысловой (включая “причинно-функциональные” элементы). Любое социальное отношение нужно изучать с обеих точек зрения»⁴. Это замечание весьма важно, в том числе для изучения межкультурных взаимодействий.

Содержание социальных отношений (в узком смысле, как аспекта социокультурных явлений) П.А. Сорокин явно не определяет, однако из структуры раздела, в котором рассматривается социальная динамика (вслед

¹ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 218–220.

² Там же. С. 220

³ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. Исследования изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб., 2000. С. 503.

⁴ Там же. С. 503–504.

за динамикой культурной), следует, что, выделяя основные типы социальных отношений – семейственный, договорной и принудительный, – он включает сюда отношения в семье, социально-политические (в том числе межнациональные и межгосударственные), демографические, экономические, отношения между группами внутри государства (социально-групповые). Последний тип (социально-групповой) он детализирует, выделяя такие «особые социальные группы, как семья, территориальная (соседская) община, государство, нация, политическая партия, религиозная группа, профессиональная, экономическая, расовая, половая, возрастные группы, научное сообщество, группировки по предпочтительному типу отдыха и развлечений, класс, каста»¹.

Еще один важный методологический принцип в концепции социокультурной динамики П.А. Сорокина – принцип имманентного изменения и цикличности (трехфазности) ритма интегрированных суперсистем культуры – идеациональной, идеалистической и чувственной. Собственно говоря, этот принцип и составляет сущность его макросоциологии как интегральной науки, особенно ее раздела о социокультурных флуктуациях (трансформациях). Ее детальный анализ выходит за рамки целей нашего исследования, но сказанное выше имеет непосредственное отношение к пониманию социокультурности.

Принцип интегральной целостности личности, общества и культуры П.А. Сорокин в анализе социальной и культурной динамики доводит до анализа (совместно с И.В. Болдыревым) соотношения между типами культуры и типами личности и поведения. Здесь важны его выводы о том, что «господствующий тип культуры формирует тип сознания людей, которые родились и живут в рамках этой культуры», – за малым исключением тех индивидов и групп, «которые, живя физически в рамках данной культуры, не являются ее частью или же не имеют с ней психосоциального контакта»; что «сознание любого человека является микрокосмом, отражающим микрокосм окружающей его социальной среды».² Важно также различать соотношение между доминантной культурой общества и ментальностью – с одной стороны и доминантной культурой и поведением индивидов – с другой. Ментальность (идеи, убеждения, верования, мнения, вкусы, нравственные и эстетические установки и т. д.) более тесно связана с культурой, чем поведение индивида, но, хотя последняя связь «носит, по-видимому, более расплывчатый характер и часто даже неуловима», эта связь существует³.

¹ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. Исследования изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб., 2000. С. 762.

² Там же. С. 701.

³ Там же. С. 702.

Интерес представляют и эмпирический анализ типа личностей исторических фигур Греции, Рима и Западной Европы за 2800 лет (950 г. до н.э. – 1850 г.), включенных в энциклопедию «Британика», на основе индикаторов типа личности по типу культуры (чувственной, идеациональной, смешанной), и теоретическое обобщение этого анализа с выводом: «...в интегрированных культурах и поведение, и ментальность становятся частями единой интегрированной системы. Может быть, интеграция не абсолютна, но она вполне ощутима»¹.

Итак, в плане парадигмы П. Сорокин вводит следующие новации: онтологическая картина приобретает вид интегрального единства социальных, культурных и личностных элементов; теоретически это единство объясняется на основе усложнения родовой модели значимых взаимодействий индивидов – от парного до группового (агрегатного) и интегрального (общества, цивилизации); каждая модель взаимодействия трехкомпонентна (субъект, ценности и нормы, проводники).

В синтагме (способах и методах доказательства) П. Сорокин использует единство теоретических и эмпирических методов, междисциплинарный анализ содержания общих понятий в родственных социологии науках (психологии, истории и др.), метод восхождения от абстрактного к конкретному (от понятия «взаимодействие» – к взаимодействию и типологии культур в работе «Социальная и культурная динамика»).

В прагматике социокультурный подход П. Сорокина ориентирован на объективные методы исследования, на системное представление социологии как науки теоретической (науки о сущем – включающей социальную аналитику, социальную механику и социальную генетику) и практической (науки о должном – социальная политика). И хотя социальную политику он определял как скорее искусство, а не науку, задача которой – быть осуществлением афоризма О. Конта «знать – чтобы предвидеть, предвидеть – чтобы мочь», ценность ее, по существу, венчает все здания построенной им социологии. «Благодаря слабому развитию социальных наук, – пишет он, – человечество до сих пор бессильно в борьбе с социальными бедствиями и не умеет утилизировать социально-психологическую энергию, высшую из всех видов энергии... В отличие от бессодержательных, хотя и напыщенных «систем морали» ... социальная политика, подобно прикладной медицине, должна быть системой рецептуры, указывающей точные средства для борьбы с социально-психическими болезнями, для рациональных реформ во всех областях общественной жизни (в экономической, политической, правовой, религиозной, научной, педагогической и т.д.)...»²

¹ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. С. 707–718

² Сорокин П.А. Система социологии. М., 1993. Т. 1. С. 100.

Неудивительно, что социокультурный подход в научной деятельности органично сочетался у П. Сорокина с исповедуемыми им гуманистическими идеалами Истины, Добра, Красоты, Пользы, реализованными, в том числе, в созданном им Центре альтруистической любви.

Если исходить из того факта, что социокультурный подход является системообразующим стержнем всего социологического учения П. Сорокина, то можно считать, что формулируемые им принципы социологии есть и методологические принципы его социокультурного подхода, хотя, как отмечено выше, понятие «подход» и не входит в его понятийный аппарат.

«Руководящие принципы, положенные в основу «Системы социологии», – отмечает он, – таковы: во-первых, социология как наука, может и должна строиться по типу естественных наук. Различны объекты изучения тех и других дисциплин, но методы изучения этих объектов одни и те же... Во-вторых, социология может и должна быть наукой теоретической, изучающей мир людей таким, каков он есть... В-третьих, социология должна быть объективной дисциплиной... В-четвертых, поскольку социология хочет быть опытной и точной наукой, она должна прекратить «философствование»... Поменьше философствования и побольше наблюдения и тщательного анализа фактов – таков очередной лозунг социологии... В-пятых, разрыв с философствованием означает и разрыв с несчастной идеей «монизма» – незаконным детищем незаконного брака социологии с философией»¹.

Что касается «философствования» и «монизма», то, как показала последующая история науки (и социологии в том числе), столь радикальная позиция Сорокина ошибочна: тенденция к «философствованию» и «монизму», адекватно понимаемым, неустранима в науке. Этот вывод еще в 1920 г. предрекали Н. Рожков, Н. Кареев и другие в своих рецензиях на систему социологии П. Сорокина².

Как раз философия в последние десятилетия играет важнейшую роль в развитии социокультурного подхода в науке в целом, в то время как в отечественной социологии он оказался по существу на задворках. Основная идея подхода – интегральное единство общества, культуры и личности – как социокультурная размерность оснований науки, все чаще проявляется в философско-методологических исследованиях.

Выделяя в качестве главных компонентов оснований науки идеалы и нормы исследования, научную картину мира и философские основания науки, В.С. Степин анализирует их социокультурную размерность. Каждая историческая эпоха характеризуется своим стилем мышления, системой норм объяснения, описания, доказательств, организаций, знаний, отражающими куль-

¹ Сорокин П.А. Система социологии. Т. 1. С. 50–52.

² См.: Сорокин П.А. Система социологии. Приложения. Т. 2. С. 588–628.

туру эпохи, доминирующие в ней мировоззренческие установки и ценности. Так, в средневековой науке реальные признаки вещи часто объединялись в один класс с ее символическими обозначениями и языковыми знаками. Например, в трактате о змеях Альдрованди наряду с научным описанием видов змей, их размножения, приведены описания чудес, связанных со змеями, сведения о геральдических знаках, астрологических предсказаниях, связанных со змеями. Это отголоски христианского мировоззрения о том, что человек создан по образу и подобию Бога, а познание мира – расшифровка смысла, вложенного в вещи, а последние рассматривались как дуально расщепленные – их природные свойства есть одновременно и знаки божественного помысла.

Познавательные установки современности иные. Они включают требования логичности, системности, доказательности, экспериментального или фактологического подтверждения и т.п.

В развитии научных картин мира также важную роль играют социокультурные факторы.

Философские основания науки – философские идеи и принципы, обеспечивающие эвристику поиска, также обусловлены историко-социокультурно. Так, на этапе классического естествознания (до начала XX в.) доминировал принцип суверенности познающего разума: из описания и объяснения исключалось все, что относится к субъекту, средствам и процедурам его познавательной деятельности. В современную эпоху, наоборот, все настойчивее пробивается мысль о необходимости учета в научных исследованиях «человеческого фактора», а не только специфики культуры эпохи. Это имеет место, например, при исследовании экологических процессов, генной инженерии, глобального моделирования и т.п. Философия как рефлексия мировоззренческих оснований культуры и ее значимая составляющая может играть прогностическую роль в изучении разнообразных «человекомерных» объектов, т.к. необходимый категориальный аппарат в ее арсенале веками формировался при осмыслении феноменов духовной культуры¹.

Отметим, что в трактовке «социокультурности» оснований науки у В.С. Степина наличествует, как и у П. Сорокина, понимание ее как триадного (социальности, культуры и личности), а не диадного образования (социально-культурное без явного учета личности), что характерно для большинства работ, которые так или иначе затрагивают социокультурную проблематику.

Приятным исключением из данного правила является исследование Н.П. Лукиной, посвященное глубинным основам социокультурного подхода. Его цель – анализ «парадигмальных характеристик социокультурной стратегии познания в условиях постклассической нации, осуществляющей

¹ Степин В.С. Основания науки и их социокультурная соразмерность. URL: <http://rn.philosophy.kiev.ua/iphras/library/ruspaper/stiopin.1.htm>

переход от собственно гносеологической ситуации к культурной деятельности. Предлагается понимание науки как социокультурной практики, связанной с функционированием глубоко интегрированных в познание феноменов языка, перевода, идеологии, критики»¹. Хотя основная часть работы состоит из философского анализа проблемы взаимосвязи социального и культурного в различных науках, интенция автора направлена на выявление роли в этой взаимосвязи субъекта, познающего человека. Отмечается в этом плане позитивная роль отечественной аналитики, «линия Г. Шпета – М. Бахтина – П. Флоренского – Л. Выготского, нацеленная на социокультурное прочтение познавательных проблем»². Анализируя социокультурные основания новой субъективности как способ преодоления релятивизма, Н.П. Лукина делает вывод, что «человекообразные перспективы науки не вполне оценены», что «новое понимание теории научной рациональности должно включать в свое рассмотрение единство субъективности и объективности и ставить во главу угла смысловую сопряженность этих понятий с понятиями истины, теории, метода». Субъективность, наполненная социальным и культурным содержанием, присутствует не только в социогуманитарных науках, но и в естествознании «где нарастают тенденции, когда учет субъективности объекта воспринимается как увеличение его объективных характеристик»³. Например, в физике – принцип дополнительности. «Социокультурный подход, – по определению Н.П. Лукиной, – может быть истолкован в качестве средства, способа анализа науки как специфической деятельности людей в особом культурном поле, производящей и воспроизводящей социум в его когнитивных границах»⁴.

Философско-социологические аспекты социокультурного подхода к анализу российского общества наиболее подробно разработаны в исследованиях Н.И. Лапина⁵. Рассмотрим сущность этого подхода и те наиболее важные его аспекты, которые могут иметь теоретико-методологическое значение для изучения межэтнических взаимодействий.

¹ Лукина Н.П. Философский анализ социокультурного подхода в науке. С. 3.

² Там же. С. 29.

³ Там же. С. 54.

⁴ Там же. С. 160.

⁵ См.: Лапин Н.И. Кризис отчужденного бытия и проблемы социокультурной реформации // Вопросы философии, 1992. №12. С. 29–41; *Он же*. Проблема социокультурной реформации в России: тенденции и препятствия // Там же. 1996. № 5. С. 21–31; *Он же*. Россия как реальность. Кризисный социум в контексте социокультурных трансформаций // Мир России. 2000. №3. С. 3–47; *Он же*. Проблемы социокультурной трансформации // Вопросы философии. 2000. № 6. С. 3–17; *Он же*. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социологические исследования, 2000. № 7. С. 3–12; *Он же*. Пути России: социокультурные трансформации. М., 2000.

Происходящие ныне в России преобразования Н.И. Лапин вначале характеризовал как «социокультурную реформацию», затем расширил их понимание до «социокультурных трансформаций», солидаризируясь с Т.И. Заславской в том, что, в отличие от реформации, социальная трансформация – это «радикальное и относительно быстрое изменение социальной природы или социетального типа общества», имеющее несколько слоев, наиболее «глубинным, и в то же время, наиболее надежным критерием направленности трансформационного процесса, показателем того, ведет ли он к модернизации или, напротив, к деградации общества, служит генеральное направление социокультурных сдвигов»¹. В работах по исследованию социокультурных трансформаций сущность социокультурного подхода им определена следующим образом: «...понимание общества как единства культуры и социальности, образуемых деятельностью человека. Под культурой понимается совокупность способов и результатов деятельности человека (материальных и духовных – идеи, ценности, нормы, образцы и др.), а под социальностью – совокупность отношений каждого человека или иного социального субъекта с другими субъектами – экономических, социальных, идеологических, политических отношений, формируемых в процессах деятельности. Специфика социокультурного подхода состоит в том, что он интегрирует три измерения человеческого бытия (тип соотношения человека и общества, характер культуры, тип социальности) именно как фундаментальные, каждое из которых не сводится к другим и не выводится из них, но при этом все они взаимосвязаны и влияют друг на друга как важнейшие составляющие человеческих общностей»².

Конкретизируя социокультурный подход в виде пяти принципов – человека активного; взаимопроникновения культуры и социальности; антропосоциетального соответствия; социокультурного баланса; симметрии и взаимообратимости социетальных процессов – Н.И. Лапин отмечает, что эти принципы позволяют представить общество как целостную, самодостаточную, развивающуюся социокультурную систему. «Тип общества характеризуется типом антропосоциетального соответствия, а структура и динамика – параметрами социокультурного баланса, преобладанием воспроизводящих (традиционных) или изменяющих (инновационных) процессов»³. Определяя принцип антропосоциетального соответствия как «совместимость личностно-поведенческих характеристик человека как члена данного общества и социальных характеристик этого общества (как

¹ Социальная траектория реформируемой России / Отв. ред. Т.И. Заславская. Новосибирск, 1999. С. 149–151.

² Лапин Н.И. Проблема социокультурной реформации в России. С. 5.

³ Там же. С. 6

единства культуры и социальности», он на основе этого принципа выделяет «два типа обществ»: «традиционалистское» и «либеральное», отмечая, что в первом (к нему он относит Россию) «характеристики человека должны соответствовать сложившимся социальным структурам, которые ограничивают или закрывают пространство для нарушающих традиции инициатив индивида (принцип закрытости)»¹.

Анализируя преимущества и ограничения социокультурного подхода, С.Г. Кирдина отмечает, что, с одной стороны, «он позволяет определить социокультурные ограничения, неизбежно существующие в каждом обществе, его социетальную природу, которые обуславливают сопротивление или принятие тех или иных культурных образцов. При социокультурном подходе в центре внимания находится взаимодействие типа-личности и типа-общества... С другой стороны, разделение общественных ценностей на “позитивные либеральные” и “негативные традиционные” создает в данном подходе замкнутый логический круг и предопределяет результаты исследования социальных изменений... Таким образом, роль социокультурного подхода в развитии позитивной социологии заключается в том, что с его помощью выделяются постоянные, устойчивые основания культуры, обуславливающие развитие конкретного типа общества. Они фиксируются как данность, к которой можно *приспосабливаться* (курсив наш), но вряд ли перспективно бороться»².

Конкретизируя социокультурный подход через понимание общества как единства культуры и социальности, Н.И. Лапин, соответственно, рассматривает социетально-функциональные структуры и процессы, характерные для современного общества как социокультурной системы. В предлагаемой им типологии данных структур и процессов адаптация отнесена к типу воспроизводящих духовно-интегрирующую социетально-функциональную структуру общества – культуру; воспроизводство структуры обеспечивается процессами поддержания традиций, а изменение – инновационными процессами.³ Под социетальностью понимается «рассмотрение общества, во-первых, как целого, и, во-вторых, на макроуровне».⁴ Рассмотренную выше методологическую процедуру он мотивирует как «потребность в разработке социетального подхода как более широкой

---

¹ Лапин Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 3–12.

² Кирдина С.Г. Социокультурный и институциональный подходы как основа позитивной социологии в России. URL: <http://kirdina.ru/public/socis2002n/index.html>.

³ См.: Лапин Н.И. Проблема социокультурной реформации в России. С. 11

⁴ Кирдина С.Г. Социокультурный и институциональный подходы как основа позитивной социологии в России.

методологической ориентации, включающей социокультурный подход».¹ В последующем эта ориентация им еще более расширилась и приобрела вид антропосоциетального (социетально-деятельностного) подхода, как «понимание общества и человека как паритетных взаимопроникающих компонентов целостного социума, порождаемого действиями и взаимодействиями людей».² И хотя человек здесь декларируется как многомерный био-социо-культурный феномен, находящийся в когерентной связи с обществом, настоящего паритета с обществом в содержании данного подхода он пока не получил: как и в предшествующих публикациях Н.И. Лапина по социокультурному, социетальному подходу, основное внимание здесь уделено социетальности – обществу как целостности, рассмотренному на макроуровне. То есть развитие идей П.А. Сорокина относительно взаимосвязи триады «личность – культура – общество» в исследованиях как Н.И. Лапина, так и других авторов, происходит в основном по оси «культура – общество», что, конечно, не бесполезно, но пока недостаточно для достижения адекватного представления роли личностей в микро- и макросоциальных процессах.

Социокультурную теорию личности (персоналистику), опираясь на социокультурный подход, разрабатывают Ю.М. Резник и Л.Г. Костюченко³. В оригинале их концепция соответствует основным положениям концепции П. Сорокина. Новым является сравнительный анализ социокультурного и иных подходов к теории личности, что представляет интерес даже при синонимичности в их изложении понятий «подход», «анализ», «метод», а также доведение анализа до выделения социокультурных типов личности⁴.

Социокультурный подход в той или иной интерпретации применяется в российской социологии при исследовании многих социальных явлений: социальных трансформаций (Н.И. Лапин, С.Г. Кирдина), адаптаций (Л.Л. Шпак, Л.В. Корель, М.А. Абрамова)⁵, управления⁶ и т.д., т.е. постепенно он приобретает роль важнейшего методологического принципа как в монодисциплинарных, так и в междисциплинарных исследованиях.

---

¹ *Лапин Н.И.* Антропосоциетальный подход: методологические основания, социологические измерения // Вопросы философии. 2000. № 5. С. 28.

² Там же. С. 17

³ *Костюченко Л.Г., Резник Ю.М.* Введение в теорию личности: социокультурный подход: Учебное пособие для вузов. М., 2003.

⁴ Там же. С. 158–173.

⁵ См.: подробнее: *Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г.* Социокультурная адаптация молодежи Севера к условиям современных трансформаций. Новосибирск, 2011.

⁶ *Морозова О.Ф.* Социокультурный подход к исследованию управления обществом. Красноярск, 2009.

Экспликация данного подхода применительно к процессам управления и регулирования социальных (этносоциальных) процессов будет рассмотрена ниже (глава 3), а пока вернемся к тем новым аспектам принципов социокультурного подхода, которые Н.И. Лапин формулирует, вводя понятие антропосоциетального подхода как включающего в себя социокультурный подход. Хотя в последнем случае он употребляет понятие «общество как целое (социум)», говорит «об обществе как целостной, антропосоциетальной системе»¹ для сравнения принципов двух подходов различия социума и общества важны только в гносеологическом аспекте. В обоих случаях речь идет об одной и той же реальности. Принципиальной же новацией, вводимой Н.И. Лапиным, является то, что если при выделении шести принципов социокультурного подхода, упомянутых выше, он говорит «об обществе как *целостной* социокультурной системе» (курсив наш)², то социетально-деятельностный подход он конкретизирует в виде «нескольких принципов, помогающих сформировать представление о социуме как *противоречиво-целостной* системе» (курсив наш)³. Соответственно, в упомянутых принципах социокультурного подхода добавляются характеристики противоречивости (социального действия, неполноты (антропосоциального соответствия), неустойчивости (антропосоциетального баланса), т.е. эти принципы приобретают более диалектический характер во втором подходе. Кроме того, в антропосоциетальном подходе шестой принцип – необратимости эволюции социокультурной системы как целого – отсутствует.

Как представляется, антропосоциетальный подход, несмотря на свое название, смещает центр тяжести в «триаде» П. Сорокина в сторону общества (социума), а не личности (человека), поэтому мало что (кроме диалектичности) добавляет к отмеченным принципам социокультурного подхода, ранее сформулированным Н.И. Лапиным.

Более перспективным для обеспечения паритетности личности в социокультурном подходе, рассмотрения ее не просто как элемента социетальных функций, обезличенного субъекта деятельности (взаимодействий, социального действия), представляется развиваемая Ю.М. Резником и другими исследователями социокультурная типологизация личностей. Она не противоречит содержанию и принципам антропосоциетального подхода, а дополняет их, делает более «человечными (антропоморфными)» и смещает

¹ Лапин Н.И. Антропосоциетальный подход: методологические основания, социологические измерения. С. 19.

² Лапин Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры. С. 5.

³ Лапин Н.И. Антропосоциетальный подход: методологические основания, социологические измерения. С. 22.

центр тяжести «триады» в сторону личности. В то же время проведенный анализ показал, что в настоящее время теоретический баланс составляющих «триады» П. Сорокина пока не достигнут.

В целом можно заключить, что социокультурный подход характеризуется представлением об обществе как о динамичной противоречиво-целостной системе, интегральном единстве его основных подсистем – личности, культуры и социальности, – образуемых взаимодействием индивидов и групп, представлением, реализуемом как комплекс парадигмально-онтологических, синтагматических и прагматических структур теоретических и (или) прикладных, как правило, междисциплинарных исследований в науке (в первую очередь – в социогуманитарной).

Различия в интерпретациях данного подхода определяются мировоззренческими, методологическими, прагматическими установками исследователей, спецификой предметов исследований, традициями научных школ в тех или иных дисциплинах. В свою очередь само научное мировоззрение во многом зависит от типа культуры общества на определенном этапе его развития. Социокультурный подход актуализируется в переходные периоды, когда становятся недостаточными или неэффективными модели объяснения и прогнозирования социального развития, основанные на одной доминанте (социальной, политической, экономической и др.). Именно такой период переживает современный мир и особенно Россия.

§ 3. Социокультурный подход и методология этносоциологии

Для целей данного этносоциологического исследования имеет смысл кратко выразить свой взгляд по этому вопросу.

В мировой и современной российской науке об этнических феноменах четко обозначились три основных представления (подхода): примордиалистский, конструктивистский и инструменталистский. Все они исходят из признания центральной роли культуры в этом феномене, а различия коренятся в понимании роли личностей в становлении и развитии таких социокультурных образований, как этносы. Примордиалисты рассматривают этническую общность как объективную реальность, продукт взаимодействия масс людей, а свойства этноса – язык, культуру, этническое самосознание – как продукт его развития в определенных условиях – территориальных, природных, социально-экономических, государственно-правовых. Конструктивисты исходят из представлений о том, что этническое самосознание и этническая культура есть интеллектуальный конструкт «этнических предпринимателей» – ученых, политиков, лидеров. Инструменталисты также отводят решающую роль в становлении современных этнических

общностей потребностям людей в преодолении отчуждения, во взаимной поддержке при реализации своих материальных и политических интересов¹, т.е. исходят из социально-психологических теорий личности, но, в отличие от конструктивистов, – роли не одних лишь «предпринимателей».

Социальность – как взаимосвязь членов этнической общности – не оспаривается ни в какой из этих концепций, доминирующих в мировой и российской этнологии и этносоциологии.

Казалось бы, при таком сходстве воззрений на структуру этнических феноменов – наличия в них социальности, культуры и личностных элементов, социокультурный подход, как интегрирующий все эти три измерения этноса, должен быть основным, ведущим в теоретико-методологическом арсенале этнологических и этносоциологических исследований. В действительности же в российской теоретической науке об этнических и национальных феноменах он в явном, методологически рефлексированном виде фактически отсутствует, хотя в той или иной мере реализуется в исследованиях прикладного характера. В этносоциальных или этнокультурных исследованиях доминируют подходы, которые можно обозначить как социально-культурные, т.е. «безличностные», когда личность «растворена» (как продукт или источник) в социальности или культуре.

В учебнике «Этносоциология» отмечается, что этносоциология, как междисциплинарное научное направление, стремится осуществлять комплексный подход, учитывающий особенности макро-, мезо- и микросреды, а наиболее общим методологическим принципом является принцип деятельности. «Применяя принцип деятельности к изучению личности, включенной в этническую группу (курсив наш), этносоциологи, как и социологи, работающие в других направлениях, используют ряд социологических подходов для изучения и объяснения различных фактов. Совокупность таких подходов составляет методологию, применяемую в данной области знания»². Далее в учебнике кратко обозначаются подходы: культурологический, «коллективистский» (Н. Смелзер), ролевой, функционализм (Г. Спенсер, Э. Дюркгейм), психологический.

Собственно говоря, содержание психологического подхода здесь во многом близко к тому, что П. Сорокин и его последователи (включая нас) определяли как «социокультурность», «социокультурные явления». Правда, в методологии П. Сорокина, как уже отмечалось, понятие «социокультурный подход» отсутствует, хотя, по сути, вся его система социологии построена на этом подходе.

В этносоциологии наиболее полно социокультурный подход (трактуемый

¹ См., например: Арутюнян Ю.В., Дробижеева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология: Учебное пособие для вузов. М., 1999. С. 32–36.

² Арутюнян Ю.В., Дробижеева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. С. 14–15.

как психологический) используется при исследованиях межэтнических взаимодействий (отношений) на личностном и групповом уровнях. Правда, понятия «взаимодействия» и «отношения» понимаются как синонимы: «межэтнические отношения в широком смысле слова понимаются как *взаимодействия* (курсив наш) народов в разных сферах – политике, культуре и т.д., в узком смысле – как межличностные отношения людей разных национальностей, которые тоже происходят в разных сферах общения...»¹. Не вдаваясь в различия содержания понятий «взаимодействие» и «отношение» (это будет раскрыто в главе 2), отметим, что оба они на межличностном и групповом уровнях требуют явного введения понятия «личность» в той или иной ипостаси, диктуемой спецификой предмета исследования в этносоциологии. В исследованиях используются социально-психологические и психологические теории личности: ролевая (И.С. Кон), теория установок и диспозиций (В.А. Ядов).

Этнические взаимодействия на всех уровнях происходят между людьми, наделенными волей и сознанием, поэтому изучение этнического сознания, самосознания, этнической идентичности требует в той или иной мере обращения к структурам личности. В.С. Агеев выделяет следующие подходы к объяснению межэтнических (групповых) отношений на личностном уровне: мотивационные, ситуационные, когнитивные, деятельностные².

Мотивационные подходы к объяснению характера межэтнических отношений – нейтральных, напряженных, враждебных – базируются на эмоциональной сфере психической деятельности. Чаще всего с их помощью изучаются явления фрустрации, депривации, агрессивности, особенно в периоды обострения межэтнических отношений. Типы межэтнической напряженности рассмотрены Г.У. Солдатовой, выделившей в качестве главного признака фрустрационной напряженности рост эмоционального возбуждения в этнической группе. Это проявилось, в частности, в зоне конфликтов в Северной Осетии, в Туве в 1990-е годы³.

Когнитивные подходы в отечественной этносоциологии строятся на сочетании идей теории социальной идентичности Г. Тэджфела⁴ и культурно-исторической школы в отечественной психологии (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев), выводящей специфику когнитивных процессов индивидов и групп из специфики их деятельности и объективных условий их взаимодействия.

Как отмечает Л.М. Дробижева: «Методология исследований, кото-

¹ Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. С. 185.

² Агеев В.С. Межгрупповые взаимодействия. Социально-психологические проблемы. М., 1990. С. 104.

³ Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1997. С. 10.

⁴ Taifel H. Social Categorization, Social Identity and Social Comparison // Differentiation between Social Groups. London, 1978.

рая сложилась в Институте этнологии и антропологии РАН в результате длительного изучения этнического самосознания и межэтнических отношений, построена на принципе взаимодействия когнитивно-мотивационной сферы личности и важнейших характеристик общества – социальной, политической и этнокультурной среды»¹. Здесь намечается интенция к социокультурности (по П. Сорокину), однако «неразрывность триады» (личность–общество–культура) явно не задана. Между тем четко выраженная методологическая установка на триадность более плодотворна в понимании этносоциальных явлений, чем «диадность» (личность – социальное, личность – культурное, социально-культурное).

Анализируя подходы к исследованию межэтнических отношений и ограничения, накладываемые спецификой социологических методик при изучении эмоционально-мотивационного аспекта межэтнических отношений, Л.М. Дробижева констатирует: «К сожалению, в отечественных исследованиях межэтнических отношений, в массовых опросах тип личности (авторитарный, невротический, экстраверт и т.д.) специально не изучался. В программах обычно «закладывались» гендерные, возрастные и социальные характеристики... Ибо в инструментарий для массовых опросов очень трудно ввести процедуры, измеряющие, скажем, авторитарность или невротичность личности. Проблема заключается в том, что социологические методики, используемые для репрезентативных опросов больших групп, крайне трудно совместить с психологическими»².

Крайне трудно, но возможно. Отчасти это реализовано нами в исследовании социокультурной адаптации молодежи³.

Предметные области этносоциологии отчасти пересекаются с этнологией и антропологией. В методологии последних заметную роль играет течение конструктивизма, представленное в современной российской науке в первую очередь трудами и общественно-политической деятельностью В.А. Тишкова. Поскольку социокультурный подход изначально формировался как примордиалистский (П. Сорокин относил свою социологическую систему к течению критического реализма) и ныне развивается в целом в русле примордиализма, то нет необходимости, исходя из задач нашего исследования, детально разбирать теоретико-методологические подходы конструктивистов вообще и В.А. Тишкова, в частности. Принципиальное различие методологических подходов примордиалистов и конструктивистов

¹ Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. С. 205–206.

² Там же. С. 204.

³ См. подробнее: *Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г.* Социокультурная адаптация молодежи Севера к условиям современных трансформаций. Новосибирск, 2011.

наиболее четко, на наш взгляд, обозначил М.Н. Губогло в своем исследовании процессов этнической идентификации: «Крайности, а следовательно, и недостатки примордиализма и конструктивизма состоят в том, что первое направление акцентирует внимание на культурном и социальном наследовании как важных, если не главных механизмах воспроизводства этничности и умаляет значение и роль сознательного «этнического предпринимательства», в то время как второе, напротив, решительно отрицает наследственные структуры и механизмы, не признает наличие «первичного материала» и воспринимает воспроизводство этничности исключительно как продукт сознательного конструирования»¹. Под «первичным материалом», из которого формируется этническая идентичность, он понимает менталитет, культуру и нормы поведения. Ключевым моментом здесь является различие в понимании баланса внутренних потенций и внешних факторов в развитии идентичности. А смысл политики «этнического предпринимательства» заключается в отказе этническим образованиям в саморазвитии и в самовоспроизводстве и в вытекающем отсюда желании взять это развитие в свои руки»².

О том, к каким последствиям в национальной политике современной России ведет «конструктивистский» подход, речь пойдет в последующих главах. Пока зафиксируем только методологически-мировоззренческое отличие социокультурного подхода от конструктивизма.

Определяя предметную область современной российской этносоциологии, Ю.В. Арутюнян и Л.М. Дробижева – ее ведущие представители – отмечают: это «дисциплина, изучающая социальные аспекты развития и функционирования этносоциальных и этнокультурных общностей, формы их самоорганизации, взаимосвязи и взаимодействия между этническими и социальными группами, между личностью и этнической общностью, раскрывая закономерности социальных действий и коллективного поведения этнических групп»³. В данном определении отражено понимание этносоциологии как науки, изучающей взаимосвязи личностей, групп, опосредованные культурой. В методологическом аспекте это вполне соответствует социокультурному подходу в его «классическом» виде (по П. Сорокину), хотя понятие «социокультурный подход» не манифестируется в методологии этносоциологии. Методологическая рефлексия в этносоциологии, за редкими исключениями (Н.И. Лапин, Б.Е. Винер) пока, к сожалению, развита недостаточно.

---

¹ Губогло М.Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. М., 2003. С. 53.

² Там же. С. 54.

³ Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М. Этносоциология // Социологическая энциклопедия. М., 2003. Т. 2. С. 822.

Глава 2. Теоретико-методологические проблемы исследования межэтнических взаимодействий

Задача настоящей главы – рассмотреть комплекс теоретико-методологических проблем, касающихся исследования межэтнических взаимодействий, начиная от характеристики их носителей (субъектов) до анализа содержания и механизма межэтнических взаимодействий, акцентируя внимание на интернационализации как фундаментальном законе развития национальных (этнических) общностей и межэтнических взаимодействий.

§ 1. Соотношение этнической и национальной общности

В настоящее время достаточно распространенным является представление о нации (национальной общности) как политической (гражданской) общности, а об этносе (этнической общности) – как социокультурной общности. Однако и в повседневном обиходе, и в политическом дискурсе, и в научных дискуссиях столь строго разделения этих терминов не существует. Понятие «национальный» употребляется не только в смысле «государственный», «гражданский» (национальный доход, национальные интересы государства), но и в смысле «этнический» (национальная культура, национальные конфликты, межнациональные отношения, и др.). Об этом свидетельствуют и тексты последних важных политических документов, касающихся вопросов государственного регулирования системы межэтнических взаимодействий – Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утвержденной 19 декабря 2012 года) и федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)» (утвержденной 20 августа 2013 года). В них понятия «национальный» и «этнический» употребляются как синонимы.

Как представляется, неоднозначная трактовка понятия «нация» (и, соответственно, «национальный») во многом связана с социокультурными особенностями и устойчивостью различающегося опыта его использования: в русском языке понятие «нация» употребляется по преимуществу в этническом смысле (как нация-культура), что стало своего рода традицией, на Западе (хотя и не во всех странах), – в основном в политическом (гражданском) смысле (как нация-государство). Но дело не только в терминологических тонкостях. Существует целый комплекс проблем методологического характера, на которых целесообразно специально остановиться.

Первое, на что следует обратить внимание, состоит в том, что понятия этнической и национальной общности соотносятся между собой как принадлежащие к разным научным дисциплинам – соответственно этнографии и социальной философии. Каждая наука обладает своим собственным предметным подходом, состоящим в отражении специфической системы закономерных связей объекта, и гносеологический статус этих подходов различен. Более общим является социально-философский подход, позволяющий вычленить существенные характеристики рассматриваемых общностей. Их анализ на уровне этнографии предполагает конкретизацию социально-философского подхода и составляет иную, более специальную предметную область исследований с соответствующей ей собственной системой понятий. Непосредственное перенесение последних на более общий уровень приводит к смешению разнопредметных подходов, а следовательно, и разных явлений.

В этой связи не является бесспорным сделанное в конце 1980-х гг. Ю.В. Бромлеем утверждение о том, что для исследования национальной проблематики может быть использован сложившийся в последнее время в этнографии понятийный аппарат¹. Его поддержал и В.А. Тишков: «Для того, чтобы основательно обновить наше теоретическое хозяйство как минимум необходимо задействовать потенциал профилирующей в этой области науки – этнографии»². Обосновывая свое предложение, Ю.В. Бромлей отмечает, что этническая терминология охватывает все разновидности этнических общностей, поэтому выражает глобальный подход к соответствующим явлениям и позволяет изучать их в масштабе всемирно-исторического процесса³.

Возражения на этот счет могут быть двоякого рода.

Во-первых, этническая терминология является всеобъемлющей только в смысле охвата всех исторических форм этнических общностей. Она не выражает глобальности изучения в плане охвата их целостности, всех сторон жизни каждой из данных общностей.

Введение в свое время Ю.В. Бромлеем в употребление понятия этносоциального организма было, по-видимому, обусловлено тем, что долгое время другие науки не занимались всесторонним изучением народов и этнографии приходилось порой решать задачи этих наук⁴, в данном случае

¹ См.: Философские проблемы теории и практики национальных отношений при социализме: Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 1988. № 9. С. 36.

² Тишков В.А. О новых подходах в теории и практике межнациональных отношений // Советская этнография. 1989. № 5. С. 6.

³ См.: Семенов Ю.И. Кочевничество и некоторые общие проблемы теории хозяйства и общества // Советская этнография. 1982. № 2. С. 54–59.

⁴ См.: Бромлей Ю.В. К вопросу о неоднозначности исторических традиций этнографической науки // Советская этнография. 1988. № 4. С. 3–13.

задачи социально-философской теории. Но подходить к их решению она могла только с точки зрения своего предмета, следовательно в принципе не была в состоянии их решить. Не случайно социально-философская проблематика не нашла (и не могла найти) отражения в категориальном аппарате этнографии. Эту задачу не решает и относительно новая научная дисциплина – этносоциология, поскольку представляет собой не социально-философское, а конкретное социологическое знание об этнических и национальных феноменах¹. Подобную задачу не решает и этнология, рассматривающая специфические внутриэтнические процессы, а не детерминацию их общими социальными условиями и закономерностями².

Во-вторых, как еще в конце 1980-х гг. отмечал Ю.В. Бромлей, «проблемы современности не стали еще главным компонентом этнографического изучения народов. Поэтому этнография остается преимущественно исторической дисциплиной»³. За последнее время ситуация принципиально не изменилась.

Важно также и то, что в современных этнических концепциях преобладает феноменологический подход, характерными чертами которого являются отсутствие обобщающих теорий при значительном объеме эмпирического материала, преобладание интуитивных методов построения научного знания и использование формальных критериев⁴.

Не спасает ситуацию введенное в научный оборот несколько десятилетий назад понятие этничности. По признанию Н.Г. Сковцова, оно «не может удовлетворительно охватить собой все многообразие межгрупповых взаимодействий, к которым этот термин прилагается»⁵. Данное понятие, хотя и широко по своему содержанию и интенции, но недостаточно для отражения палитры проблем, связанных с существованием отдельных народов.

Проблема решается, с одной стороны, расширением вкладываемых в понятие этничности смыслов, прежде всего отражающих определенные политические аспекты межэтнических взаимодействий, которые обыч-

---

¹ См.: Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Кондратьев В.С., Сусоколов А.А. Этносоциология: Цели, методы и некоторые результаты исследования. М., 1984; Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. М., 1998.

² См.: Лурье С. В. Историческая этнология. М., 1997. С. 36.

³ Бромлей Ю. В. О предмете этнографии свете логико-системного анализа // Советская этнография. 1988. № 1. С. 68.

⁴ См.: Павлов А. В. Соотношение феноменологического и сущностного подходов в процессе исследования национальных отношений: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. С.-П., 1995. С. 9.

⁵ Сковцов Н. Г. Проблема этничности в социальной антропологии. С.-П., 1997. С. 168.

но присутствуют в понятии нации (национальной общности), с другой стороны, конституированием новых, базирующихся на нем, понятий. К числу последних принадлежат, например, «национализм» и «идентичность», которые часто трактуются как вытекающие из понятия этничности. В этой связи Н.Г. Скворцов обращает внимание на интересный факт: в 1994 г. вместо международного журнала «Этнические группы» появляется новый журнал «Идентичности: глобальные исследования культуры и власти», задача которого, по словам его издателей, состоит в том, чтобы перенести область этнических исследований за пределы описания лишь собственно культурного многообразия¹.

Для всестороннего изучения национальной проблематики требуется не только использование понятий этнографической науки, этнологии и социальной антропологии, но и развитие собственного категориального аппарата социальной философии. Решению данной задачи может способствовать, в частности, введение понятия «национальная общность», характеризующего не только нацию, но и предшествующие ей исторические формы общности людей.

С нашей точки зрения, национальную общность следует понимать как общность людей, имеющую духовно-практическую природу и конституирующую относительно самодостаточную целостность общественных отношений. В отличие от этнической общности, исходно презентующей традиционно-бытовую сферу жизнедеятельности людей, общность языка и самосознания, непосредственно связанных с воспроизводством человека как основной предпосылки существования общества, национальная общность характеризует целостность всех аспектов общественной жизни определенной совокупности людей в ее отношении к этническому, как одному из факторов, детерминирующих социальное бытие. Являясь многосвязной социальной системой, национальная общность предполагает такую совокупность людей, в которой они объединены этническим, хозяйственно-экономическим, территориальным и политическим (в развитом состоянии) признаками, не будучи сводима ни к одному из них. Национальная общность в своем развитии реализуется в разных исторических формах – племени, народности, нации. Все они обладают инвариантными признаками, различаясь степенью развитости, спецификой проявления и ролью этих признаков в формировании органической целостности общности людей².

---

¹ Скворцов Н. Г. Проблема этничности в социальной антропологии. С.-П., 1997. С. 168

² См. об этом подробнее: Попков Ю.В. Интернационализация в традиционном и современном обществах. Новосибирск, 2000. С. 21–41.

Национальная общность выступает как снятие этнических общностей, на базе которых она формируется, означающее одновременно и отрицание этносов, и сохранение их в преобразованной и латентной форме. В ходе дальнейшего развития и при определенных условиях этнические характеристики могут вновь проявить себя в качестве актуально значимой реальности, что и наблюдается сейчас в глобальном масштабе.

Как отмечалось в начале данного параграфа, в отечественном дискурсе не существует устоявшейся и общепризнанной трактовки соотношения понятий «национальная общность» («нация») и «этническая общность» («этнос»). В данной связи представляется важным обратить внимание на следующее обстоятельство. Многолетняя и достаточно жесткая полемика в России между сторонниками гражданской (политической) и этнической (культурной) трактовки нации не привела к явной победе одной из точек зрения. Как представляется, это произошло потому, что за каждой из них стоит некоторая значимая реальность. Идеологическая гегемония политической концепции нации, институционально выраженная, например, в организациях типа ООН, не смогла предотвратить наблюдавшийся в конце XX века «этнический ренессанс», легитимированный, безусловно, концепцией культурной нации. Поэтому актуальными являются не продолжение конфронтации, попытки «запретить» или вытеснить этнокультурную трактовку нации, а рефлексивная коммуникация этих двух точек зрения по вопросу о нации и понятия «национальный».

В данной связи принципиальное значение имеет понимание того, что национальная общность существует на разных уровнях социальной организации. Она возникает как охватывающая родственников, представителей нескольких родов, находящихся в тесных контактах и говорящих на одном языке. Именно для обозначения социальной группы, объединенной общим происхождением, в Древнем Риме употреблялся термин «нация». Таким образом, изначально национальная общность конституируется в качестве целостности системой этнических отношений, играющих доминирующую роль. Впоследствии на первое место могут выходить территориальные, экономические или политические признаки. Но все они так или иначе существуют в разных формах национальных общностей. Причем исходно доминирующий признак присутствует в развитых формах в качестве внутренних опосредований. В известном смысле (с точки зрения доминантного признака) под национальной общностью правильно понимать и племенную организацию, объединяющую людей общностью происхождения, и нацию, в отечественной традиции понимаемую как этнонацию, и нацию, в западной традиции понимаемую как согражданство. В том числе данным обстоятельством можно объяснить многочисленные примеры употребления по-

ния «национальный» в этническом смысле, а понятия «этнический» – в национальном смысле. Все это отражает реальную взаимообусловленность и взаимопроникновение этнического и национального. Кроме того, в последнее время ярко выраженным является эффект политизации этнического, что дает лишние аргументы в пользу неправомерности слишком жесткого разведения понятий «национальное» и «этническое».

В ходе дальнейшего анализа под национальной общностью мы будем иметь в виду также и этническую общность. Соответственно межнациональные взаимодействия (отношения) будут подразумевать и межэтнические взаимодействия (отношения). Случаи различения соответствующих понятий будут оговариваться специально.

§ 2. Рефлексивный характер межэтнических взаимодействий

В диалектико-материалистической философии под взаимодействием понимается категория, фиксирующая порождение одним объектом другого, их взаимное воздействие и взаимную обусловленность, взаимопереход друг в друга, изменение состояния и т. п. Категория взаимодействия играет фундаментальную роль в современной картине мира и является существенным методологическим принципом познания природных и общественных явлений. Как отмечает Н.Г. Белянкина, в настоящее время «акцент в постановке проблемы нахождения элементарного объекта смещается с выделения субстрата (в форме элементарной “вещи”) на анализ связей, отношений элементов», «элементарность становится продуктом системных отношений, а взаимодействие выступает в качестве интегральной характеристики»¹. Рассмотрение действительности как взаимодействия является основополагающим принципом в современном научном познании, а изучение закономерностей взаимодействия противоположностей в самой сущности предметов выступает основной задачей науки.

Важно обратить внимание также на то, что категория взаимодействия приобрела существенное значение для объяснения источников развития. Если раньше в диалектической методологии в качестве такового рассматривалась борьба противоположностей, то сейчас – их взаимодействие².

В рамках каждой формы движения материи существует соответствующий ей тип взаимодействия. Социальная форма движения имеет в основе социальное взаимодействие. Специфика социального взаимодействия в от-

¹ Белянкина Н.Г. О парадоксе элементаристского подхода // Философские науки. 1988. № 5. С. 96.

² См.: Иезуитов А.Н. Философия взаимодействия. Объяснение необъяснимого. С.-П., 1995.

личие от взаимодействий, существующих в рамках иных форм движения материи, состоит в том, что его сторонами являются социальные общности. В процессе взаимодействия каждая из них выступает одновременно и в качестве объекта (для другого субъекта), и в качестве субъекта (являясь носителем воздействия на другую общность). В этом смысле стороны являются взаимобусловленными, а их взаимодействие образует собственно систему.

Если взаимодействие берется как наличное, то в нем фиксируются лишь случайные (несистемные) связи. Его правомерно назвать необходимым (системным) взаимодействием, если оно рассматривается в развитии, т. е. не только функционально, но и генетически. Взаимодействие, взятое в развитии, образует целостное социальное отношение, сторонами которого являются социальные субъекты (общности)¹.

В то же время необходимое взаимодействие выступает как диалектическое противоречие, которое включает в себя четыре взаимосвязанных процесса: «Каждая из его сторон полагает свою противоположность, т. е. выступает как предпосылка, необходимое условие ее существования как таковой. Одновременно каждая из сторон отрицает свою противоположность, т. е. собственным движением ограничивает ее развитие. Важный момент противоречивого взаимодействия сторон – их взаимопроникновение. Обе стороны полагают себя друг в друга и возвращаются в себя опосредованно через свое иное. Полагание себя в иное выступает как предпосылка и способ саморазвития этого иного. Возвращение в себя выступает как граница, ограничение развития иного»². Взаимопроникновение осуществляется через снятие воздействия друг на друга, при этом в процессе снятия происходит не только отрицание, но и полагание, т. е. осуществляется не только отрицательный, но и положительный процесс. Результатом взаимодействия сторон выступает формирование одновременно и их тождественности, поскольку существует взаимопроникновение, и различности, так как каждая сторона сохраняет себя как субъект.

Чем более развито взаимодействие, тем более опосредованы взаимосвязи сторон. В результате взаимодействия каждая сторона внутренне дифференцируется. В ней существует не только собственно свое, но и иное, ставшее своим, как опосредованное процессом взаимодействия снятое воздействие другой стороны. Поэтому каждая сторона включает в себя особенное как свойственное только ей, и общее – свойственное и ей, и другой стороне. Диалектику общего и особенного во взаимодействии предельно четко выразил Гегель: «Но если в воздействии объектов друг на друга положена прежде

¹ См.: *Фофанов В.П.* Социальная деятельность как система. Новосибирск, 1981.

² *Фофанов В.П.* Социальная деятельность и теоретическое отражение. Новосибирск, 1986. С. 28–29.

всего их тождественная всеобщность, то столь же необходимо должен быть положен и другой момент понятия – особенность, поэтому объекты показывают свою самостоятельность, сохраняются как внешние друг другу»¹.

В рамках социального взаимодействия стороны являются относительно самостоятельными и относительно обособленными потому, что они и полагают, и отрицают друг друга, каждая из них и проникает в другую сторону, и противостоит ей, имея свой механизм воспроизводства. Относительная самостоятельность и обособленность социальных общностей делает их несовпадающими и различными относительно друг друга. Эти различия определяют развитие сторон, которое реализуется через ряд циклов их взаимоотношения и взаимоотрицания.

Таким образом, социальные общности в процессе взаимодействия одновременно и различны, и тождественны (едины). Различность выражается в том, что каждая из них образует отдельную, относительно самостоятельную систему, тождественность – в их взаимном снятии. И то, и другое выступают моментами взаимодействия социальных общностей, а само взаимодействие является одним из необходимых условий их внутреннего развития. «Полностью самодостаточных, развивающихся только “из себя” систем не существует»².

Специфика социальной формы движения материи состоит в том, что объективная диалектика выступает как диалектика материального и идеального, предметной и духовной составляющих. Соответственно во взаимодействии присутствует сознание как его внутренний компонент. Поскольку в социальной системе каждый субъект существует опосредованно через другой субъект, постольку опосредованным является и его сознание. «Каждый субъект делает свою деятельность и свое сознание предметом своего сознания опосредованно через деятельность и сознание другого субъекта»³. По мере развития взаимодействия развивается и сознание социальной общности.

Выделенные характеристики социального взаимодействия являются общими для любой его разновидности, в том числе и для межэтнического взаимодействия, взаимодействия национальных общностей. В то же время они имеют особую форму проявления, обусловленную своеобразием данного вида социального взаимодействия. Следовательно, взаимодействию национальных общностей присущи, с одной стороны, механизм функционирования и развития, свойственный любому целостному социальному взаимодействию, с другой – содержательное своеобразие, определяемое спецификой взаимодействующих сторон.

¹ Гегель Г.В.Ф. Наука логики: В 3-х т. М., 1972. Т. 3. С. 165–166.

² Фофанов В.П. Социальная деятельность и теоретическое отражение. С. 123.

³ Там же. С. 33.

Переходя к анализу межэтнического взаимодействия, выделим три его уровня, характеризующих глубину отражения действительности. Первый уровень предполагает исследование взаимодействия национальных общностей в общем плане, понимая последние как носителей активности. Это соответствует рассмотрению взаимодействия в качестве исходного пункта познания.

Второй уровень характеризует углубление познания взаимодействия до фиксации его как причинного отношения: «Только исходя из этого универсального взаимодействия, мы приходим к действительному каузальному отношению. Чтобы понять отдельные явления, мы должны вырвать их из всеобщей связи и рассматривать их изолированно, а в таком случае сменяющие движения выступают перед нами – одно как причина, другое как следствие»¹. Такое соотношение взаимодействия и причинности признается и современными философами. Так, О.С. Разумовский пишет, что категория взаимодействия является основой для объяснения механизма причинной связи². А.К. Черненко рассматривает причинность как универсальное взаимодействие³.

Третья ступень познания предполагает отражение процесса на уровне субстанции, ибо объяснение причины невозможно без углубления познания от внешних проявлений к глубинному внутреннему основанию.

Носителями межэтнического взаимодействия являются национальные общности. Каждая из них воздействует на другую и одновременно воспринимает воздействие с ее стороны. Обе стороны обладают активностью и выступают поэтому в качестве субъекта. Но если каждая национальная общность есть субъект, то она является и объектом для другой общности. Тем самым налицо взаимопроникновение сторон, выражающееся в существовании общности одновременно и как субъекта, и как объекта.

Национальная общность реализует себя как субъект путем полагания и отрицания. Причем, в процессе взаимодействия происходит полагание и отрицание не только другой общности, но и самой себя. Каждая общность, полагая другую, одновременно отрицает себя в себе и полагает себя в эту другую. Затем происходит отрицание себя в другом и полагание себя в себя, т. е. осуществляется возвращение себя в себя, опосредованное через другую общность. Сама национальная общность при этом не остается неизменной, она содержательно обогащается за счет усвоения элементов другой общности.

¹ Фофанов В.П. Социальная деятельность и теоретическое отражение. С. 546, 547.

² См.: Разумовский О.С. Бинарное отношение причины и следствия // Детерминизм и современная наука. Воронеж, 1987. С. 67.

³ См.: Черненко А.К. Причинность в истории. М., 1983. С. 27–34.

Процесс полагания и отрицания себя и другой общности является характерным для каждой из сторон взаимодействия, поэтому налицо взаимопроникновение национальных общностей. В нем важно выделить два момента. Во-первых, проявление национальной общности в качестве субъекта путем полагания себя в ином и возвращение в себя (обогащение иным) выражает момент саморазвития национальной общности. В данном случае причина ее развития лежит в ней самой. Во-вторых, проявление этой же национальной общности как объекта, т. е. как подвергаемой полаганию и отрицанию со стороны другой общности, выражает момент ее детерминации внешними условиями. В данном случае причиной ее развития выступает эта другая общность.

Если же говорить в целом, то следует признать, что причина развития национальной общности лежит и в ней самой, и в другой общности, т. е. ее развитие определяется и внутренними, и внешними причинами. И в первом, и во втором случае причина реализуется через взаимодействие и во взаимодействии. Таким образом, развитие национальных общностей определяется их взаимодействием и реализуется через взаимопроникновение внутреннего и внешнего. Собственное развитие каждой национальной общности обусловлено как внутренними причинами, так и характером взаимодействия с другой общностью. В процессе взаимодействия происходит освоение внешнего, превращение его во внутренние элементы данной общности. В то же время элементы внутреннего становятся достоянием другой общности. В традиции немецкой классической философии эти процессы описываются как процессы рефлексии. Иначе говоря, в данном случае речь идет о рефлексивном взаимодействии, рефлексии национальных общностей.

До начала взаимодействия каждая национальная общность выступает как нерасчлененное с точки зрения национальных характеристик целое. В процессе взаимодействия она дифференцируется, в ней помимо элементов, свойственных только ей (своего), появляются элементы, присущие обоим общностям (иное, ставшее своим). Первое есть особенное, специфическое, как свойственное только данной общности, а потому отличное от иного, второе – общее, как существующее и в данной, и в противоположной общности. Специфическое обозначим понятием «национально-особенное», а общее – понятием «интернациональное». Национально-особенное и интернациональное существуют в единстве и образуют национальное как конкретное тождество, т. е. тождество с различием. Соответственно единство национально-особенного и интернационального обозначим понятием «национальное». Оно выражает внутренние стороны, принадлежащие отдельной общности, характеризуя ее как качественную определенность.

Качество, как известно, является синтетической характеристикой, снимающей внутренние различия. Сочетание национально-особенного и интернационального образует национальную общность как отдельное целостное образование. Таким образом, национальное как качественно определенное есть единство различных сторон – национально-особенного и интернационального. Не может быть целостности национального, а следовательно, и национальной общности, если нет составляющих ее сторон.

Такая позиция не является общепризнанной. Ее оппонентами являются, например ряд этнографов. Так, В.И. Козлов отстаивает идею о том, что интернациональное (интерэтническое) может существовать вне национального (этнического)¹. «Межэтническая, или интернациональная, культура, – отмечает он, – не является ни частью этнической (национальной) культуры, ни конгломератом таких культур, а представляет собой принципиально иной компонент культуры. Она не просто сосуществует с этнической (национальной) культурой, но взаимодействует с ней. В отдельных случаях это взаимодействие выражается в том, что некоторые элементы межэтнической, или интернациональной, культуры при их усвоении данной этнической средой несколько изменяются и в таком виде включаются в этническую (национальную) культуру. Однако в подавляющем большинстве случаев это взаимодействие приводит к вытеснению элементов этнической культуры из массового употребления, к превращению их в раритеты, к общему сужению зоны традиционно-бытовой культуры»².

Подобную позицию можно, на наш взгляд, объяснить тем, что этническое рассматривается как некоторая составляющая культуры, не охватывающая все аспекты жизни отдельных общностей, т. е. понимается не в качестве органической целостности, а лишь как часть (традиционно-бытовая) культуры. В рамках этого подхода разграничиваются понятия (по логике: от общего к частному) «культура», «культура этноса», «этническая культура». Этническое ассоциируется с последним из приведенных понятий, а национальное, в свою очередь, рассматривается как этническое.

В соответствии с нашим подходом, где национальное рассматривается как некоторая целостность, интернациональное вовсе не означает отрицание национального. Напротив, само интернациональное воплощено в национальном. Они соотносятся между собой не как общее и особенное, а как общее и отдельное.

---

¹ Козлов В.И. Этнос и культура. (К проблеме соотношения национального и интернационального в этнографическом изучении культуры) // Советская этнография. 1979. № 3. С. 71–86.

² Там же. С. 84–85.

Благодаря своей качественной определенности национальная общность в процессе взаимодействия сохраняет свою самостоятельность и относительную обособленность, что дает ей возможность не сливаться с другой национальной общностью, несмотря на их взаимопроникновение. Это делает их во взаимодействии и различными, и тождественными одновременно. Различность выражает национально-особенное, тождественность – интернациональное. Само интернациональное не следует понимать упрощенно. Оно не существует в «чистом» виде, а воплощается, как правило, в конкретной форме, соотносясь с внутренними условиями данной национальной общности. Интернациональное опосредовано национально-особенным, которое присутствует в нем как внутренний момент, как некоторая внутренняя форма.

Описанное взаимодействие национальных общностей представляет собой такое его состояние, которое характеризует их взаимопроникновение, рефлексивность. Она находит свое воплощение в процессе интернационализации. В аспекте внешней рефлексии в процессе интернационализации национальные общности проявляют себя одновременно и как объекты, и как субъекты, сохраняя свою относительную обособленность и самостоятельность в условиях нарастания их сближения и взаимной зависимости. В аспекте внутренней рефлексии интернационализация выступает как причинное отношение, как опосредование внутренних и внешних условий развития национальных общностей. Субстанцию интернационализации составляет взаимопроникновение интернационально-общего и национально-особенного. Данные положения выражают суть рефлексивной концепции интернационализации¹.

При характеристике субстанции интернационализации речь шла о единстве интернационального и национально-особенного применительно к отдельной национальной общности. Это соответствовало задаче зафиксировать в данной общности изменения, обусловленные внутренними и внешними причинами. Следовательно, субстанция была отражена с точки зрения результата взаимодействия сторон. В то же время субстанция составляет основу не только продукта, но и самого процесса. Иначе говоря, единство интернационального и национально-особенного, если оно действительно является субстанцией интернационализации, должно характеризовать не только отдельную национальную общность, но и само взаимодействие данной общности с другой общностью, что фиксируется в понятии этносоциального процесса.

---

¹ Попков Ю.В. Рефлексивная концепция интернационализации как методологическая основа национальной политики // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 2. С. 35–41.

На самом деле это так и есть. И национально-особенное, и интернациональное формируются, вычленяются первоначально непосредственно во взаимодействии и лишь затем становятся сторонами национального. Именно потому, что интернациональное существует не только в рамках отдельных национальных общностей, но и в самом взаимодействии этих общностей, оно не сводится к сумме общего, существующего в отдельных общностях. Подобно тому, как реальную действительность образуют не только отдельные предметы и явления как таковые, но и связи между ними, интернациональное (а также национально-особенное) существует как внутри национального, так и в самом процессе взаимодействия. Во взаимодействии интернациональное и национально-особенное выражают момент движения, изменения, в национальной общности – момент относительного покоя, опредмеченный результат взаимодействия.

Как интернациональное, так и национально-особенное не являются раз и навсегда данными. Они развиваются по мере развития взаимодействия национальных общностей. В процессе интернационализации все большее число элементов, свойственных одной национальной общности, становится достоянием другой общности, т. е. превращается в общие для них, интернациональные элементы. Процесс превращения национально-особенного в интернациональное составляет основное содержание интернационализации общественной жизни национальных общностей.

Превращение национально-особенного в интернациональное нельзя рассматривать как исчезновение национально-особенного. Оно не исчезает, а получая жизнь не только в данной, но и в другой национальной общности, приобретает статус общего, снимается в интернациональном. Кроме того, часть национально-особенного воспроизводится, оставаясь исключительным достоянием данной национальной общности, что и определяет отличие ее от другой общности. Причем, воспроизводство является расширенным, ибо национально-особенное развивается сообразно изменению внутренних и внешних условий существования общности. Если национально-особенное не изменяется вместе с изменением национальной общности, а также условиями ее существования, то оно выключается из структуры реально национального, становится «музейным экспонатом».

§ 3. Интернационализация как закон развития национальных общностей и межэтнических взаимодействий

Основным содержанием интернационализации является формирование элементов сходства и различия, выражающееся в двуедином процессе превращения национально-особенного в интернациональное (ин-

тернационализация в узком смысле), а возникающего во взаимодействии интернационального – в элемент национального. Последнее происходит опосредованно через национально-особенное и при этом формируется национальная общность как качественная определенность, снимающая в себе внутренние различия национально-особенного и интернационального. Каждая национальная общность в процессе интернационализации усваивает инонациональное (свойственное другой общности), а также возникшее интернациональное, превращая их из внешнего (инонационального) во внутреннее, национальное. Этот процесс есть, по сути дела, не что иное, как национализация¹.

Введение понятия «национализация» в категориальный ряд проблематики межэтнического взаимодействия и интернационализации представляется вполне оправданным. Это позволяет преодолеть односторонность исследования феномена интернационализации, выделение в нем лишь процесса образования интернационального. В действительности он включает в себя также процесс образования национального.

Национализация представляет собой по сути дела то, что обозначается обычно как интернационализация общественной жизни той или иной национальной общности. В строгом смысле слова интернационализация есть взаимопроникновение национальных общностей, т. е. она выступает как сторона непосредственного взаимодействия. То, что происходит в отдельной общности, характеризует не взаимо-, а лишь проникновение в нее внешнего, значит, это лишь часть целостного процесса. Поскольку часть не сводится к целому, постольку для ее обозначения должно употребляться другое понятие. Понятия «национализация» и «интернационализация» как раз и выражают явления, соотносящиеся как часть и целое.

В процессе взаимодействия не всякое внешнее воздействие является для данной национальной общности позитивным, усваивается общностью и становится органичным элементом ее внутреннего развития. Усвоение внешнего воздействия происходит только тогда, когда оно адекватным образом адаптировано к внутренним условиям, т. е. когда налицо взаимопроникновение внутреннего и внешнего. Процесс адаптации является необходимым условием реализации интернационализации и национализации. При отсутствии адаптации процесс меняет свою сущность. Если внешнее воздействие не адаптировано к внутренним условиям, то происходит либо отторжение этого внешнего и замыкание национальной общности в себе,

---

¹ В аналогичном смысле о национализации говорят зарубежные исследователи. См., например: Дресслер-Холохан В. Национальные движения: интернационализация протеста, идеология и утопия // Этничность. Национальные движения. Социальная практика. С.-П., 1995. С. 27.

либо, если процесс внешнего воздействия чрезвычайно интенсивен, разрушение ее основ и постепенное поглощение. И в том, и в другом случае имеет место не интернационализация, а иной вид связи.

Интернационализация определяет формирование нового системного единства взаимодействующих общностей и развитие каждой из них. Данный процесс как рефлексивное взаимодействие следует отличать от ассимиляции. Последняя характеризует не субъект-субъектное, а субъект-объектное взаимодействие, в котором активность сторон является настолько асимметричной, что одна из них превращается в объект для другой. При этом надо иметь в виду, что «ассимиляция представляет собой процесс не только принятия членами той или иной национальной общности иной культуры, но и изменение национальной идентичности, самосознания людей»¹. Если интернационализация ведет к формированию, наряду с интернациональным, также национально-особенного, то ассимиляция связана с его поглощением. Продуктом интернационализации применительно к отдельной национальной общности выступает ее развитие, продуктом ассимиляции – разрушение. Мерой интернационализации является сохранение национальной общности как целостности, в основе которой лежит оптимальное соотношение национально-особенного и интернационального.

Интернационализацию следует отличать также от интеграции национальных общностей. Они выражают различные стадии развития взаимодействия, в результате которого осуществляется переход одного вида связи в другой. Интернационализация характеризует взаимопроникновение относительно обособленных национальных общностей, интеграция – их слияние в единую общность, образование из двух (или большего числа) общностей новой общности. Примером интеграции может служить процесс образования нации из нескольких народностей или народности – из ряда племен.

Очевидно, что элементы ассимиляции и интеграции могут присутствовать в рамках процесса интернационализации, но они являются в ней не определяющими, а подчиненными моментами и затрагивают не весь процесс как таковой, а лишь отдельные его стороны. В процессе интернационализации каждая национальная общность выступает как целостность, которую обеспечивает, как отмечалось, единство интернационального и национально-особенного. Нарушение меры этого единства неблагоприятно для национальной общности и может привести к ее деградации.

Таким образом, интернационализация, интеграция и ассимиляция представляют собой различные типы межнационального (межэтнического) взаи-

---

¹ Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Суколов А. А. Этносоциология. М., 1998. С. 146.

модействия. Как было показано выше, не всякое межнациональное взаимодействие характеризует интернационализацию, а лишь то, которое является рефлексивным. Под рефлексивным понимается такое взаимодействие, в рамках которого существует взаимопроникновение национальных общностей, т. е. здесь развитие каждой из них осуществляется через другую общность, при этом обе они сохраняются в качестве органических целостностей.

Не все то, что присутствует в непосредственном процессе интернационализации как интернациональное, является таковым для отдельной национальной общности. Для нее оно является действительно интернациональным, если стало органичным элементом внутренней структуры, что возможно при опосредовании национально-особенным. Когда этого не происходит, внешнее, интернациональное выступает для национальной общности просто в качестве инонационального. Последнее может присутствовать в рамках отдельной общности, но не быть включенным в механизм ее функционирования и развития.

В то же время можно говорить о разном интернациональном. Таковым является и то, что возникло в процессе взаимодействия двух или трех общностей, и то, что существует в мировом масштабе как результат взаимодействия сотен различных общностей. Иначе говоря, само интернациональное имеет в каждом конкретном случае различную степень обобщенности.

Взаимодействие национальных общностей имеет циклический характер. Каждый цикл представляет собой диалектическое отрицание предшествующего и полагание последующих циклов. Предыдущий процесс взаимодействия снимается в продукте актуального процесса, который, в свою очередь, выступает объективным условием для его протекания в будущем. Именно цикличность взаимодействия обеспечивает развитие национальных общностей. Расширенное воспроизводство взаимодействия детерминирует, с одной стороны, тенденцию сближения национальных общностей, с другой – тенденцию к их обособлению, поскольку с воспроизводством взаимодействия воспроизводится и качественная определенность участвующих в нем субъектов.

Как можно заметить, вводя понятие цикличности в анализ процесса интернационализации, мы имеем в виду не «движение по кругу», не простое воспроизводство, а расширенное, рассматривая цикличность в качестве момента развития. Ее составным элементом выступает снятие как единство отрицания и полагания.

Взаимодействие национальных общностей существует в различных сферах жизни. В сфере материального производства возникновение взаимодействия связано с появлением общих для различных общностей предметов деятельности, которые опосредуют взаимодействие. Аналогичен механизм взаимодействия национальных общностей и в других сферах.

Каждый новый цикл взаимодействия представляет собой сохранение тождественности процесса самому себе и в то же время его изменение. Постоянное воспроизводство взаимодействия определяет его непрерывное развитие, что ведет к соответствующему развитию и взаимодействующим сторонам. С каждым новым циклом осуществляется переход взаимодействия в такое состояние, которое, сохраняя генетическую связь с предшествующим, одновременно проявляется в дальнейшем взаимопроникновении национальных общностей, в их сближении и внутреннем развитии каждой из них. Национальное обогащается интернациональным, не переставая при этом быть национальным. Рост интернационального обуславливает сближение данной национальной общности с другой, но одновременно воспроизводится и обособление, которое выражает сохранение качественной определенности национальной общности. Это обособление является диалектической противоположностью сближения общностей, т. е. в процессе интернационализации национальные общности выступают как качественно различные, но генетически связанные между собой стороны. Чем более развит процесс интернационализации, тем сильнее их зависимость друг от друга. Внутреннее состояние каждой из национальных общностей выступает как снятое внешнее воздействие, а внешнее ее проявление – снятое внутреннее состояние.

Здесь сделан акцент на объективном характере рефлексии национальных общностей. Это, однако, не означает, что она осуществляется без участия духовных предпосылок. В процессе интернационализации они играют такую же роль, какую духовная сторона играет в ходе всемирной истории вообще. В этой связи уместно вспомнить следующее положение Гегеля: «При всем бесконечном многообразии изменений, совершающихся в природе, в них обнаруживается лишь круговращение, которое вечно повторяется; в природе ничто не ново под луной, и в этом отношении многообразная игра ее форм вызывает скуку. Лишь в изменениях, совершающихся в духовной сфере, появляется новое. Это явление, совершающееся в духовной сфере, позволяет вообще обнаружить в человеке иное определение, чем в чисто естественных вещах, в которых всегда проявляется один и тот же характер, остающийся неизменным, а именно действительную способность к изменению, и притом к лучшему – стремлению к усовершенствованию»¹.

Как и всякое социальное взаимодействие, взаимодействие национальных общностей включает в себя в качестве внутреннего опосредования духовную компоненту, сознание. Им обладает каждый субъект, и в рамках данного взаимодействия оно выступает в форме национального сознания. Так же

¹ Гегель Г.В.Ф. *Философия истории* // Сочинения. М. Л., 1935. Т. 8. С. 51, 52.

как и сама национальная общность, национальное сознание формируется во взаимодействии, т. е. опосредованно через другого субъекта и его сознание, и включает в себя элементы интернационального и национально-особенного.

Национальное сознание вторично по отношению к процессу социально-практического взаимодействия национальных общностей и в то же время относительно самостоятельно, что проявляется в его активной роли. Любое изменение и, тем более, развитие национальной общности, а также системы межнациональных взаимодействий, осуществляется опосредованно через национальное сознание. Оно участвует в определении характера и направленности взаимодействия. Духовная составляющая взаимодействия выражает содержание субъективной рефлексии национальных общностей.

В целом роль национального сознания во взаимодействии национальных общностей состоит в том, что оно выступает необходимым звеном механизма осуществления выбора возможного направления изменения системы. Предшествующее развитие взаимодействия создает некоторый набор вариантов его дальнейшего развития и развития каждой общности. Этот набор задан объективно. Выбор одного из вариантов осуществляется непосредственно субъектами, и важная роль при этом принадлежит национальному сознанию. От субъекта непосредственно зависит, на что сделать упор в дальнейшем движении национальной общности: на инациональное или национальное, внешние условия или собственные основания, на разумное сочетание того и другого. Крайними вариантами являются ориентация на полную «открытость» национальной общности, т. е. на преобладание инационального, и полную «закрытость» – преобладание национально-особенного. Первый из них ведет к ее растворению в других общностях, второй – к стагнации. Состояние «закрытости» может быть только временным. В этом случае национальная общность во взаимодействии с другими общностями перестает выступать в качестве субъекта, а потому превращается в объект. Но тогда она рано или поздно ассимилируется, начав противодействовать ассимиляции, вновь превращается в субъект, меняя при этом ориентацию и делая упор на оптимальное сочетание внутреннего и внешнего, национально-особенного и инационального. Общность является субъектом до тех пор, пока она в состоянии контролировать интенсивность и характер внешнего воздействия на нее и определять свое собственное развитие.

И в случае полной «открытости», и в условиях полной «закрытости» нарушается мера соотношения основных сторон национальной общности – национально-особенного и интернационального, – поэтому она теряет свою целостность. Сохранение целостности возможно лишь в процессе интернационализации, обеспечивающей взаимопроникновение

внутреннего и внешнего, национально-особенного и интернационального, а тем самым и развитие национальной общности. Таким образом, можно заключить, что интернационализация выступает всеобщим законом развития национальных общностей.

В данном контексте по особому представляется суть национального вопроса. Как представляется, его следует трактовать как необходимость реализации национального интереса. В свою очередь, сущность национального интереса состоит не в обособлении или абсолютной независимости национальной общности и не просто в ее самоопределении, а в воспроизводстве объективных условий, обеспечивающих ее развитие и сохранение как целостности. Это возможно только в процессе интернационализации, понимаемой диалектически. Соответственно содержание национального вопроса заключается в определении условий, необходимых и достаточных для устойчивого воспроизводства формируемых в процессе интернационализации внутренних и внешних предпосылок, которые обеспечивают функционирование и развитие национальных общностей в качестве целостных субъектов системы национальных отношений.

Фиксация цикличного характера взаимодействия национальных общностей характеризует его не только как наличное (функционально), но и в развитии (генетически). Взятое в развитии, данное взаимодействие выступает как необходимое, поэтому оно предстает в качестве целостного социального отношения, сторонами которого являются национальные общности, т. е. оно есть национальное отношение. С точки зрения социально-философского подхода национальное отношение не сводится к общению представителей различных национальностей, как это обычно понимается, а выражает взаимодействие на уровне национальных общностей, затрагивающее все стороны жизнедеятельности людей, образующих эти общности. Последние являются противоположными сторонами национального отношения, поэтому их взаимодействие образует диалектическое противоречие. Национальное отношение есть нечто единое. Но это единство является не абстрактным, а конкретным, как единство противоположностей, которое в качестве внутренних моментов включает в себя их соперничество (борьбу) и сотрудничество.

Национальное отношение выражает взятый в развитии процесс взаимодействия национальных общностей. Оно есть взаимодействие, опосредованное своей собственной историей. Его важной составляющей выступает взаимосвязь внутренних и внешних условий существования данных общностей. Для характеристики совокупности внутренних условий национальных общностей введем понятие «внутринациональные отношения», а для характеристики внешних связей между ними – «меж-

национальные отношения». Соответственно понятие «национальное отношение» будем рассматривать как единство внутринациональных и межнациональных отношений.

Итак, в соответствии с нашей точкой зрения, процесс рефлексивного взаимодействия национальных общностей есть интернационализация. Будучи внутренне противоречивым явлением, она характеризует единство тождества и различия национальных общностей, их сближения и обособления, зависимости и самостоятельности. В аспекте внешней рефлексии процесс интернационализации протекает как взаимопроникновение национальных общностей, функционирующих одновременно в качестве объектов и субъектов взаимодействия; в аспекте внутренней рефлексии он фиксируется как взаимоопосредование внешних и внутренних условий развития национальных общностей. Субстанцию интернационализации составляет взаимопроникновение интернационального и национально-особенного. В процессе интернационализации национальных общностей взаимопроникновение осуществляется как в базисных, материально-предметных основаниях (уровень объективной рефлексии), так и в сознании, а также и надстроечных, государственно-правовых структурах (уровень субъективной рефлексии). Продуктом интернационализации является развитие национальных общностей, а ее мерой выступает сохранение целостности национальных общностей как относительно самостоятельных социальных образований.

Таким образом, процесс интернационализации имеет интерсубъектную природу и представляет собой социальный процесс, разворачивающийся во взаимоотношениях специфических социальных субъектов – национальных общностей. В отличие от редукционистской рефлексивная модель интернационализации предполагает ее понимание как особый тип взаимодействия национальных (этнических) общностей, характеризующийся их взаимопроникновением, рефлексией. Под рефлексивным имеется в виду взаимодействие, в рамках которого развитие каждой национальной общности осуществляется через другую общность. В соответствии с нашей концепцией, интернационализация ведет к становлению не унифицированного и однородного, как это многими представлялось ранее, а внутренне различного единства, в котором национальные общности, являясь субъектами взаимодействия, сохраняют себя в качестве обогащенных в процессе взаимного влияния, но относительно самостоятельных образований. Формируемая в процессе интернационализации новая системная целостность должна быть понята как развивающееся единство многообразия.

Проведенный анализ механизма межэтнического взаимодействия дает основание рассматривать интернационализацию как всеобщий закон развития национальных общностей и межэтнических взаимодействий.

Выше была описана общетеоретическая, в известной мере идеальная, модель межэтнического взаимодействия с акцентом на его рефлексивном характере. В реальной действительности он по-разному проявляется в различных типах и видах межэтнических взаимодействий: солидарных, нейтральных, конфликтных. Это определяется комплексом объективных причин и субъективных факторов, в том числе степенью открытости и закрытости отдельных этнических общностей, общими и специфическими условиями их существования и развития, наличным внутренним потенциалом, политическими ориентациями властных структур и т.д. Анализ конкретных проявлений межэтнических взаимодействий будет представлен во втором разделе монографии.

Глава 3. Социокультурное содержание процесса регулирования межэтнических взаимодействий

§ 1. Понятие регулирования

Понятие «регулирование» имеет общенаучный статус и тесно связано с понятием «управление», при этом в литературе нет единого или преобладающего взгляда на соотношение регулирования и управления. В социально-философской науке они чаще всего понимаются как синонимы, в правовой – регулирование рассматривается обычно как *«функция управления (курсив наш), обеспечивающая функционирование управляемых процессов в рамках заданных параметров»*¹, т. е. более общим понимается управление (социальное управление). Юристы исследуют проблемы правового обеспечения управления, правового регулирования социальных процессов, управления на основе права, но не правового управления².

Управление как социальное явление (социальное управление, научное управление) – это преимущественно предмет исследований философов, социологов. В качестве общенаучного понятия управление здесь рассматриваются как *«функция организованных систем различной природы – технических, биологических, социальных, – обеспечивающая сохранение их структуры, поддержание определенного состояния или перевод в другие состояния в соответствии с объективными закономерностями существования данной системы, реализацией программы или сознательно поставленной целью»*³. Социальное управление рассматривается в широком смысле как органическая функция общественной системы, обеспечивающая сохранение ее целостности, качественной специфики в процессах воспроизводства и развития, а в узком – как осознанное, специально организованное воздействие на общество по упорядочению и совершенствованию его социально-деятельностной структуры⁴. В первом случае акцент делается на изучении закономерностей функционирования и развития общественных систем в единстве их объективных и субъективных факторов, во втором – на сознательную целенаправленную деятельность социальных субъектов в механизме протекания социальных процессов.

¹ Юридический словарь. М., 2012. С. 869.

² См., например: *Тихомиров Ю.А.* Управление на основе права. М., 2007. *Халфина Р.О.* Право как средство социального управления. М., 1988.

³ Социальное управление. Словарь-справочник. М., 1994. С. 168.

⁴ Там же. С. 169

В данном случае социальное управление рассматривается как «*регуляция социальных отношений*» (курсив наш), определяющих положение и роль людей в обществе»¹, т. е. понятия «управление» и «регулирование» здесь синонимичны. Регулирование определяется как «выработка управляющего воздействия в соответствии с отклонением регулируемого параметра от заданной величины для приведения системы в нормальное рабочее состояние. Различают регулирование внешнее и внутреннее. Первое исходит из того, что вырабатывающий управляющее воздействие механизм находится вне системы, второе – что этот механизм является органической частью системы»². Это различие относительно в силу взаимосвязи и взаимозависимости социальных систем, особенно в современную эпоху глобализации, но, тем не менее, имеет определенный смысл при конкретном анализе ввиду различных интенсивностей взаимодействий систем и подсистем в одной системе и, соответственно, целесообразности выделения в этой связи управляющих и управляемых подсистем.

Социальные системы относят к виду саморегулируемых, для них «характерно наличие процессов управления, с которыми связана возможность саморегуляции систем, целенаправленный характер их поведения»³.

Как показывает анализ результатов теоретических исследований процессов социального управления⁴, взаимосвязь управления и регулирования отмечается авторами. Что же касается их соотношения, то по этому вопросу позиции различаются. Так, Ж.Т. Тощенко отмечает: «Механизм регулирования присущ всем без исключения областям деятельности людей, имманентен ей. Он олицетворяет выработку и применение способов, методов и форм осуществления намеченных изменений». Рассматривая управление как последовательно реализуемый цикл регулирующих функций (целеполагание, планирование, проектирование, программирование, социальные технологии), он включает регулирование в содержание каждого звена управленческого цикла⁵ в отличие, например, от В.Г. Афанасьева, который выделяет регулирование как отдельную функцию управления, наряду с выработкой решения, планированием, организацией, учетом и контролем»⁶.

¹ Социальное управление. Словарь-справочник. М., 1994. С. 169.

² Там же. С. 134–135.

³ Там же. С. 141.

⁴ См., например: *Афанасьев В.Г.* Научное управление обществом. Опыт системного анализа. М., 1967; *Тощенко Ж.Т.* Социология управления: Учебник. М., 2011. *Суворов Л.Н.* Социальное управление: Опыт философского анализа. М., 1984; *Андренов Н.Б.* Социальное управление как объект философско-социологического анализа. Томск, 2000.

⁵ *Тощенко Ж.Т.* Социология управления. С. 12.

⁶ *Афанасьев В.Г.* Научное управление обществом. Опыт системного анализа. С. 233–238.

У него в перечне функций управления регулирование следует после организации и перед учетом и контролем, т. е. на месте непосредственной деятельности по осуществлению планируемых изменений в объекте управления, коррекции его параметров. «Управленческое решение принято, – отмечал В. Афанасьев, – объект и субъект управления приведены в состояние упорядоченности... Далее возникает новая задача: сохранить, поддержать и усовершенствовать состояние упорядоченности, организации управляемой и управляющей систем, а также коммуникаций между ними. Решение этой задачи и составляет сущность еще одной функции управления – функции *регулирования*. Функция регулирования – неперенная *стадия* (курсив наш) управленческого цикла»¹. Общественные системы как динамические, развивающиеся, требуют устойчивости на определенном промежутке времени, и это устойчивое развитие обеспечивается регулированием социальных процессов. Развитие есть переход из одного состояния системы в другое, с более сложными структурными связями. В этот период перехода нарушается в определенной степени динамическая устойчивость системы, и регулирование призвано сохранить эту устойчивость, обеспечить развитие без разрушения системы или ее существенных деформаций.

Итак, можно заключить, что содержанием регулирования является поддержание параметров управляемой системы в заданном интервале значений параметров ее элементов на этапе стационарного ее функционирования и на этапе перехода (нестационарного функционирования) с целью обеспечения динамической устойчивости системы.

Формы регулирования определяются прежде всего спецификой управляемого объекта, однако немаловажное значение имеют и характеристики органов управления (управляющих субъектов), а также объект-субъектных связей. Поэтому наиболее плодотворным является изучение проблем регулирования во всей системе субъект-объектных отношений регулируемой системы.

Различают экономический, политический, правовой, административный, идеологический виды регулирования. Между ними нет непроницаемых границ, зачастую они применяются в комплексе, особенно если речь идет о таких объектах управления, как общество в целом, этнические и региональные общности. В то же время целевые функции различных видов регулирования различаются. Так, если экономическое регулирование главной целью имеет решение задач материального производства, экономического развития, то правовое обеспечивает правовыми актами и регуляторами все виды регулирования, а политическое, используя в первую очередь государственные органы управления, решает задачи внут-

¹ Афанасьев В.Г. Научное управление обществом. Опыт системного анализа. С. 233.

ренней стабильности и внешней безопасности страны. Идеологическое регулирование осуществляется посредством воздействия на психику, сознание людей с целью формирования ценностно-нормативных установок, формулируемых управляющей системой и обеспечивающих, с точки зрения ее представителей, стабильное функционирование и развитие общества. Так, например, говоря о современной России, следует заметить, что несмотря на демагогию властных структур, части обществоведов и представителей средств массовой информации о деидеологизации государственного управления и общественной жизни, трезвый взгляд на вещи показывает, что идеология во все периоды постсоветской истории России была и есть в деятельности всех указанных структур и в общественном сознании. Подтверждением этого в последнее время является формирование общественной организации «Народный фронт за Россию» во главе с президентом РФ В.В. Путиным, провозгласившей идею патриотизма, шельмуемого в период перестройки и гайдаровских «реформ» как «последнего прибежища негодяев». Просто в то время целью идеологического регулирования была дискредитация советского социалистического патриотизма, а целью нынешнего регулирования – обеспечение идейно-политического единства российского общества, строящего капитализм.

Данный пример лишь подтверждает ту истину, что управление и регулирование общественных процессов, основанные не на научно-достоверной информации, а на иллюзиях и авантюрных проектах управляющих структур, рано или поздно приводят к осознанию представителями государственной власти и обществом необходимости явно формулировать цели развития, идеи, способные сохранять целостность общества, его интеграцию.

По типу деятельности субъектов регулирования различают регулирование стихийное и сознательное. Стихийное чаще встречается на межличностном уровне взаимодействия, в семейной, бытовой сферах жизни людей. Субъектами регулирования чаще всего выступают индивиды, а цели регулирования ими не осознаются вообще или носят интуитивный характер.

Структуру регулятивной деятельности в самом общем виде можно представить так: объект регулирования, его субъект, цели, средства, механизм (связь целей и средств) регулирования, условия и результаты регулирования.

Регулирование является информационным процессом, и на каждом этапе регуляционного цикла предполагает наличие определенной информации, содержание, степень определенности и полнота которой зависят от характера методологического и иных подходов к регулированию.

Важным в регулировании является поддержание обратных связей между субъектами и объектами регулирования на всех его этапах при необходимой полноте информации.

Из подходов к регулированию, не носящих теоретико-методологического характера, различают: монофакторные и комплексные, традиционные и модернистские (современные), волюнтаристские, научные и др. типы, встречающиеся в практике.

Научный подход к регулированию социальных (в т.ч. этносоциальных) процессов предполагает учет их закономерностей. Правда, в различных парадигмах, теориях и методологических подходах эти закономерности, если и признаются, то трактуются специфично, что уже отмечалось нами выше.

Таким образом, можно заключить, что существует два основных подхода к трактовке соотношения управления и регулирования: 1) регулирование как имманентная характеристика всех стадий управленческого цикла; 2) регулирование как специфическая стадия управления. Целесообразно поэтому, на наш взгляд, различать регулирование в широком смысле (первый подход) и в узком (второй подход). В конкретных исследованиях, в том числе изучения проблем регулирования межэтнических взаимодействий в зависимости от целей и задач исследования возможны обе трактовки понятия «регулирования». Регулирование в узком смысле слова близко по содержанию к понятиям «менеджмент», «социальные технологии», т. к. носит более практический характер, хотя в том или ином его содержании могут проявляться различные теоретико-методологические подходы.

Различия теоретико-методологических подходов более четко проявляются в трактовке регулирования в широком смысле. Они заметны на всех стадиях управления – в целеполагании, планировании, программировании, социальных технологиях.

В соответствии с изложенным в главе 1 пониманием методологического подхода как единства парадигмы, синтагмы и прагматики и решающей роли парадигмы в этой единой системе, можно отметить, что теоретические концепции управления и регулирования социальных (в т. ч. этносоциальных) процессов в определенной мере коррелируют с теми или иными социологическими парадигмами, разделяемыми авторами этих концепций. Эта интересная в научном плане и малоизученная проблема выходит за рамки нашей непосредственной задачи, реализуемой в данной публикации, поэтому отметим лишь некоторые важные, на наш взгляд, корреляции.

Исследователи, разделяющие историко-материалистическую парадигму марксизма, оперируют понятиями научного управления и регулирования. Как отмечал В.Г. Афанасьев, «чтобы управлять обществом научно, надо знать и куда идет система, каковы тенденции ее развития, и как «устроена» система, как она функционирует...»¹ Важную роль в решении

¹ Афанасьев В.Г. Научное управление обществом. Опыт системного анализа. С. 274.

этой задачи призваны играть конкретные социологические исследования, результаты которых управляющая система должна использовать при регулировании социальных процессов для усиления позитивных тенденций, соответствующих развитию общества и человека, а не для манипуляций сознанием людей. Марксистская парадигма исходит из представления об исторически преходящем характере государственного регулирования взаимодействий людей, отмирания государства в коммунистическом обществе и развития на базе этого процесса самоуправляемого социума. Соответственно, в советский период истории страны развивались теоретические исследования о различных формах непосредственной демократии, о сближении уровней управления и регуляции, усилении обратных связей между государственными органами, гражданским обществом, трудовыми коллективами. Определенным недостатком данной парадигмы регулирования и управления была гипертрофия в теории и на практике роли экономического базиса и недооценка культурных и личностно-психологических элементов в объектах и субъектах управления.

Типичные для западно-европейского общества теории менеджмента и управления базируются в основном на парадигме «социального действия» (М. Вебер) и структурно-функциональной теории Т. Парсонса. Система управления, как и система общества, представляется Т. Парсонсом четырехуровневой: 1) «первичный» уровень (социальная группа занята производством, функции управления не присущи); 2) «менеджеральный» (управляет производством по уполномочию более высокого уровня); 3) «институциональный» (элита бизнеса); 4) «социетальный» уровень управления (лица в правительственных органах)¹. Собственно, социетальный уровень и устанавливает образцы и нормы социального действия индивидов, дополняющие регулирование экономики регуляцией социальных и духовных отношений, и фактически манипулированием сознанием и поведением².

Обстоятельный анализ социологических парадигм, содержащих то или иное понимание общества и происходящих в нем процессов, проведен С.А. Кравченко, М.О. Мнацаканяном и Н.Е. Покровским³. Они классифицируют основные парадигмы, выделяя три группы: 1) структурные (функционализм; конфликтные парадигмы, включая марксизм); 2) интерпретативные (символического действия, интеракционизм, феноменология, этнометодология); 3) интегральные и объединительные (интегральная парадигма П. Сорокина, структурация А. Гидденса, структурный конструкти-

¹ Парсонс Т. Общетеоретические проблемы социологии // Социология сегодня. Проблемы и перспективы. М., 1965. С. 26–42.

² Farber G. Die manipulierte Mehrheit. S. 7.

³ Социология: парадигмы и темы: Курс лекций для высших учебных заведений. М., 1997.

визм П. Бурдьё, деятельностьная социология П. Штомпки)¹. Если структурные парадигмы нацелены на исследование общества в целом и его структур, различаясь акцентами на стабильность (Т. Парсонс, Р. Мертон) или социальную дифференциацию (марксизм и др.), то интерпретативные сосредоточивают внимание на мотивах и смыслах действий отдельных людей и малых групп, т. е. на микросоциальных практиках. Объединительные же парадигмы предлагают способы интеграции микро- и макропрактик, взаимодействия структур и действующих субъектов.

Отчасти авторы данной работы затрагивают и вопросы специфики понимания проблем организации, управления и регулирования в тех или иных парадигмальных школах. Так, анализируя причины дезинтеграционных процессов в современном российском обществе, они полагают, что «правильнее мыслить не дезинтеграцию государственных или общественных институтов, взятых в отрыве от взаимодействия людей, а иметь в виду дуальность дезинтеграции – дезинтеграции как социальных структур, так и социальных деятелей»². Отдавая предпочтение объединительным социологическим парадигмам в исследовании и решении проблем интеграции российского общества, они считают правомерным использование и развитие идей П. Сорокина: его теорему флуктуации социокультурных реалий, закон позитивной и негативной поляризации, социокультурную обусловленность микросоциальных практик россиян.

Решение проблемы интеграции России в мировое сообщество стран с различными социокультурными ценностями «согласно логике объединительных парадигм, видится не в том, чтобы заимствовать из иных социальных реалий (западных или восточных) социальные структуры, которые неадекватны российской субъективности, а в том, чтобы Россия имела свои институты, совместимые с социальной деятельностью своих граждан»³. Мы полностью согласны с данным выводом.

Специфика той или иной парадигмы обуславливает содержание базирующихся на ней концепций и теорий, в том числе теорий социального управления и регулирования. Для современной российской социально-философской науки характерна или полипарадигмальность, или недостаточно четкая парадигмальная отрефлексированность теоретических и эмпирических исследований межэтнических взаимодействий, этнических и национальных отношений. Наиболее плодотворным в таких исследованиях нам представляется социокультурный подход, сущность которого отражена в главе 1.

---

¹ Социология: парадигмы и темы: Курс лекций для высших учебных заведений. М., 1997. С. 21–26.

² Там же. С. 371.

³ Там же. С. 368–374.

Ниже мы рассмотрим более детально особенности применения социокультурного подхода в исследовании и практике регулирования межэтнических взаимодействий.

§ 2. Специфика социокультурного подхода к исследованию проблем регулирования межэтнических взаимодействий

Основополагающий принцип социокультурного подхода – интегральное единство социальных, культурных и личностных сторон социокультурных явлений. Эти стороны имманентно присущи индивидам, взаимодействию индивидов, групп обществ, подсистем обществ, и социокультурный подход предполагает отражение этого единства в теоретических моделях, методиках исследования и способах описания и интерпретации материалов конкретных исследований.

К анализу межэтнических взаимодействий вполне применима трехкомпонентная модель социокультурного феномена П. Сорокина, в соответствие с которой можно выделить: 1) субъекты взаимодействия; 2) значения, ценности и нормы, благодаря которым субъекты взаимодействуют; 3) открытые действия и материальные артефакты как двигатели и проводники. Субъекты взаимодействия – индивиды, группы, этнические общности. Значения, ценности и нормы, как отмечал П. Сорокин – универсальный компонент социокультурных явлений, имеющий первостепенную важность для понимания содержания и причин данных явлений. Ценности и нормы объективируются в открытых действиях индивидов, групп, общностей.

Следует различать взаимодействие непосредственное и опосредованное. Посредниками во взаимодействии людей могут выступать структуры государственной власти и гражданского общества, средства массовой информации и коммуникаций, произведения литературы, искусства и т.п. Уровни взаимодействия – межличностный, межгрупповой, межгосударственный, глобальный; сферы взаимодействия – по сферам жизнедеятельности: семейно-бытовые, трудовые (экономические), духовные, культурные, политические и др. По характеру взаимодействия можно различать как равноправные и зависимые; добровольные и принудительные; доброжелательные, нейтральные, напряженные и недоброжелательные (враждебные). По длительности взаимодействия могут быть длительными (многовековыми и т.п.) и кратковременными.

П. Сорокин выделял следующие типы социокультурных процессов, вполне применимые для характеристики межэтнических взаимодействий: изоляция – контакт; ассимиляция – конфликт – адаптация; подражание –

противодействие – адаптация; кооперирование – антагонизм¹. На личностном уровне различают мотивационные, ситуационные, когнитивные, деятельностные межэтнические взаимодействия².

Поскольку этнические общности и индивиды в них – сложные социокультурные феномены, то можно выделять и другие структуры их взаимодействий по иным основаниям, а также по совокупности оснований, ибо все стороны их жизнедеятельности взаимообусловлены.

Регулирование межэтнических взаимодействий предполагает выделение конкретного объекта, способа (механизма), субъекта(ов) регулирования. Объект регулирования понимается как определенная структура взаимодействия индивидов. Субъект(ы) регулятивной деятельности могут быть как из числа конкретных личностей и структур, принадлежащих данной этнической общности (внутреннее регулирование, саморегулирование), так и внешние по отношению к ней. Возможна и комбинация внутреннего и внешнего регулирования, в зависимости от конкретных параметров объекта и целей регулирования.

Механизм регулирования, понимаемого в широком смысле, аналогичен описанному выше управленческому циклу. Он начинается с изучения состояния объекта регулирования, прогнозирования, постановки цели, планирования задач, затем – составления программы деятельности, определенных социальных технологий достижения целей, организации основной работы по регулированию. Завершается оценкой результатов на основе обратных связей с объектом регулирования и экспертных оценок, мониторингом объекта в течение последующего времени для выявления тенденций его изменения.

В зависимости от того или иного методологического подхода, на каждом этапе управленческого (регулятивного) цикла проявляется своя специфика. Так, если субъекты регулирования осознанно или интуитивно разделяют конструктивистский подход в теории этничности, определяющей «воспроизводство этничности исключительно как продукт сознательного конструирования», политики «этнического предпринимательства», то уже на этапе прогнозирования будет доминировать сценарий исполнения «реквиемов по этносу», а на последующих этапы регулирования – целеполагание, планирование, организация, регулирование – будут теоретически обосновываться и практически реализовываться конкретные составляющие этих «реквиемов», связанные с ослаблением объективной тенденции самовоспроизводства этносов и усилением роли «этнических предпринимателей» – политиков, ученых и т.п. К каким результатам приводит реализация

¹ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. С. 763.

² Агеев В.С. Межгрупповые взаимодействия. Социально-психологические проблемы. М., 1990. С. 104.

конструктивистского подхода в политике государственного регулирования межэтнических отношений достаточно четко видно на примере постсоветской России. Шараханье – от предложений этнополитическим элитам в республиках («предпринимателям») «брать суверенитета, сколько проглотите» до построения «вертикали власти» с ограничением суверенитета этнических образований, поглощения автономных округов путем укрупнения регионов, исходя из экономических и политических мотивов.

Социокультурный подход, являясь по своей сущности примордиалистским (адекватно понятым, а не спекулятивно трактуемым), рассматривает этносы как объективно развивающиеся социокультурные феномены, в которых единство социальных, культурных и личностных аспектов – императив всех элементов и структур. Он не исключает роли личностей (в т. ч. известных) в развитии этносов, но и не гипертрофирует эту роль. Соблюдение императива «триады Сорокина» при последовательной реализации социокультурного подхода в регулировании межэтнических взаимодействий предполагается на всех стадиях цикла регуляции.

Уже на стадии анализа состояния объекта регулирования он предполагает получение объективной и, по возможности, всесторонней информации о тенденциях изменения объекта в целом и его социальных, культурных и личностных составляющих.

Если, например, объектом регулирования являются межэтнические отношения в республике, как субъекте Российской Федерации, то исследуется динамика этих отношений в различных сферах жизни – экономической, социальной, культурной, политической, семейной, поселенческо-бытовой на разных уровнях – межгрупповом (в т. ч. республики в целом), межличностном, институциональном (власть, образование, культура, СМИ). Выявляются тенденции в этих отношениях, объективные и субъективные факторы интеграции и дезинтеграции регионального сообщества. Оценивается характер межэтнических отношений на момент исследования: доброжелательные (комплиментарные), нейтральные, напряженные (в т. ч. конфликтные). Определяются основные факторы, способствующие комплиментарности и интеграции – с одной стороны, и напряженности и дезинтеграции – с другой.

Специфичным в социокультурном подходе как на данной, так и на всех последующих стадиях является учет не только системного единства социальных, культурных и межличностных аспектов, но и паритетности всех элементов триады, отказ от социологического или культурологического редуccionизма, сведения личности к социальности или культуре. Этот недостаток, как показывает анализ публикаций по социокультурному подходу, чаще всего имеет место.

Его устранение требует понимания индивида как психо-социокультурного явления и теоретического и эмпирического выделения социокультурных типов личности, о чем уже упоминалось выше, и что предпринимается в наших исследованиях этносоциальных процессов и межэтнических отношений.

В зависимости от понимания сущности этноса как социокультурного явления будет существенно различаться стратегия и содержание социального регулирования этносоциальных процессов. Субъект регулирования, разделяющий сущность методологии социокультурного подхода, при подготовке цели, задач, выборе средств и способов регулирования, реализации целей в практике регулирования будет ориентироваться на ценности всестороннего экономического развития этнических общностей, социального равноправия и прогресса, развития культуры, языков народов, политического равноправия, формирования развитого этнического самосознания и интернациональных установок личностей и групп, чувств общероссийского и регионального патриотизма.

Регулирование, как поддержание равновесного (стабильного) состояния системы на основе приведения ее параметров к определенному признанному интервалу нормы, возможно как путем нейтрализации или ослабления факторов, влияющих на дестабилизацию, так и усиления факторов стабилизации. Учитывая диалектику социальных процессов, как правило необходимо влияние на обе группы факторов. Социокультурный подход, диалектичный по своей сущности, нацелен на такой способ регулирования межэтнических отношений, при котором при усилении факторов стабильности в сфере, например, политических отношений, не подавлялись бы, или ослаблялись факторы развития этнических культур или формирования развитого этнического самосознания, этнической идентичности. К сожалению, подобные явления – не редкость в современной России. Это свидетельствует о том, что социокультурный подход далек от реальной практики управления и регулирования этносоциальных процессов.

Регулирование – не только стабилизация системы, но и перевод ее в новое состояние по определенно заданному закону. В социальных системах, динамичных по своей сущности, стабильность всегда относительна и преходяща, хотя и важна для вызревания параметров системы и их воспроизводства в процессе развития, ассимиляции системой новых внешних ресурсов и появления новых элементов.

Можно полагать, что современная Россия, находящаяся в процессе перехода (транзита) от одного типа общества к другому, предполагает необходимость именно такого понимания регулирования. Правда, закон этого перевода и образ (модель) нового состояния сформулирован управляющей государственной элитой весьма расплывчато: демократизация, реформы,

социальное государство, рыночная экономика, права и свободы человека. Такие важные черты менталитета народов России, как социальная справедливость, коллективизм, духовность, права народов, ответственность власти за результаты правления оказались вне этой модели или на ее периферии.

Социокультурный подход к регулированию процессов в транзитивных обществах предполагает явную и четкую философскую и политическую рефлексию в отношении допереходных и конечных (постпереходных) социокультурных типов социальности, культуры и личности. Многие имеющиеся на сей счет теоретические разработки¹ следует признать умозрительными, политически ангажированными во многих случаях.

Применительно к межэтническим взаимодействиям это наиболее отчетливо проявляется в имеющихся Концепциях и Стратегиях государственной национальной политики, краткий анализ которых приведем в следующем параграфе.

Управление и регулирование в транзитивном обществе требует разработки алгоритмов, специфичных для каждого этапа и взаимосвязанных в единой системе управления на весь период перехода. Социокультурный подход, содержащий идеи флуктуации типов социальности, культуры и личностей, может быть методологическим ориентиром в решении этой задачи. Он органически не приемлет методы «шоковых терапий», некритического заимствования опыта других стран и цивилизаций в общественных трансформациях, игнорирования иных личностей, кроме олигархии и политических элит, в жизни народов и других итогов российской реформации, т. к. предполагает определенную преемственность и взаимосвязь типов социальности, культуры и личностей в периоды флуктуаций.

Как отметил Н.И. Лапин, социокультурный подход релевантен цивилизационному², поэтому применение его к исследованию этносоциальных проблем предполагает анализ взаимосвязей этносов и локальных цивилизаций, рассмотрение межэтнических взаимодействий в России в более широком контексте взаимодействия российской цивилизации с другими –

---

¹ См., например: Куда идет Россия? Трансформация социальной сферы и социальная политика: Пятый междунар. симп., 16–17 янв. / Под общ. ред. Заславской Т.И. М., 1998; Куда идет Россия? Проблемы системной трансформации современного российского общества: Материалы I Всерос. науч.-практ. конф., 28 марта 2005 г. / Редкол.: С.Г. Зырянов (гл. ред.) и др. Челябинск, 2005; Куда пришла Россия? Итоги социетальной трансформации: Междунар. симп., 16–18 янв. 2003 г. / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М., 2003.

² Лапин Н.И. Антропосоциетальный подход: методологические основания, социологические измерения // Вопросы философии. 2000. № 5; Он же. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 3–12.

западной, китайской, мусульманской, индийской. Для современной России особенно актуальна проблематика межэтнических взаимодействий в евразийском цивилизационном пространстве в силу ее геополитического положения и исторических традиций. Регулирование межэтнических взаимодействий в России не может быть эффективным без учета социокультурных параметров народов сопредельных с нею цивилизаций, особенно в условиях интенсивных миграций населения сопредельных стран в Россию и глобализационных процессов в целом, если исходить из общепринятых критериев эффективности управления и регулирования – оптимизации параметров управляемой системы и адаптации ее к меняющимся условиям внешних систем¹.

§ 3. Социокультурно-ориентированная государственная национальная политика как инструмент регулирования: реалии и модель

Определимся вначале с содержанием исходных понятий: «политика» и «национальная политика». В научной литературе категория «политика» соотносится с понятиями «власть», «государство» и отражает содержание сферы деятельности людей, связанной с властными отношениями между индивидами, социальными группами, народами, нациями, государствами (странами).

Поскольку в системе властных отношений в современный период определяющая роль принадлежит государственным органам, то в определениях политики чаще всего отмечается их роль. Что же касается содержания определяемого понятия «политика», то здесь можно выделить два подхода: 1) теоретический: как системы взглядов, принципов, приоритетов, закрепленных законодательно и направленных на реализацию функции государства в обществе, отдельных его сферах, в отношениях между органами; 2) практический: сознательная деятельность государственных органов и иных социальных субъектов по решению проблем в тех или иных сферах общественной жизни. Иногда в понятиях «политика» объединяются теоретический и практический подходы, что более плодотворно, так как нацеливает исследователей и практиков политического процесса на анализ соотношения в нем теории и практики. Государственная политика – важнейший инструмент социального управления и регулирования, направленного на управление обществом в целом, всех его подсистем и сфер, в т. ч. национальных отношений.

Применительно к национальной политике в определениях данного понятия можно выделить следующие теоретико-методологические проблемы: 1) различное понимание содержания понятия нации; 2) соотношение

¹ Философская энциклопедия. Т. 5. С. 283.

концептуально-теоретических и управленческо-практических аспектов. Эти проблемы по-разному решаются как исследователями, так и практиками государственного управления.

«Под национальной политикой, – отмечает В.Н. Иванов, – понимается система законодательно закрепленных взглядов, принципов, приоритетов, связанных с основным содержанием деятельности государственных органов и общественных организаций в сфере межнациональных отношений на определенный исторический период»¹. И хотя далее в данной статье автором анализируется объективная обусловленность национальной политики в советской и постсоветской России, принципы и задачи национальной политики в России 1990-х годов, этот анализ практически не затрагивает область реальных действий государственной власти России, упоминаются лишь попытки национальных элит в республиках «реализовать идеи автаркии», «любой ценой удержаться у власти», «линии на суверенизации»². Между тем, как мы отмечали выше, «линии на суверенизации» в национальных республиках следует рассматривать как следствие политики федеральной власти, сформулированной в четкой установке: «Берите суверенитета, сколько проглотите». Интересно проанализировать концептуальные и политико-правовые основы этой «реальной политики» в постсоветской России.

Они во многом расходятся с теми теоретическими и правовыми положениями, которые были изложены в «Концепции государственной национальной политики Российской Федерации»³, утвержденной Указом Президента РФ от 15.06.1996 г. № 909.

В «Концепции» отсутствует определение понятия «нация», но, судя по контексту, где наличествуют концепты «Россия – многонациональное государство», «коренные народы», «национально-культурная самобытность народов России», «малочисленные народы», «национальные меньшинства», «национальные культуры и языки народов России», «межнациональные отношения», подразумеваются под нацией все виды этнических сообществ, подпадающие под определение объекта «национальной политики».

Концепция определяется как «система современных *взглядов, принципов и приоритетов* (курсив наш) в деятельности федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации... в сфере национальных отношений». Принципы

¹ Иванов В.Н. Политика национальная // Социологическая энциклопедия. Т. 2. С. 220.

² Там же. С. 221–222.

³ Указ Президента РФ от 15.06.1996 № 909 «Об утверждении Концепции государственной национальной политики Российской Федерации». URL: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1161161>

и приоритеты действительно сформулированы детально, но современные взгляды на национальный вопрос в России фактически не отражены.

Декларируется «переходный этап в жизни страны», «новые исторические условия развития российской государственности», однако содержание этих понятий и их объективная обусловленность не раскрываются, в результате чего излагаемые затем принципы, цели, приоритеты, задачи теряют свое системное единство и общецелевую функцию управления.

Отмечаются взаимосвязанные тенденции в развитии межнациональных отношений в переходный период: самоопределение народов и интеграция российского общества; потребность в проведении общего курса реформ и различие социально-экономических условий регионов; стремление народов сохранять свою национально-культурную самобытность и приверженность духовной общности народов России.

В теоретическом плане отмеченные в «Концепции» тенденции схожи с выделяемыми в советский период тенденциями развития и сближения наций в СССР, однако они не связываются с процессом интернационализации диалектическим единством этих тенденций.

В числе *основных принципов* государственной национальной политики указаны: равенство прав и свобод человека и гражданина любой национальности, расы и т. д.; гарантия прав коренных малочисленных народов; право каждого человека определять и указывать свою национальную принадлежность и другие принципы. Важно при этом обратить внимание на то, что коллективное право отнесено только к малочисленным народам, а при реализации этой «Концепции» у людей исчезла возможность указывать свою национальность в паспортах, актах гражданского бракосочетания, что не только ограничило права граждан, но и создало серьезные трудности при изучении динамики этносоциальных процессов.

Среди *неотложных задач* при реализации национальной политики указаны: в духовной сфере – формирование идей духовного единства, дружбы народов, чувства российского патриотизма; развитие национальной самобытности и традиций взаимодействия славянских, тюркских и других народов России в рамках, что принципиально важно, *евразийского национально-культурного пространства* (курсив наш) совершенствование национальной общеобразовательной школы; сохранение и развитие языков всех народов России, использование русского языка как общегосударственного.

Важная роль в «Концепции» отведена национально-культурной автономии как одной из форм национально-культурного самоопределения.

«Межнациональные отношения в стране, – отмечается в разделе “Основные направления региональных программ государственной национальной политики”, – во многом будут определяться национальным само-

чувствием русского народа, являющегося опорой российской государственности. Потребности и интересы русского народа должны в полной мере найти отражение в федеральных и региональных программах...» Нам представляется существенно важным это положение. Неясно, правда, почему оно оказалось в региональном разделе программ, а не в разделах о принципах или основных целях и задачах государственной национальной политики, что повысило бы его теоретическую и политическую значимость.

В механизме реализации политики первоочередная роль отводится эффективной реализации конституционно-правовых принципов регулирования межнациональных отношений, государственных программ.

Предусматривалось повышение роли Министерства РФ по делам национальностей и федеративным отношениям в разработке и экспертизе проектов федеральных законов по вопросам национальных отношений, организации мониторинга их состояния и кризисных ситуаций в разработке и осуществлении программ национально-культурного развития и сотрудничества субъектов РФ.

В действительности Министерство в процессе реализации «Концепции» было реорганизовано, фактически ликвидировано и не воссоздано и ныне, а мониторинг как задача вновь реанимируется и в проекте «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации», принятом 27 сентября 2012 г.¹, и в окончательном варианте текста Стратегии на период до 2025 года, утвержденной Указом президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666².

Если придерживаться понимания концепта «социокультурность» как интегрального единства социальных, культурных и личностных аспектов социальных явлений, то можно заметить следующую динамику теоретико-методологических воззрений разработчиков «Концепции» и «Стратегии». «Концепция» содержала, хотя и не совсем системно выраженный, подход к межнациональным отношениям как субъект-субъектным отношениям народов, имеющих интересы в политической, социально-экономической, духовной, культурной сферах жизни. Понятие «национальное» относится ко всем типам национальных общностей, определяемым одним термином «народы». Правда, понятие «права народов» не используется, за исключением прав коренных малочисленных народов. Право народов на самоопре-

---

¹ Проект «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации», 27 сентября 2012 г. URL: http://www.samddn.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=7131:obsuzhdenie-proekta-strategii-gosudarstvennoj-natsionalnoj-politiki

² Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1644521>

деление трактуется лишь как право на национально-культурное самоопределение, одна из форм которого – национально-культурная автономия.

Личность в «Концепции» – скорее подразумевается как национально-культурный человек, имеющий права в сфере национального языка и культуры.

«Концепция» содержала некоторую интенцию к обеспечению политического равноправия народов в РФ путем указания в разделе «Совершенствование федеративных отношений» положения: «Оптимизация федеративных отношений не преследует цель губернизации республик», а «... состоит в сочетании территориального и национального начал».

При всей ограниченности толкования проблемы «социального» только применительно к правам индивидов, а не народов, сведения личности к субъекту культуры, все же можно сделать вывод о том, что «Концепция» в определенной мере соответствовала требованиям социокультурного подхода.

Проект же «Стратегии» содержал в явном виде теоретический переход в понимании нации: от этнонации – к нации-государству. Он вводит понятие «российская нация (многонациональный народ Российской Федерации) – сообщество граждан Российской Федерации..., осознающих свою гражданскую общность и политико-правовую связь с российским государством (согражданство)», а также производные от него понятия «общероссийская гражданская идентичность», «политика согражданства». В то же время используются понятия «межнациональные» (межэтнические отношения), «национальность – этническая принадлежность, этничность», т. е. имеет место определенная паритетность этнических и национальных признаков.

В утвержденном тексте «Стратегии»¹ блок основных понятий опущен (по сравнению с проектом Стратегии), однако понятие «российская нация» является ведущим во всех разделах. Другие национальные общности, которые, как следует полагать из наличествующего в «Стратегии» понятия «многонационального народа России (российской нации)», определяются термином «народы», в том числе «русский народ», т. е. «российская нация – это нация наций».

Если в проекте «Стратегии», благодаря блоку отмеченных выше основных понятий, а также положений о «цивилизационной идентичности России», «кризисе общероссийской гражданской идентичности», «праве каждого гражданина добровольно определять и указывать свою национальную принадлежность как одним из *основных принципов* (курсив наш) государственной национальной политики» и т. п., еще просматривались определенные концептуальные подходы к переходу от этнонации к гражданской (российской) нации, то в «Стратегии» они «размыты», но сущность перехода сохранилась.

¹ Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»...

Если в «Концепции» отмечено, что основные цели государственной национальной политики «состоят в обеспечении условий для полноправного социального и национально-культурного развития всех народов, упрочении общероссийской гражданской и духовно-нравственной общности», то «Стратегия» не только меняет местами эти приоритеты, но и трансформирует их содержание. Так, главный приоритет «Стратегии» – «упрочение общероссийского гражданского самосознания и духовной общности... российской нации» не совсем синонимичен «упрочению общероссийской гражданской общности», т. к. акцентирует внимание только на «самосознание», а не на общность как реальный социум, что вполне соответствует всему духу «Стратегии» как административно-правового механизма регулирования. Так же, как указанная в «Стратегии» цель «сохранения и развития этнокультурного многообразия народов России» уже, чем отмеченная в «Концепции» в качестве первоочередной цель «полноправного *социального* (курсив наш) и национально-культурного развития». Если в проекте «Стратегии» на первом месте среди основных принципов политики указано «равноправие и самоопределение народов», то в «Стратегии» – «государственная целостность».

Следует признать, что в «Стратегии» фактически заложено доминирование субъект-объектного подхода в национальной политике, где субъект – государство, пусть и совместно с декларируемым, но практически не развитым гражданским обществом, управляет «объектами» – этническими общностями. Да и у всех (кроме отчасти коренных малочисленных народов и национальных меньшинств) не определяются ни коллективные права, ни условия сохранения социокультурной целостности народов. Декларируемые права на развитие языков и культур в какой-то мере способны, при условии реализации этих прав, обеспечить лишь этнокультурную самобытность.

С социокультурной точки зрения «Стратегия», по сравнению с «Концепцией», есть шаг назад в демократизации и гуманизации регулирования межнациональных отношений и национального (этносоциального) развития. Социальные отношения между индивидами, группами, общностями сведены к межличностным отношениям (приоритет прав человека), регулируемым государством. Культура – как система значений (символов), норм и ценностей индивидов и групп – к языку и традициям (что тоже очень важно, но не покрывает все содержание культуры). Формирование личности в системе образования сводится к формированию у детей и молодежи «общероссийского гражданского самосознания, чувства патриотизма, гражданской ответственности». Не ставится задача воспитания личности с развитым национальным (этническим) и интернациональным

самосознанием, чувством гордости за свой народ и Россию. То есть человек в «Стратегии» – не национальный (этнический), а наднациональный – «российский» в первую очередь.

В целях «Стратегии», на наш взгляд, с ног на голову поставлены условия и следствия. Гармонизация межнациональных отношений, сохранение целостности России – не условия, а возможные следствия политики, реально обеспечивающей равноправное социальное, экономическое, политическое и культурное развитие ее народов, их свободное политическое самоопределение.

Следует согласиться с Ф.С. Файзуллиным в том, что «в настоящее время все больше бросается в глаза несоответствие между официально заявляемыми целями политических преобразований в области национальных отношений и реальной политической практикой, а, точнее, между декларируемыми намерениями создать систему развития демократии в решении национальных проблем и, наоборот, – усилением авторитаризма. Можно утверждать, что реформы региональных отношений в последние годы оказались шагом не в сторону федерального, а в сторону формирования унитарного государства»¹. Представляется продуктивным с научной и практической точек зрения его предложение, реализуемое им на материалах конкретных социологических исследований в Башкортостане, об изучении социального статуса этноса, т. е. того места, которое он занимает в системе взаимоотношений в обществе. Статус – социально-экономический, правовой, социально-психологический, демографический – определяет специфику интересов этноса, его социальное самочувствие и характер взаимоотношений с другими. Низкий статус по сравнению с другими может создавать напряженность в межэтнических взаимодействиях².

Важны также отмеченные им недостатки Конституции РФ, в которой есть статьи, защищающие права человека, его статус, но не закреплены статус и права наций на самоопределение и свободное развитие, уделено мало места вопросам защиты суверенных прав национальных республик, некоторые статьи противоречат друг другу³.

Проблему правовой неурегулированности самоопределения народов в Российской Федерации с позиций коллективного права на этническую идентичность ставит также М.Б. Нансо⁴. С ней полемизирует М.А. Южа-

¹ Файзуллин Ф.С. Статус этноса и этнические интересы как фактор национальной политики // Социологические исследования. 2012. № 12. С. 139.

² Там же. С. 140.

³ Там же. С. 144.

⁴ Нансо М.Б. Право на этническую идентичность: правовые и социально-философские аспекты признания в современных условиях // Государство и право. 2011. № 8. С. 29–25.

нин¹. Оба автора справедливо увязывают необходимость соблюдения прав и обязанностей личностей и народов в их взаимоотношениях как условия гармонизации, стабильности.

Итак, в сфере межэтнических отношений в Российской Федерации много нерешенных теоретических, политико-правовых и практических проблем, которые требуют всестороннего свободного обсуждения, а не административного «продавливания», как это имело место с «Концепцией» и «Стратегией государственной национальной политики» и рядом других законодательных актов.

Как уже обосновывалось, наиболее перспективным в осмыслении и решении проблем этносоциального развития и межэтнических взаимодействий, в т. ч. государственного регулирования национальной политики, нам представляется социокультурный подход. Изложенные выше его основные принципы применимы в процессах управления и регулирования для разных сфер общественной жизни при их модификации в соответствии со спецификой каждой сферы и спецификой конкретных форм регулирования.

Специфической особенностью государственной национальной политики является ведущая роль государственной власти как субъекта регулирования и преобладание нормативно-правовой формы регулирования.

Теоретическая модель социокультурно-ориентированной государственной национальной политики может быть представлена как:

- 1) субъект-объектное регулирование при максимизации тенденции к субъект-субъектному (саморегулированию) путем включения в сферу деятельности субъекта всех уровней гражданского общества;
- 2) изоморфность основных ценностей государственной власти (субъект) и этнических объектов (общностей, групп, индивидов);
- 3) когерентность социокультурных норм сознания и поведения власти и этнических субъектов;
- 4) гуманистическая направленность методов регулирования;
- 5) системный подход к регулированию межэтнических взаимодействий;
- 6) конкретный учет социокультурных характеристик объекта регулирования;
- 7) учет глобального и цивилизационного контекстов.

Кратко поясним изложенное выше.

Так, анализ реальной политики государства в постсоветской России в сфере национальных отношений позволяет утверждать, что преобладают субъект-объектные отношения, где субъектом политики выступают чаще

---

¹ Южанин М.А. Социально-правовая концепция «коллективных прав» этносов // Социология власти. 2012. № 1. С. 202–211.

всего федеральные органы власти, использующие в полной мере политико-правовое принуждение. При этом не только структуры гражданского общества (политические партии, общественные организации и др.), но даже субъекты Федерации (республики, округа) практически не включались в состав коллективного субъекта регулирования. Достаточно упомянуть методы урегулирования кризиса на Северном Кавказе, построения «вертикали власти», «укрупнения регионов».

О том, что основные ценности государственной власти и этнических общностей далеко не изоморфны, свидетельствуют негативные социально-экономические, культурные, демографические, экологические итоги рыночных реформ в России, характеристики уровня жизни населения большинства народов, резкое социальное расслоение.

Этнические общности имманентно социокультурны, так как интегрируют личностные, социальные и культурные характеристики. Важно определить, что считать нормой в социальности, нормой в культуре и нормальной социокультурной личностью. И хотя на уровне отдельных индивидов возможны отклонения от этой «триадности» в том или ином элементе, все же этнос как целое, если он не находится в состоянии деградации, социокультурен. Подобное трудно утверждать в отношении государственной власти. Возьмем федеральный ее уровень. Интересы какого этноса и насколько адекватно она отражает? В какой мере ее политика соответствует менталитету русского этноса, составляющего свыше 80 населения России? Насколько она гуманна, социально справедлива, культурно прогрессивна?

Системный подход как структурная оформленность подхода социокультурного предполагает при регулировании учет единства всех элементов этноса как системы его территории, языка, культуры, самосознания и менталитета (как ядра самосознания), этнической психологии, традиции и обычаев, в т. ч. традиций в самоуправлении. Здесь важно помнить, что регулируя какой-то отдельный элемент (параметр), необходимо учесть, как изменятся при этом остальные. Например, как деградация территории проживания скажется и на социальных отношениях, и на культуре, и на типе личности.

Наконец, важно при регулировании межэтнических взаимодействий исходить как из конкретной этнической, так и цивилизационной специфики объекта регулирования, учитывать глобализационный контекст этнического развития. В условиях информационного взаимодействия, воздействия СМИ, Интернет-каналов трансформируются, особенно у молодежи, ценности жизни. Важно знать, насколько отличаются эти новые ценности от традиционных для большинства населения, оценивать, к каким последствиям это ведет.

Социокультурный подход релевантен цивилизационному, т. е. предполагает развитие собственной цивилизационной идентичности с учетом глобального контекста, а не путем некритического заимствования ценностей иной (чаще всего в современной России – западной) цивилизации, как более «продвинутой».

В разрабатываемых на основе социокультурного подхода концепциях, стратегиях, программах государственного регулирования этнокультурного развития и межэтнических отношений, национальной политики в целом должен явно обозначаться концепт этнической общности как исторически необходимой и прогрессивной социокультурной общности, требующей возможного «диалектического снятия» в процессе взаимодействий с другими, а не как некий «атавизм», «источник национализма».

Конкретные исследования призваны фиксировать динамику изменений и трансформаций различных элементов этноса как системы в процессе межэтнических и межкультурных взаимодействий, оценивать его социокультурные ориентиры-интеграторы и ориентиры-дезинтеграторы – как внутренние, так и внешние.

В попытке интегрировать социокультурный и цивилизационный подходы и строятся наши многочисленные исследования межэтнических взаимодействий, национальной политики, социокультурной динамики в Сибири и сопредельных территориях – Казахстане, Монголии¹. В частности, проведен анализ реалий и возможностей социокультурно-ориентированной национальной политики в современной России².

В какой мере реализуются элементы социокультурного подхода в реальной политике, какие возможности для этого имеются, исходя из интересов и ценностных ориентаций людей и объективных условий, об этом речь пойдет в следующем разделе.

---

¹ См., например: Россия как цивилизация: сибирский ракурс / Под ред. В.Г.Костюка. Новосибирск, 2008; Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация / Под ред. Ю.В.Попкова. Новосибирск, 2010.

² Попков Ю.В., Костюк В.Г. Социокультурно-ориентированная национальная политика: сущность, реалии и возможности в современной России // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2012. Т. 10, вып. 2. С. 102–109.

Раздел II

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОДХОДА В КОНКРЕТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ НОВОСИБИРСКОЙ ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Глава 4. Динамика государственного регулирования межэтнических взаимодействий в России

§ 1. Модели государственного строительства и регулирования межэтнических взаимодействий в России досоветского периода

Исследование роли этнического многообразия в процессах государственного строительства и управления предполагает выделение моделей сотрудничества коллективных акторов – этносов друг с другом и с государством в российском историческом процессе с момента возникновения российской государственности. В этой связи можно выделить три таких модели. Каждая из них возникает в определенный период развития России как страны и государства, существовавшего в разных формах, начиная с Новгородской республики и Киевской Руси. Первая модель формируется в традициях древнерусской государственности, вторая – в середине XVI в., с началом становления российской цивилизации, третья – в эпоху модернизационных преобразований.

Первая, восточно-славянская модель стихийно сложилась в межэтнических отношениях между славянскими, балто-финно-угорскими и некоторыми из народов Севера в древнерусский период. С некоторыми изменениями она эволюционировала от отдельного к совместному проживанию этих народов по мере расширения славянской колонизации¹ на земли финно-угров и функционирует сегодня на уровне локальных сообществ в сельских поселениях.

Характерной чертой этой модели на протяжении столетий оставалась ориентация на экономическую выгоду от натурального обмена, впоследствии трансформировавшегося в товарный обмен. Культурно-хозяйственной доминантой восточных славян, по преимуществу земледельцев, являлась природо-

---

¹ Здесь и далее мы используем устоявшийся термин «колонизация», но учитываем своеобразие данного процесса по сравнению с «классической» колонизацией западноевропейских государств.

производящая деятельность, в то время как хозяйство финно-угров и народов Севера, охотников и рыболовов, оставалось присваивающим и в целом не вело к преобразованию природного ландшафта в антропогенный. Это обусловило хозяйственную специализацию народов в разделении труда, создало формат межэтнических взаимодействий, которые привели к этнокультурному симбиозу, а со временем и к межкультурному синтезу народов¹.

Восточно-славянская модель формируется в средневековье, вместе со становлением политического союза восточно-славянских племен. Со времен Новгородской республики и Киевской Руси существенной чертой этой модели интеграции является сочетание элементов экономического, в отдельных случаях даже административного, принуждения с признанием внутренней автономии в вопросах родовых, социальных, религиозных отношений, а также в вопросах местного самоуправления населения, независимо от его этнической принадлежности. Лояльные центральной власти племенные вожди сохраняли за собой все права и привилегии при условии ответственности за сбор дани с податного населения. Дань (налог) собирался либо в денежной, либо в натуральной форме – как правило, мехами, за которыми русские, заинтересованные в их европейском экспорте, устремлялись по рекам вплоть до Северного Урала. Еще в раннем средневековье складывается славяно-финно-угорский симбиоз, который заключался в своеобразном земледельческо-промысловом разделении труда между земледельцами – славянами и финно-уграми, преимущественно охотниками и рыболовами. Основной функцией такой интеграции была экономическая выгода.

Как полагает А. Каппелер, структура интеграции финно-угорского населения в состав древнерусской государственности включала два пояса периферии: внешней и внутренней. Народы внутренней периферии – карелы, водь, ижора, вепсы – вместе со своими территориями напрямую, т.е. административно подчинялись сначала Новгородской республике, а позднее – Великому княжеству Московскому. Эти народы, относительно немногочисленные, отличает высокая степень интегрированности в структуры восточно-славянской государственности. Их элиты уже в средневековый период ассимилировались с русскими, а в более поздний период определенной русификации и ассимиляции оказались подвержены и значительные массы этих народов. Тем не менее, многие представители указанных этносов и по настоящее время сохраняют свою этническую самоидентификацию².

¹ Ерохина Е.А. Влияние мировоззренческих ценностей русского этнического сознания на характер восприятия иноэтнических культур Западной Сибири: XVII – сер. XIX вв. // Русские Сибири: культура, обычаи, обряды. Новосибирск, 1998. С. 6, 13.

² Каппелер А. Россия – многонациональная империя: возникновение, история, распад. М., 2000. С. 17–18.

Столь высокая степень интеграции и аккультурации этих народов объясняется, по мнению А. Каппелера, ранней включенностью их земель в орбиту восточно-славянской, а впоследствии и русской колонизации.

Народы же внешней периферии, чьи территории находились вне пределов зоны восточно-славянской средневековой земледельческой колонизации, испытывали на себе лишь экономическую зависимость, проявлявшуюся, опять таки, в даннических отношениях, не затрагивающих их внутренних отношений. Экономическая функция отношений восточных славян с ненцами, саамами, хантами, манси оставалась ведущей так же, как и с народами внутреннего пояса периферии. Русских интересовали меха, рыба, клыки моржа. Народы внешней периферии можно охарактеризовать как низко-интегрированные в государственные структуры восточно-славянских этносов в силу того, что восточные славяне не осваивали северных и северо-восточных окраин¹.

Помимо этих двух групп А. Каппелер также выделяет промежуточную по степени интеграции группу народов Севера и Поволжья – коми-зырян и коми-пермяков, мордвы, марийцев, удмуртов, населявших земли, буферные между Московским княжеством, восприемником древнерусской государственности, и Казанским ханством. Лесной промысел и земледелие открывали для них путь к экономической и частично административно-политической интеграции с русскими. На их земли в XIV–XV вв. началось русское переселение. Несмотря на ассимиляционные процессы, они сохраняли свою этническую элиту и языческие верования².

Наконец, последняя из выделенных Каппелером групп именуется в административных документах Великого княжества Московского «иноземцами». К ним относились, помимо состоящих на службе у великого князя европейцев, также и татары. «Иноземцы» выполняли на государственной службе специфические функции: экспертные, военные и бюрократические. Так, например, татары состояли в основном на военной службе, что открывало им путь в элиту, в дворянское сословие русского государства. Это предвосхитило дальнейшую практику кооптации иноземных элит и передачи им престижных функций в государственном аппарате³.

Традиции раннего полиэтничного Московского государства и его еще более ранних предшественников, сформированные в средневековье, стали предпосылками формирования полиэтничного российского государства, возникшего в середине XVI в. В этот период восточно-сла-

¹ Каппелер А. Россия – многонациональная империя: возникновение, история, распад. М., 2000. С. 17–18

² Там же. С. 19.

³ Там же. С. 19–20.

вянская модель регулирования межэтнических отношений, носившая в основном стихийный характер с элементами экономического принуждения, дополняется моделью имперского строительства, восходящей к традициям евразийской степной политики.

Имперский универсализм базируется на признании принципа культурного (этнического) плюрализма при условии безоговорочной лояльности некоей абсолютной системе ценностей. В традициях евразийской степной политики это означало безусловное признание верховной власти самодержца. Эти традиции становятся частью геополитической системы управления пространством с середины XVI в., периода, именуемого в истории как период борьбы за ордынское наследство.

Вторая, имперская модель ориентирована на традиции евразийской степной политики, которые сложились в отношениях между славянами, тюрками и монголами. Указанная модель начала формироваться в эпоху борьбы за наследие Золотой Орды на евразийском пространстве и предполагала использование традиционных для народов Степи способов легитимации политической власти. Она укрепляется по мере становления в XVI в. российской многонациональной цивилизации, которая формировалась на основе межкультурного синтеза народов, с одной стороны, бывшего древнерусского государства, с другой стороны, народов бывших Казанского, Астраханского и Сибирского ханств. Использование этой модели в государственном управлении по отношению к широкому кругу подданных сначала Московского царства, а впоследствии и Российской империи, позволяет говорить о том, что именно в указанный исторический период межэтнические отношения начинают подвергаться регулированию со стороны государства и, таким образом, впервые приобретают институциональный характер.

Эволюция этой модели совпадала с эволюцией империи, которая в определенный исторический период служила институционально-политическим выражением становящейся российской цивилизации. Ее экономической основой долгое время оставалась хозяйственная специализация и основанный на ней обмен между славянами, земледельцами, с одной стороны, и тюрками, а также монголами, по преимуществу скотоводами, с другой стороны. Ее развитие закончилось в 1917 г. вместе с распадом Российской империи, однако она сохранилась как фрагмент исторической памяти народов тюрко-монгольского мира.

Этот период связан с завоеванием Казанского, Астраханского и Сибирского ханств. В этих государствах существовала своя элита с исламскими традициями высокой письменной культуры. Помимо религиозной границы, между славянами и тюрками существовала также граница оседлости/кочевания. Исключение составляли сами татары, значительная часть которых к

тому времени уже вела оседлый образ жизни. Многие представители этого этноса еще до взятия Казани находились в вассальных отношениях с великим князем московским. Совместное пребывание русских и тюрок в составе Золотой Орды к этому времени привело данные народы к определенному культурному симбиозу. Поэтому сотрудничество и соперничество русской и татарской элит на службе у русского царя воспринимались как естественные элементы сословно-корпоративных практик в данный исторический период.

Хотя российское государство официально обозначило свой имперский статус лишь в период петровской модернизации, т.е. полтора века спустя, все же стоит отметить, что фактически оно стало империей с момента вхождения в его состав Казанского, Астраханского и Сибирского ханств. Под империей в данном случае понимается тип государственного устройства, основанный на принципах авторитарной самодержавной власти и ориентированной на территориальное расширение.

По мнению Ю.М. Аксютин и Л.В. Анжигановой, империя является институционально-политическим выражением сложной социокультурной системы, характер которой обусловлен ценностями этноса, начинающего строительство имперского государства, ядро которых образует, как правило, некая мессианская идея. При этом полагается естественным, что без комплиментарности других этносов, входящих в орбиту империи, без их готовности перестроится самим и перестроить ее под свои потребности, объяснение социокультурной устойчивости империи будет неполным¹.

Имперская модель, ориентированная на традиции евразийской степной политики, учитывала этнокультурную специфику вновь присоединенных народов, которые прежде входили в государственные образования иного, кочевого цивилизационного круга. При этом идеологический базис Московского царства был оформлен в религиозно-политическую доктрину «Москва – Третий Рим», сформированную на мессианской идее вселенской церкви. Таким образом, формально декларировалась преемственность Московского царства христианскому Риму через посредничество второго Рима, Константинополя, а вовсе не Золотой Орде, геополитическим наследником которой Москва фактически стала после ее распада. Степь для русских и их восточнославянских предков долгое время была чуждым, нетипичным жизненным пространством. Взаимодействия славян с тюрками и монголами до XVI в. выражались либо в набегах кочевников, доминировавших в степной зоне благодаря высокому военному искусству, либо в развитии интенсивных экономических и дипломатических взаимосвязей².

¹ Аксютин Ю.М., Анжиганова Л.В. Имперская культура: система ценностей, символы, ритуалы. Абакан, 2011. С. 32, 75.

² Каннелер А. Россия – многонациональная империя... С. 35.

С выходом за пределы территории, традиционной для государственности восточных славян, понадобились новые, нетипичные для восточнославянской модели расселения и управления практики государственного строительства. Как отмечают многие исследователи, на первоначальном этапе завоевания межэтнические отношения почти всегда носили неприязненный, напряженный характер отношений победителей и побежденных¹. На новоприсоединенных землях в XVI–XVIII вв. почти сразу появлялись причины для конфликтов: взаимная порча имущества, злоупотребления при ясачном налогообложении, жестокое обращение русских начальников, захват земель, похищение людей². Однако ситуация диктовала всем сторонам необходимость тесного общения и большего узнавания первоначально чуждых культур³. По истечении нескольких поколений чуждые друг другу народы превращались из Чужих просто в Других, т.е. воспринимались со все меньшей оппозиционностью и все большей толерантностью⁴.

Важнейшей характеристикой правительственной административной политики в отношении нерусских народов оставался этатизм, т.е. подчинение «национальной» политики интересам государства, понимаемым как обеспечение внешней и внутренней безопасности. В проводимой по отношению к новым подданным после включения Казанского, Астраханского и Сибирского ханств политике использовались евразийские традиции степной политики, преследующие, прежде всего, безопасность и стабильность границ. Ее краеугольными камнями оставались аманатство (наличие заложников), шерть (принесение присяги самодержцу) и ясак⁵. Когда военная безопасность была обеспечена, Россия переходила к следующим мерам. Во-первых, сохранялся статус-кво, гарантирующий личную свободу плательщикам ясака, которые не могли быть закрепощены, как русские крестьяне. Во-вторых, устанавливалось сотрудничество с нерусскими элитами, подтверждались их привилегии в обмен на лояльность народных масс. Элита могла делать карьеру на государственной или военной службе. Аристократия оседлых народов признавалась равной русской аристократии⁶.

¹ Каннелер А. Россия – многонациональная империя... С. 34–35; Трепавлов В.В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007. С. 117.

² Трепавлов В.В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. С. 117.

³ Там же. С. 132.

⁴ Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 316.

⁵ См., например: Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск., 2005.

⁶ Каннелер А. Россия – многонациональная империя... С. 47.

С основной массой тяглого населения отношения строились по ордынскому образцу, предполагающему сбор дани в тех же, что и прежде, объемах. Эта задача решалась через объясачивание. Сохранялся и статус местного населения. Так, например, вплоть до петровских реформ крестьяне бывшего Казанского ханства оставались в особой категории «ясачных людей». Регулярной практикой оказывалось подтверждение коллективных прав на родовые земли. В число преференций входило также и освобождение от воинской повинности, и сохранение элементов местной самобытности.

В отношении элиты завоеванных народов сохранялись и статус, и привилегии. Для обеспечения лояльности местного населения власть проводила гибкую линию сотрудничества с нерусской элитой. Татарско-мусульманская элита кооптировалась в среду русского наследственного дворянства, т.е. признавалась как равная с русской. Элита народов, исповедующих язычество и ведущих кочевой образ жизни, хоть и не вошла в дворянское сословие, также была выделена особым образом русской властью. Все статусные права и привилегии элит присоединенных народов сохранились за ними после того, как произошло их вхождение в состав русского государства¹.

Такая прагматическая направленность доминировала до конца XVII в., что и засвидетельствовано в московских наказах местным воеводам «держать ласку, и привет, и бережение». В качестве иллюстрации имперской гибкости российской власти А. Каппелер приводит следующий пример. Так, татары-мусульмане могли иметь в крепостной зависимости православных русских, тогда как русские дворяне держать у себя в крепостной зависимости не-русских крестьян не могли².

Чрезвычайно быстрый по историческим меркам территориальный рост российского государства довольно скоро привел к осознанию того, что для полноценного управления огромным пространством какого-то одного общего алгоритма не существует. Сочетание оседлого и кочевого укладов населения империи требовало неоднозначных форм управления пространством, сочетания унификации с сохранением специфических правовых форм, возникших на основе родоплеменных норм обычного права у некоторых народов России³.

В целом можно согласиться с мнением авторов коллективной монографии «Российская многонациональная цивилизация. Единство и противоречия» в том, что кочевники представляли собой особый анклав в российском

¹ Каппелер А. Россия – многонациональная империя... С. 48.

² Там же. С. 29.

³ Исмаил-Заде Д.И. Система управления и российская бюрократия // Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия. М., 2003. С. 110; Бекмаханова Н.Е. Государственное законодательство и народы России // Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия. М., 2003. С. 21.

государственном организме¹. Со временем традиции номадизма стали входить в противоречие с тенденциями этнической интеграции в общеперсскую систему. Учет этнокультурного и этнополитического разнообразия предполагал включение локальных юридических норм в общий корпус государственного законодательства, как правило, в масштабах отдельных регионов². Управление окраинами требовало иных, нежели, во внутренних губерниях, форм взаимодействия местных сообществ с центральной властью.

Модель имперского управления предполагала значительные региональные различия в принципах управления, постепенное приспособление новых подданных к политико-административной системе, включала разграничение юрисдикции между центром и периферией, известную самостоятельность промежуточных центров власти (в генерал-губернаторствах и наместничествах), сотрудничество центрального правительства с местными элитами³. На всех этапах сотрудничество с этническими элитами оставалось залогом стабильности⁴. Этнические элиты выступали проводниками интеграционных процессов.

У целого ряда народов удельный вес потомственных дворян был существенно выше, чем у русских⁵. По подсчетам Б. Миронова, к середине XIX в. доля нерусских чиновников равнялась 16%, в высшей бюрократии она составляла 32,7% в 1853 г., доля инославных офицеров в российской армии доходила до 23% в 1867–68 гг. Предпринятый им расчет индекса человеческого развития народов Российской империи на основе Переписи 1897 г. показал, что положение русских соответствует среднему уровню по России, в то время как целый ряд нерусских этносов по этому показателю довольно существенно превосходил державную нацию⁶.

А. Щербина полагает, что такая ситуация явилась следствием создания экономических преференций для окраин, что также следует оценивать как часть имперской политики в национальном вопросе. Экономическая политика имперского правительства вела к перераспределению ресурсов и развитию национальных окраин, которые «дотягивались» до уровня имперского центра. По его мнению, с помощью налоговой системы пра-

¹ Исмаил-Заде Д.И. Система управления и российская бюрократия. С. 110.

² Трепавлов В.В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. С. 203.

³ Трепавлов В.В. Многонациональная цивилизация России: поиски закономерностей // Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия. М., 2003. С. 356.

⁴ Трепавлов В.В. «Белый царь»... С. 203.

⁵ Щербина А. Влияние интеграционных и модернизационных процессов на российскую империю // Логос. 2004. № 5. С. 202–207.

⁶ Миронов Б.Н. Кому на Руси жилось хорошо? // Родина. 2003. № 7. С. 16.

вительство намеренно поддерживало такое положение дел, при котором материальный уровень жизни нерусских, проживающих в национальных окраинах, был, по возможности, более высоким. По уровню жизни и степени урбанизации отдельные этносы, например, поляки и евреи, были далеко впереди русских¹.

Сами русские, творцы империи, отнюдь не благоденствовали, так как оставались основным источником изъятия прибавочного продукта². Они же были главной тягловой категорией населения. Часто их экономическое и правовое положение было тяжелее, чем у нерусских³.

В структуре империи были и другие народы, чей правовой статус был ущемлен. В первую очередь это относилось к еврейскому населению, жившему в пределах черты оседлости по причине приверженности инославной конфессии. Начальное образование подданные империи могли получать только в пределах церковно-приходских школ с обучением на русском языке. Действительно, в империи этническая принадлежность не играла особой роли. Однако совсем по-иному власть относилась к конфессиональной принадлежности своих подданных. В этом смысле можно говорить об определенной дискриминации в отношении евреев и мусульман.

По мере нарастания модернизационных процессов и утраты патриархальных норм социальных отношений в самом русском обществе стала усиливаться тенденция унификации стандарта подданства и управления⁴. Свою роль сыграло и продолжившееся в XIX в. расширение империи за счет включения в ее состав народов Закавказья, Польши и Финляндии, уровень общественного развития которых либо был сопоставим, либо превосходил соответствующий уровень у русских, которые на всем протяжении XIX в. оставались преимущественно аграрным, слабо урбанизированным этносом.

А. Каппелер, исследуя возникновение, историю и распад Российской империи, приходит к выводу, что к России имперского периода, по крайней мере до момента ее вторжения в Среднюю Азию, неприменим штамп колониальной державы. В пользу этого говорит толерантное отношение к другим народам и культурам, сохранение этнического многообразия, прагматическое отношение к решению задач этнокультурной интеграции. Он характеризует Россию как многонациональную империю, чертами которой

¹ Щербина А. Влияние интеграционных и модернизационных процессов на российскую империю. С. 207–208.

² Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М, 2006. С. 566–567.

³ Каппелер А. Россия – многонациональная империя... С. 121, 123.

⁴ Трепавлов В.В. «Белый царь»... С.199-200, 202.

являются отсутствие превосходства в развитии метрополии по сравнению с периферией, частичная дискриминация имперского русского этноса, приоритет политических установок над экономическими¹.

Наконец, третья модель регулирования межэтнических взаимодействий является национальной моделью. Она начинает формироваться в начале XVIII в., по мере внедрения элементов форсированной модернизации «сверху», осуществлявшейся в формах, с одной стороны, конкуренции с национальными движениями этнических групп, у которых на момент присоединения к России сложились собственные элиты, традиции государственности и высокие культуры, с другой стороны, русификации, либо поддержки особой идентичности по отношению к тем национальным движениям, которые к началу Нового времени еще не сформировали или уже утратили средневековые традиции государственности и элиты с культурами, которые принято называть высокими. Эта модель предполагает включение «национального вопроса» целиком в компетенцию государства. Ее целью, в конечном счете, являлось снижение культурной гомогенности до уровня, доступного управлению при помощи унифицированных механизмов бюрократического национального государства, утверждающегося по мере перехода от традиционных к юридическо-правовым формам регулирования социальных отношений.

Имперская модель регулирования межэтнических взаимодействий акцентировала внимание на политической лояльности при индифферентности к этничности подданных. В определенном смысле сохранение культурных барьеров оказывалось выгодным феодальному государству, каковым оставалось Московское царство до начала XVIII в. Внедрение элементов национальной модели государственного строительства явилось следствием вестернизации государственных институтов. Национальный принцип является в некоторой степени альтернативой принципу империи-строительства. Отдельные его элементы внедряются в период петровской модернизации, на рубеже XVII–XVIII вв. Национальная модель государственного устройства в своем классическом, западно-европейском понимании, предполагает ориентацию на культурную унификацию и социальную гомогенизацию населения. Историческая ирония заключается как раз в том, что именно Петр I, проводивший курс на культурную гомогенизацию по образцу абсолютистского, полицейского, бюрократического государства Нового времени, провозгласил Россию империей.

Признаками, позволяющими утверждать, что именно с петровской модернизацией начинается первый этап национального строительства Российской империи как государства, где русская культура – доминирует, явля-

---

¹ Каннелер А. Россия – многонациональная империя... С. 122–123.

ются, во-первых, унификация языка, во-вторых, придание государственной власти светского характера, в-третьих, становление российской науки.

Национальная модель нацеливала на административную унификацию государственного управления. Татарские, чувашские, удмуртские и марийские крестьяне Европейской России, пользовавшиеся ясачным статусом, согласно указам 1718 и 1724 гг., были переведены в категорию государственных крестьян и перешли в непосредственное подчинение административным органам империи. Курс на форсированную интеграцию этносов бывшего Казанского ханства существенно сократил веер прав и возможностей этих народов. Расторжение сотрудничества с мусульманской элитой татарской знати привело к утрате дворянства теми ее представителями, которые отказались переходить в православие. Их имения были отобраны, а сами они стали мещанами (горожанами), купцами и предпринимателями, что, несомненно, является понижением статуса. Меры экономического давления применялись и по отношению к рядовым представителям этих народов, остававшимся некрещеными. В первой половине XVIII в. наблюдается рост волнений на национальных окраинах, вынудивших прибегнуть к применению военной силы для их подавления¹. Внедрение элементов нациестроительства обусловило временный отход, вплоть до воцарения Екатерины II, от прагматичной политики в отношении нерусских народов империи.

Во времена правления Екатерины II наблюдается отказ от унификации и частичное возвращение к гибкой политике административного регулирования социальной жизни нерусских народов. Эта политика продолжается усилиями Александра I, проводившего либеральные по отношению к указанной категории подданных реформы. Наиболее сильно они коснулись западных окраин империи, Царства Польского и Великого княжества Финляндского, получивших права автономий в составе Российской империи.

Однако уже со второй трети XIX в. государство вновь берет курс на ускоренную унификацию и даже русификацию. Российская империя оказалась вовлеченной в процессы национальной мобилизации, затронувшей в том числе и великорусское население. «В верхах» рост русского национального самосознания проявился в патриотических настроениях знати. Русское образованное общество стало проявлять интерес к русской истории, о чем свидетельствует появление литературных произведений на исторические темы и исторических сочинений А.С. Пушкина, Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева и др. Появилась даже бюрократическая формула национального патриотизма, введенная в оборот усилиями министра просвещения, графа С.С. Уварова. В соответствии с ней имперские принципы само-

¹ Каннелер А. Россия – многонациональная империя... С. 29–30, 177.

державия и православия дополнились принципом народности. На низовом уровне указанная тенденция проявилась в особом феномене народничества, ориентированного на «сближение» образованных слоев общества с «народом» в поиске утраченных национальных корней.

В национальные движения оказались вовлечены и другие народы империи. Современная социология рассматривает национальные движения как продукт модернизации, симптом распада феодально-сословной системы институтов и ценностей. В целом, соглашаясь с такой оценкой, стоит отметить, что связь модернизации и национализма является взаимообусловленной. В исследовании А. Каппелера противоречивые отношения этих явлений показаны на примере выделения двух идеальных типов, позволяющих относить тот или иной народ Российской империи к одной из двух моделей национальной мобилизации. Первая модель описывает этот процесс у народов, чья «высокая культура» складывается при поддержке государства и одновременно со становлением национальной государственности. Вторая модель описывает мобилизацию у тех народов, у которых формирование «высокой культуры» предшествует самостоятельной национальной государственности¹.

Данные модели заимствованы Каппелером у чешского историка М. Хроха, который создал и применил их для описания роста этнической активности славянских народов Восточной Европы, входивших на правах меньшинств в империю Габсбургов, Османов, Романовых. Если в рамках первой модели импульс национальной мобилизации задается усилием «сверху», от политической власти, элит, армии и бюрократии «вниз», к культуре просто-народа, то в рамках второй модели политической мобилизации предшествуют культурная и общественная мобилизация социальных «низов»².

В группу народов, описываемых первой моделью, можно отнести так называемые «старые» европейские народы со сложившимися еще к началу модерна традициями государственности и высокой культурой элит: англичан, французов, испанцев, португальцев. Группу народов, описываемых второй моделью, составляют так называемые недоминантные в рамках имперских образований этносы: чехи, словаки, словенцы, сербы. М. Хрох именует их «молодыми» нациями.

К «молодым» нациям в Российской империи можно отнести большинство ее народов: украинцев, белорусов, литовцев, эстонцев, латышей, финнов и пр. Эти народы имели незавершенную социальную структуру ввиду отсутствия собственных элит и/или средних (городских) слоев. При

¹ Каппелер А. Россия – многонациональная империя... С. 156–158.

² Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм. М., 2002. С. 121–145.

социальном выдвижении из низов представители этих народов подвергались ассимиляции господствующими этносами. Они не имели собственных политических структур, либо утратили их, а традиции средневековой государственности оказались разрушены в начале Нового времени. Соответственно, они не располагали ни литературным языком, ни высокой культурой. Они испытывали господство иных этнических элит, и национальные движения стали для них способом социальной борьбы за права, необходимость отстаивать которые осознавалась по мере освобождения от крепостной зависимости, индустриализации и урбанизации, распространения грамотности, развития школьного образования и печати¹.

«Старыми» нациями в Российской империи, помимо русских, были также поляки, грузины, армяне, крымские татары, остзейские немцы, евреи. С некоторыми ограничениями в эту категорию можно отнести и татар, потерявших свои государства, где доминировала их собственная элита, но сохранивших высокую культуру². Взаимодействие русских с другими «старыми» нациями, которые входили в состав Российской империи, некоторые историки, в частности, А. Миллер, предлагают рассматривать как ситуацию конкуренции национальных проектов за доминирование над «молодыми» нациями. Примером такой конкуренции в истории стало, например, соперничество проекта «общерусской нации», стремящегося к объединению великороссов, малороссов и белорусов, и польского национального проекта, стремящегося привлечь на свою сторону украинцев, белорусов и литовцев³.

Другой пример, приводимый Миллером, иллюстрирует ситуацию конкуренции русского и татарского национальных проектов в борьбе за влияние на народы Поволжья⁴. Следует отметить, что такая конкуренция во многом способствовала развитию этнической мобилизации «молодых» наций. Из этой логики вытекало поощрение российскими властями особых идентичностей «молодых» наций: финской, эстонской, латышской, литовской, белорусской, украинской, чувашской, мордовской и т.п.

Культурная революция советского периода продолжила линию на формирование высоких культур недоминантных этнических общностей в период 1920–1930-х гг. В целом можно согласиться с позицией исследователей, которые полагают, что если не все, то большинство народов России, вошедших в состав российского государства, включая тех, кто

¹ Каннелер А. Россия – многонациональная империя... С. 156–157.

² Там же.

³ Миллер А. Империя и нация в воображении русского национализма. Заметки на полях одной статьи А.Н. Пыпина // Российская империя в сравнительной перспективе. М., 2004. С. 272.

⁴ Там же. С. 278.

позже вышел из него, выиграло от процесса интеграции в его структуры. Всем им Россия обеспечила безопасность, а нерусским даже в большей степени, помогая, и уж, во всяком случае, не препятствуя развиваться. Под крышей России многие создали свою письменность, интеллигенцию, профессиональную науку и искусство, государственность со значительно меньшими издержками, чем они могли бы это сделать вне России¹. Русская культура приходила к нерусским народам, при всем ее локальном многообразии, приблизительно в одинаковой форме. Ее унификации на окраинах способствовали значительная роль государственного влияния, единство православия и господство единого литературного языка². И если в отношении народов, уровень общественного развития которых был сопоставим с соответствующим уровнем у русских, она выступала в качестве образца, вызывающего одновременно притяжение и отталкивание, то в отношении многих «молодых» народов она выступала проводником в пространство европейской культуры, усвоение образцов которой открывало доступ к образованию и возможность повышения статуса для молодых и амбициозных выходцев из этих этнических групп.

§ 2. Советская модель регулирования межэтнических взаимодействий

Динамика развития культуры направлена на эмансипацию человека от природных детерминант. В этом же направлении лежит и динамика развития этнических коллективов. По мере прогресса технологий и совершенствования материально-технической среды все большую роль в процессе этнического развития играют социальные факторы. Речь идет о социальных сетях и социальных институтах, важнейшим из которых было и остается государство. Государство является в то же время самым сильным «игроком» на геополитической «площадке».

Данное обстоятельство объясняет, почему с распадом одного из государств существенно возрастает непредсказуемость в межэтнических отношениях. Государство является, если так можно выразиться, долговременным игроком на геополитическом пространстве, задающим спектр возможностей и ограничений для развития взаимодействующих этносов. Его роль существенно возрастает в эпоху модерна, с которой типологически и хронологически совпадает и становление наций.

¹ Щербина А. Влияние интеграционных и модернизационных процессов на российскую империю. С.211.

² Трепавлов В.В. Многонациональная цивилизация России... С. 361.

Если проследить динамику зависимости специфики этнокультурного и этносоциального развития от этнонациональной политики советского государства, то можно согласиться с А.А. Сусоколовым и выделить 4 этапа в соответствии с тенденциями ее развития. На первом этапе, в 1918–1922 гг., независимые национальные государства на территории бывшей Российской империи объединяются в СССР. На втором этапе, в 1923–1936 гг., происходит размежевание: национально-государственное (в виде образования союзных республик) и национально-территориальное (в виде образования автономных республик в составе союзных республик). В начале 1930-х гг. образуются автономные округа для малочисленных народов Севера. В третий период, с середины 1930-х гг. и до середины 1950-х гг., усиливаются централизаторские и унифицирующие тенденции, что проявляется в свертывании сфер использования национальных языков, массовом переходе к образованию на русском языке, перекраивании национально-территориальных границ, переименовывании отдельных народов, в ряде случаев их насильственной депортации в годы Великой Отечественной войны. Наконец, четвертый период, с середины 1950-х гг. и вплоть до середины 1980-х гг., характеризуется возвратом к тем принципам, которые осуществлялись на втором этапе: появлению возможности получать образование на родных языках, политике продвижения представителей титульных народов на статусные должности в региональных структурах власти, выравниванию социально-структурных параметров русских и нерусских народов в национальных республиках¹.

Динамика первых трех периодов прослеживается только по историческим документам. Четвертый период открывает возможность опереться на данные этносоциологических исследований.

Становление советской модели межэтнической интеграции неразрывно связано со сквозной для отечественной общественной мысли идеей некапиталистического пути развития России. Неприятие капитализма как идеи, противоречащей русскому пониманию свободы, обусловлено, по мнению В.М. Межуева, несводимостью последнего к свободе частного лица в том смысле, в каком ее толкует либерализм. «Взяв под свою защиту права и свободы частного лица, — пишет он, — либерализм узаконил и главный принцип его существования, основанный на дележе общественного богатства в результате рыночной конкуренции и свободного предпринимательства. Ясно, что такой дележ не может быть равным. Даже если предположить, что на рынке побеждают наиболее достойные

¹ Сусоколов А.А. Социально-демографическое и этнополитическое развитие этносов // Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробизижева, А.А. Сусоколов. Этносоциология. М., 1998. С. 63–65.

(что, конечно, крайне сомнительно), то и тогда отсюда не следует фактического равенства. Здесь как бы все свободны и наделены одинаковыми правами, но никто не равен друг другу. А неравенство в собственности влечет за собой и неравенство в свободе: каждый свободен лишь в меру доставшейся ему доли общественного богатства. Свобода частного лица не тождественна индивидуальной свободе. Последняя предполагает свободный доступ ко всему общественному богатству, как оно представлено в мировой культуре. Только в своем отношении к культуре индивид равен не части, а целому, т.е. является индивидуальностью. А там, где каждый равен целому, все равны между собой. Можно ли в основание цивилизации положить не отношения между людьми как частными индивидами, когда каждый равен лишь принадлежащей ему части, а их связь в сфере культуры, которая каждого уравнивает с целым и, следовательно, делает всех равными друг другу? В таком, может быть, несколько абстрактном виде можно сформулировать то главное, что Россия искала для себя и для других в качестве «парадигмы» цивилизационного развития. Нетрудно заметить, что этот поиск и определил ее «левизну» по отношению к «правому» – либеральному – Западу, стал причиной последующей увлеченности социалистической идеей. Как бы эта идея ни трактовалась затем большевистскими вождями, она, несомненно, в значительно большей мере, чем либеральная, соответствовала культурной традиции России, заставлявшей ее искать иную, чем западная, формулу цивилизованной жизни¹.

Интенция некапиталистического пути развития объединяла сторонников разных политических взглядов в спектре от монархистов до большевиков. Проявлением этой интенции можно считать принцип права наций на самоопределение, поддержанный большинством партий демократического толка после распада Российской империи. Этот принцип, понимаемый как коллективный, не исключал и добровольности выбора на личной основе.

Ориентация на некапиталистический путь развития сохранялась вплоть до распада СССР как внутри самого советского государства, так и у наших соотечественников за его пределами. Между тем различным было понимание того, в чем заключается этот путь. Различия в понимании обнаружили уже в выборе ориентиров этнонациональной политики сразу же после Февральской революции 1917 г. В исследовании И.В. Нам прослеживается история политической дискуссии о двух вариантах решения «национального» вопроса в постимперский период: территориальном и экс-территориальном. Как полагает эта исследовательница, в исторический период 1917–1922 г. у России был шанс реализовать универсальный про-

¹ Межуев В.М. Российская цивилизация – утопия или реальность? // Россия XXI. 2000. № 1. С. 68–69.

ект, в рамках которого Россия могла стать федеративной демократической республикой с территориальной автономией национальных окраин и экс-территориальной автономией дисперсных этносов¹.

Под экс-территориальным вариантом понимается в данном случае проект персональной национально-культурной автономии, выдвинутый австрийскими марксистами К. Реннером, О. Бауэром, К. Каутским. Он предполагал, что «источником и носителем национальных прав должны служить не территории, борьба за которые лежит в основе большинства межнациональных конфликтов, а сами нации, точнее национальные союзы, конструируемые на основе добровольного личного волеизъявления. Персональную принадлежность граждан к тому или иному союзу должен был представлять институт так называемого кадастра (переписи), составленного на основе личных заявлений совершеннолетних граждан. В системе национально-персональной автономии кадастр получал не меньшее публично-правовое значение, чем территория для национально-отграниченной области»².

Национальные сообщества должны были обрести статус юридического лица и от имени своих членов заботиться о защите их прав и удовлетворении культурных потребностей, в том числе через законодательные и исполнительные институты власти. В соответствии с этим проектом национально-культурные автономии получали права на налогообложение своих членов для финансового осуществления своих обязательств. Поскольку данная модель не увязывалась с конкретной территорией, она получила название экс-территориальной. Она также имела название персональной и национально-культурной в силу того, что предполагала добровольный выбор личности и функционировала в сфере культуры³. Данная модель была частично реализована в практике национального строительства в сибирских и дальневосточных регионах в период между 1917 и 1922 гг. Однако большевики не приняли идею национально-культурной автономии и ее реализация оказалась отложенной на десятилетия.

Большевики ориентировались на проект создания унитарного государства. Однако им необходимо было заручиться поддержкой автономистских движений, чтобы обеспечить Советам расположение нерусских народов. До прихода к власти идея федеративного устройства страны была им чужда. На практике же им пришлось принять предложенную в политической программе эсеров идею федерации и объявить Россию в 1918 г. РСФСР с автономными республиками и автономными областями

---

¹ Нам И.В. Национально-культурная автономия в России: исторический опыт и современные проблемы // Федерализм в России. Казань, 2001. С. 195–206.

² Там же.

³ Там же.

в своем составе. Таким образом, в России победил проект создания национально-территориальных единиц. В 1922 г. на основе принципа национально-территориального деления был создан СССР, куда вошли также Украина, Белоруссия и Закавказье.

С созданием СССР процесс институционализации этничности обретает юридические, установленные законом формы. Тогда же начинается работа над подготовкой Конституции СССР, которая принимается в 1924 г. Принцип права наций на самоопределение заменяется принципом равенства народов внутри союзного федеративного государства. Однако фактически Конституция законодательно закрепила соподчинение национально-территориальных образований, что создавало предпосылки для последующего неравенства этнических статусов представителей стоящих за этими образованиями народов. Права же дисперсных этнических меньшинств с ликвидацией всех форм национально-культурных автономий в СССР вовсе не были никак законодательно закреплены. Так, например, в Сибири существовали группы аборигенов, которые не получили в те годы никакого статуса. В их числе кумандинцы, телеуты, тофалары, чулымские татары и т.д.

Справедливости ради необходимо констатировать, что заключение Союзного договора 1922 г. и принятие Конституции 1924 г., равно как и меры национального строительства, пробудили социальную инициативу нерусских народов. С середины 1920-х гг. разрабатываются алфавиты для прежде бесписьменных народов, в том числе тюркских и монгольских народов Сибири. Письменность на национальных языках внедряется в управление, судопроизводство, в систему школьного образования.

Письменность вводилась в основном на латинице, символизируя разрыв с самодержавием, введившим активно русский язык. Такая мера была обусловлена, с одной стороны, ожиданием мировой революции и расширением СССР, с другой стороны, необходимостью демаркации нового, «советского» и старого, традиционного. «Старый мир» не без основания вызывал опасение большевиков. Его квинтэссенцией воспринималась религиозная традиция. По этой причине активно насаждалось атеистическое мировоззрение, которое в тот период нередко граничило с агрессивным безбожием. Образование на национальном письменном языке с основой на латинской графике предполагало, по мысли идеологов советской культурной революции, разрыв с традициями арабской и старо-монгольской системы письма. Большевиками была проведена и реформа русского языка.

В 1920-е гг. ликвидируется массовая неграмотность, создается печать и литература на национальных языках. Тогда был создан целый ряд младописьменных языков, в том числе и языков народов Сибири, возникла профессиональная культура, основанная на владении данными языками.

Поддержка национальных языков и литератур – создание системы школьного образования на национальных языках, конструирование алфавитов у прежде бесписьменных народов – означала возврат к традициям толерантности по отношению к нерусским народам и культурам.

Формируются отряды национальной интеллигенции. Большое внимание уделялось развитию художественной литературы, и именно в советское время у многих народов СССР появились свои национальные писатели¹. В 1930–1933 гг. вводится всеобщее начальное образование, а в 1934–1937 гг. – всеобщее семилетнее образование. Одновременно с этим форсировалось издательское дело на национальных языках. По данным А. Каппелера, в 1933 г. 37% всего газетного тиража по стране представляли собой газеты на нерусских языках, в 1938 г. периодическая печать выходила на 66 языках².

Весь маховик идеологической работы этого периода был направлен на формирование человека нового, социалистического типа, разрывающего с наследием самодержавной России и не принимающего «мещанства» буржуазной идеологии. Образованность была существенным, хотя и мало достижимым для многих выходцев из «низов», атрибутом формировавшегося новой властью образа. Этот образ культивировал черты аскезы, жертвенности, служения делу революции, что, в общем-то, соответствовало православному архетипу русской культуры за вычетом самой идеи этого служения. В качестве таковой выступала идея мировой революции³.

В противоположность позднему имперскому периоду, который дискриминировал нерусские народы, центр отказывался от практики насаждения русских в управлении и административных органах. Он вновь искал сотрудничества с нерусскими элитами, которые были введены в руководящие структуры власти⁴. Советская власть в качестве социального идеала предлагала народам СССР принцип равенства, инструментом достижения которого, как предполагалось, должно было быть выравнивание социально-экономического и социально-культурного уровней развития народов и регионов. Можно по-разному относиться к социальной и национальной политике советского государства того периода, но одно несомненно: если речь не шла о выходах из социальных слоев, признанных советской властью как эксплуататорские, в отношениях между людьми, как и в отношениях между народами, безусловный приоритет отдавался принципу равенства. Это предполагало оказание помощи нуждающемуся в ней.

¹ Алтаев В. Языковая политика в России и Франции // Диаспоры. 2003. № 1. С. 74–76.

² Каппелер А. Россия – многонациональная империя... С. 276–277.

³ См., например: Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.

⁴ Каппелер А. Россия – многонациональная империя... С. 274–275.

В этой трансформировавшейся под влиянием учения о классовой борьбе и диктатуре пролетариата установке проявились черты русского архетипа коллективизма и взаимовыручки. Применительно к национальной политике 1920-х – начала 1930-х гг. это означало веру в возможность совместными усилиями всех «братских народов» СССР «перескочить» капиталистическую стадию и попасть, минуя ее, в социализм. Такая возможность открывалась, в соответствии с советской идеологией того периода, не только перед теми народами, которые уже достигли капитализма, но и перед теми, кто находился, в соответствии с формационной теорией К. Маркса, на докапиталистической стадии своего развития.

В 1920-е – 1930-е гг. разворачивается компания по «коренизации» советской власти среди нерусского населения. Она проводилась путем выдвижения на руководящие партийные и административные посты местных национальных кадров. «Коренизация» управления была частью разворачивающейся в первые десятилетия советской власти мобилизационной модернизации. Она также должна была решить проблему повышения квалификации среди нерусских народов для последующего привлечения их в промышленность. Политика коренизации и либеральная языковая политика имела глубокие последствия. Помимо широкого привлечения на свою сторону нерусского населения, советская власть, как полагает А. Каппелер, достигла очень важного прорыва в ускорении формирования наций среди нерусских этносов¹.

Это пришло в противоречие с набиравшим силу режимом личной власти Сталина. Конституция 1936 г. провозглашала построение социализма в СССР и изживание всех форм капитализма в советском обществе. На практике такая ликвидация означала искоренение определенных, так называемых мелкобуржуазных слоев общества, и физическое уничтожение их представителей. Такая участь постигла духовенство, казачество и широкие круги крестьянства, в том числе русского и украинского. В 1930-х гг. советская власть, стремясь к искоренению всякого упоминания о досоветском периоде российской истории и ее выдающихся деятелях, всячески подчеркивает разрыв советской государственности с предыдущим, имперским периодом ее развития.

К концу 1930-х гг. стало очевидно, что надежды на мировую революцию не оправдались. Хотя СССР удалось избежать международной изоляции, он практически не получал никакой международной помощи для послевоенной реконструкции страны. Несмотря на это, СССР удалось в основном осуществить индустриализацию, в том числе и на некоторых окраинах. Это создавало определенные иллюзии у советской правящей элиты в отношении экономических и технологических возможностей страны в надвигавшейся Второй мировой войне.

---

¹ Каппелер А. Россия – многонациональная империя... С. 276–277.

В конце 1930-х гг. начинают проявляться негативные стороны режима личной власти Сталина. В практике этнонациональной политики конца 1930-х – начала 1950-х гг. это означало возвращение к традициям позднего самодержавия. Формализации подверглись принципы федерализма. Под властным нажимом начинает осуществляться перевод национальных алфавитов с латиницы на кириллицу. Возвращается курс на унификацию и гомогенизацию населения.

Стоит отметить, что такой курс, предполагавший ассимиляцию и искусственное «пересаживание» народов с территории их исконного проживания на другое, максимально географически удаленное от него место, практиковали не только в СССР. К таким практикам, за редким исключением, прибегали практически все национальные государства между двумя мировыми войнами. Так, например, результатом поражения Греции, развязавшей войну против Турции в 1919 г., стал принудительный обмен населением, имевший место в 1922 г. между греческой и турецкой сторонами. Обмен, затронувший около 2 млн. чел., имел целью с обеих сторон гомогенизировать национальный состав государств для предотвращения сепаратизма со стороны потенциальных этнорелигиозных меньшинств.

Другой пример являет собой выдворение из стран Балтии в 1939–1940 гг. остзейских немцев, которые жили на их территории многие столетия. Принудительное выселение этого этнического меньшинства началось еще до советизации Прибалтики и вступления на территории этих стран советских войск. Оно осуществлялось по договоренности между Латвией, Эстонией и Германией. Вторая волна выдворения, которая охватила также польское и еврейское население стран Прибалтики, попала на 1940–1941 гг. На этот раз оно уже осуществлялось между СССР и Германией. Только в этой националистической логике и следует понимать те мероприятия, которые проводила советская власть в период 1937–1953 г., отступив от традиционных для российской цивилизации практик взаимодействия общества и власти в вопросе межэтнической интеграции.

Вот неполный перечень народов, которые, по данным В.Ю. Зорина, В.В. Степанова и В.А. Тишкова, подверглись депортации, в том числе в Сибирь. Из западных районов СССР в Казахстан и Сибирь в 1936 г. принудительно были переселены поляки и немцы. С Дальнего Востока в малообжитые районы Казахстана и Узбекистана в 1937–1938 гг. подверглись депортации корейцы, обвинённые в шпионаже в пользу Японии. С присоединением в 1939–40 гг. к СССР новых территорий в Сибирь высылались эстонцы, латыши, литовцы, поляки, евреи и др. В 1941 г. ликвидируется автономия немцев Поволжья, а немецкое население Европейской России депортируется в Сибирь, Среднюю Азию и Казахстан. С октября 1943 по

май 1944 по обвинению в пособничестве немецким оккупантам были насильственно переселены в Сибирь и Среднюю Азию чеченцы, крымские татары, ингуши, калмыки, карачаевцы, балкарцы¹.

Сталинские репрессии затронули все народы СССР. В 1930–40-е гг. они разворачиваются в сторону и без того немногочисленной национальной интеллигенции сибирских народов. Многие ее представители были объявлены «буржуазными националистами». Под эту категорию попали, в частности, выходцы из среды тюрков Южной Сибири. Были расстреляны известный ученый хакас С.Д. Майнагашев и выдающийся художник алтаец Г.И. Чорос-Гуркин. Причиной стала их общественная деятельность и политические убеждения, не во всем совпадавшие с официальной линией советской власти. Власть преследует, в первую очередь, тех, кого подозревает в автономистских взглядах.

Вступление СССР во Вторую мировую войну заставляет советскую элиту пересмотреть отношение к основной этнической группе населения СССР, к русским. Став Великой Отечественной, война заставила советскую верхушку признать связь СССР с предшествующими государственными образованиями, включая Московское царство и Российскую империю. Большевикам пришлось начертать на советских знаменах и, тем самым, признать в лице Александра Невского, Александра Васильевича Суворова и участников Отечественной войны 1912 г. героев России досоветского периода. Власть делает послабления в отношении Русской Православной церкви. На рубеже 1940–50-х гг. выходят публикации В.В. Мавродина и Д.С. Лихачева, посвященные истории и культуре Древней Руси. Усилиями С.А. Токарева и П.И. Кушнера (Кнышева) происходит реабилитация этнографии как науки, имеющей современное значение. Вместе с тем, до самой смерти Сталина в 1953 г. то и дело возникали политические дела с «национальной» подоплекой. Их фактическая цель заключалась в поиске врага, на которого можно было бы возложить ответственность за просчеты, допущенные режимом личной власти Сталина в военные и послевоенные годы. Такова была, например, антисемитская кампания в конце 1940-х – начале 1950-х гг.

Национальная политика этого периода советской истории противоречива. Социальная мобилизация первых десятилетий советской власти дала небывалый импульс социальной активности населения. Наиболее значительным его результатом стало резкое увеличение в 1940-50-е гг. доли грамотных лиц, городского населения и промышленных рабочих среди всех народов СССР. Победа в войне и новый статус СССР, повышение его

¹ Зорин В.Ю., Степанов В.В., Тишков В.А. Этнокультурные процессы и этническая политика // Большая Российская энциклопедия. Том «Россия». М., 2004. URL: <http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/kollektivn/kollektivn3/bolshaya>

престижа позволили окончательно преодолеть международную изоляцию. Став членом сообщества Объединенных наций, Советский Союз после окончания Второй мировой войны принял на себя все обязательства по соблюдению норм международного законодательства, в том числе и тех, что касались прав человека, включая права меньшинств.

Война сплотила людей, а память о жертвах, павших за независимость страны, скрепила общность народов СССР. Вокруг памяти о Великой Отечественной войне формируется представление о «герое своего времени». В этом качестве на этот раз предстает вполне достигаемый по своим моральным характеристикам «советский человек», прошедший войну. Именно вокруг этого образа в послевоенные годы формируется новый, советский, надэтнический тип гражданской идентичности.

Воспеваемый в художественных произведениях социалистического реализма, «советских по содержанию – национальных по форме», этот тип героя, как правило, являлся выходцем из «народа». Примечательно, что представление о «народе» утрачивает классовую пристрастность, свойственную революционному периоду советской истории. Сама принадлежность к «народу» уже не предполагала более обязательной принадлежности к благонадежной, с точки зрения советской власти, среде «эксплуатируемых низов».

Итак, базовыми чертами советской модели национального строительства можно считать идейные установки, проводимые советской властью в решении национального вопроса:

1) ориентацию на некапиталистический путь развития, что предполагало допущение возможности за относительно небольшой исторический отрезок «перепрыгнуть», т.е. сформировать и затем, в последующем целенаправленном развитии, преодолеть капиталистическую стадию общественных отношений;

2) фактическое признание коллективной субъектности в отношении определения вектора этнического развития народов СССР. Оно логично вытекало из понимания прав и свобод личности как части коллективного целого;

3) целенаправленное формирование гражданской общности, «советского народа», и соответствующего гражданского самосознания; частью этой политики стало возникновение феномена советской идентичности и советского патриотизма.

После смерти Сталина начинается возврат к национальной политике раннего советского периода. По мере выхода из состояния международной изоляции после Второй мировой войны в сферу правового регулирования начинают проникать нормы международного законодательства, в том числе и в области прав человека. Центральная власть от репрессий вновь возвращается к прагматичным методам государственного управления.

Как отмечает Л.М. Дробизева, одна из основательниц этносоциологии, ситуация коренным образом изменяется после XX съезда КПСС. Политика «расцвета и сближения наций» в советский период наряду с повышением социальных ролей всех народов, а в известной мере и в связи со стимулированием данного процесса благодаря мобильности и сближению по ряду социально-структурных параметров, активизировала «социальную состязательность» между русскими и титульными народами в национальных республиках. В этнической структуре населения СССР в 1960-е гг. нерусские составляли 45% населения¹. 14 народов (35% населения страны) имели свои союзные республики, и в 12 из них титульный этнос составлял большинство². Кроме того, в административном делении имелось 20 автономных республик. В некоторых из них титульный этнос также составлял большинство³.

Важная роль в разработке теории национальных отношений и реализации ее на практике принадлежала КПСС. В соответствии с декларируемыми ею принципами ленинской национальной политикой использовались следующие подходы к решению проблемы межэтнической интеграции. Во-первых, это развитие национальных языков и расширение их социальных функций. При этом предполагалось, что использование родного языка будет дополняться использованием русского языка как языка межнационального общения. Во-вторых, это преодоление экономической отсталости окраин и выравнивание регионов и народов по социально-структурным параметрам. Советская власть осознавала, что без этого невозможно создать устойчивые внутренние экономические связи. Ей удалось создать в большинстве союзных и автономных республик индустрию и высокотехнологизированное сельское хозяйство. В-третьих, это пропаганда ценностей советского образа жизни и идеала советского человека.

Образ «советского человека», выстраиваемый по лекалам советской идеологии, представлял собой идеологическую проекцию «народного» идеала, пропагандируемого кинематографом и литературой послевоенного периода. Чертами его личности считались сознательное отношение к труду, активная жизненная позиция, высокая дисциплина поведения, служение долгу, атеистическое мировоззрение, разносторонность материальных и духовных потребностей, интересов, запросов. Это предполагало значительный вклад государства в рост экономической эффективности производства, в повышение качества медицинского обслуживания, в раз-

¹ См.: Социально-культурный облик советских наций (по материалам этносоциологического исследования). М., 1986. С. 15

² Там же. С. 34–35.

³ Козлов В.И. Национальности СССР. Этнодемографический обзор. М, 1982. С. 117–121.

витие всех форм и видов образования. Так, например, по материалам переписи 1959 г. на 1000 человек якутов (старше 10 лет) приходилось только 11 лиц с высшим образованием. Перепись 1970 г. показала значительный рост числа лиц с высшим образованием: 33 человека на 1000¹. Перепись 1979 г. опять продемонстрировала увеличение этого соотношения – на этот раз почти вдвое: 61 человек на 1000². В качестве отдачи государство в течение небольшого по историческим меркам периода получило улучшение качества жизни граждан, удлинение продолжительности жизни населения, рост образования и увеличение доли квалифицированных специалистов.

В связи с 50-летием социалистической революции в 1967 г. был сделан вывод о построении в СССР развитого социалистического общества. В Постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования СССР» отмечалось, что за годы строительства социализма в СССР «на базе общественной собственности на средства производства, единства экономической, социально-политической и культурной жизни, марксистско-ленинской идеологии» сформировалась новая историческая общность, советский народ³. В статье «Нация» Большой Советской энциклопедии, которая создавалась в этот период, отмечалось: «В зрелом социалистическом обществе интенсивно протекает единый процесс расцвета и сближения наций. Подлинный расцвет происходит не на путях национальной обособленности, а на базе интернационализации экономики, политики и единой идеологии, а также формирования интернациональных черт в культуре, духовном облике социалистических наций. Поэтому расцвет наций способствует их сближению, а сближение наций усиливает их расцвет»⁴.

В логике «расцвета и сближения наций» в СССР осуществлялась целенаправленная политика, направленная на уменьшение диспропорций между центром и периферией, на стирание различий в образовательном уровне и социально-профессиональном составе разных народов СССР.

¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. IV. Национальный состав населения СССР, союзных и автономных республик, краев, областей и национальных округов. С. 433. Таблица 37. Уровень образования населения отдельных национальностей по РСФСР в 1959 и 1970 гг. М., 1973. В указанной таблице данные о лицах с высшим образованием приводятся в соотношении на 1000 человек в возрасте 10 лет и старше.

² Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Том IV. Национальный состав населения СССР. Часть II. Книга 2. С. 41. Таблица 20. Уровень образования населения отдельных национальностей по РСФСР в 1970 и 1979 гг. М., 1989. В указанной таблице данные о лицах с высшим образованием также приводятся в соотношении на 1000 человек в возрасте 10 лет и старше.

³ Об идеологической работе КПСС. Сб. документов. М., 1977. С. 356–357.

⁴ Калтахчян С.Т. Нация // Большая Советская энциклопедия. Т. 17. М., 1974. С. 375–376.

Между тем, как отмечал в тот период этносоциолог Ю.В. Арутюнян, непреодоленные различия, в первую очередь между городом и деревней, с возрастающей очевидностью обострялись с «запада» на «восток». Чем дальше на восток, тем острее ощущалась диспропорция в развитии между городом и селом¹. Если в Прибалтике уже в советский период сложились агрогородские агломерации со сходной как в городе, так и в деревне, структурой социальной и культурной жизни, то в других союзных республиках, особенно среднеазиатских, контраст между селом, в котором сосредотачивалась основная масса титульного населения, и городскими анклавами был чрезвычайно резок.

А.А. Сусоколов обратил внимание на следующую закономерность. В Советском Союзе социально-профессиональный состав национальностей имел следующую структуру: промышленные отрасли, особенно связанные с индустриальными и постиндустриальными технологиями, «осваивались» в основном представителями славянских народов: русскими, украинцами, белорусами. Активно участвовали в этом процессе также евреи и татары. Титульные этносы республик составляли большинство в сельскохозяйственных отраслях. В городах они концентрировались в управлении, культуре, науке, а также в таких престижных в то время сферах деятельности как торговля и сфера обслуживания².

Как показали результаты исследований этносоциологов, сходство параметров социально-профессиональной структуры контактирующих этносов как результат выравнивания социально-культурного уровня и ускоренной социальной мобильности народов не всегда ведет к межэтнической солидарности. Оно может усиливать соперничество, поскольку выравнивает возможности наций в состязании. Поэтому естественно, что исторические результаты трансформации социальной структуры и интенсивной социальной мобильности народов – в силу их исключительной значимости для понимания национальных отношений – с самого зарождения отечественной этносоциологии были в центре ее внимания³.

Другим значимым, представляющим интерес для социологов, фактором, обусловившим особенности этнического развития народов СССР, явился демографический переход в воспроизводстве населения. Его ключевым механизмом явилась трансформация семейно-брачных отношений

¹ Арутюнян Ю.В. Выступление на круглом столе «Национальные процессы в СССР: итоги, тенденции, проблемы» // История СССР. 1987. № 6. С. 67.

² Сусоколов А.А. Социально-демографическое и этнополитическое развитие этносов. С. 57–58.

³ Арутюнян Ю.В. Социальная мобильность и национальная вариативность в политическом сознании // Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева, А.А. Сусоколов. Этносоциология. С. 122–123.

от семьи патриархального типа к семье современного типа. В традиционном обществе, где преобладали простые и неспециализированные приемы труда, дети вовлекались в трудовой процесс относительно рано. Традиционный режим естественного воспроизводства был ориентирован на патриархальный тип семьи с многопоколенной структурой, высоким уровнем рождаемости и высоким уровнем смертности в раннем возрасте, всеобщей брачностью и низким уровнем разводимости, ранним вступлением в брак. В таких семьях ценилась многодетность, особо почитались старшие родственники – родители, деды, основатели рода, ценились родственные связи.

В советский период режим демографического воспроизводства постепенно менялся в направлении принципиально иной семейной структуры – супружеской двухпоколенной семье (родители и малолетние дети), для которой характерны низкий уровень рождаемости и низкий уровень детской смертности, средний уровень безбрачия мужчин и женщин, высокий уровень разводимости и повторных браков, относительно позднее вступление в брак. В обществе с высоким уровнем разделения труда и специализации семье экономически более выгодно вырастить меньшее количество детей, однако велико стремление дать им более высокопрофессиональную подготовку. Соответственно, в брак считается лучше вступить в более позднем возрасте, достигнув определенной статусной позиции и обеспечив детям более высокие стартовые позиции¹.

С точки зрения ученых – демографов, демографический переход сопровождается всеобщим процессом падения рождаемости и смертности в ходе урбанизации, модернизации и индустриализации общества. Условиями демографического перехода являются стремительно возрастающий спрос на рабочую силу, потребность в эксплуатации женского труда, усиление специализации и увеличение срока получения образования, улучшение медицинского обслуживания и увеличение продолжительности жизни, «постарение» населения за счет падения рождаемости².

Существенно то, что демографический переход сопровождается рядом социальных процессов, в числе которых наиболее сильно влияют на изменение социальной структуры процессы урбанизации и миграций из села в город. Урбанизация – это процесс повышения роли городов в развитии общества, охватывающий изменения в размещении производительных сил, в населении, его социально-профессиональной и демографической структуре, образе жизни, культуре³. Процессы урбанизации

¹ Суколов А.А. Социально-демографическое и этнополитическое развитие этносов. С. 66–69.

² Там же.

³ См.: Хорев Б.С., Сидович С.Г. Урбанизация // Демографический энциклопедический словарь. М., 1985.

связаны с активным перемещением жителей сельской местности в города, распадом традиционных структур родства, формированием моделей поведения, ориентированных не на опыт старшего поколения, а на индивидуальные потребности и самостоятельный отбор оптимальной стратегии поведения в их удовлетворении.

Процессы урбанизации народов СССР и России отличались, по мнению А.А. Сусоколова, следующими особенностями. Бурный процесс экстенсивной урбанизации титульных этносов союзных республик протекал в 50-60-е гг. XX века, титульных этносов в составе национальных образований РСФСР – в 70-80-е гг.¹

К моменту распада СССР в завершающей стадии демографического перехода находились русские, евреи, татары и осетины². К настоящему времени эти этносы отличаются относительно высокой долей горожан (более половины в структуре этноса), низкими или средними темпами прироста их численности (2 и менее ребенка в семье), относительно высокой долей лиц с высшим образованием.

Другую группу составили народы, близкие им по структуре демографического воспроизводства (финно-угорские народы, народы Поволжья, буряты, хакасы). Эта группа характеризуется тем, что доля городского населения в их структуре, состоящего из потомков горожан, а не сельчан, неуклонно увеличивалась на протяжении всего советского периода. Несмотря на высокий удельный вес горожан, их пропорциональное отношение не превышало половины в общей структуре этноса и поток приезжающих в город из сельской местности не исчерпан по настоящее время.

Третью группу составляют этносы, находящиеся на ранних стадиях урбанизации и начальной стадии демографического перехода. Численность горожан в их среде невелика (народы Средней Азии и Северного Кавказа, алтайцы, тувинцы). В советский период эта группа характеризовалась слабым оттоком населения из сельского хозяйства в другие сферы деятельности при сохранении высокого уровня рождаемости. В пост-советский период, когда возникла проблема массовой безработицы на селе, сельское население начало стремительно мигрировать из сел в города, в том числе и за пределами своих государственных образований. Этим, в частности, объясняется высокий в настоящее время уровень миграции в российские города выходцев с Кавказа и стран Средней Азии.

Примечателен зафиксированный А.А. Сусоколовым у ряда этносов на рубеже 1980-х – 1990-х гг. рост в их структуре доли национальной интелли-

¹ Сусоколов А.А. Социально-демографическое и этнополитическое развитие этносов. С. 82.

² Там же.

генции и студенчества, превысивший рост доли горожан. К таким этническим группам относится большинство титульных этносов Кавказа, буряты, якуты, хакасы, калмыки¹.

Уже в конце 1980-х гг. академик Ю.В. Бромлей вынужден был признать, что «расцвет» наций не предполагал их «сближения», а само оно подразумевает увеличение сходства, что не означает единства. Поэтому формула «сближения» должна быть заменена формулой «интеграции»².

Стоит согласиться с известным конфликтологом В.А. Авксентьевым в том, что результатами советской национальной политики стали следующие изменения: 1) создание этнических элит, заявивших о своем праве на власть в условиях кризиса советской государственности; 2) возникновение феномена титульных и нетитульных народов; 3) формирование обширного слоя интеллигенции в национальных регионах, занявших особую нишу в выражении этнического (национального) самосознания; 4) становление национального самосознания с акцентуацией проблемы национальной государственности; 5) становление особого рода этноэкономической стратификации (промышленное производство – преимущественно русские, особенно инженерно-технический персонал; сфера управления, культура и образование, торговля и обслуживание – представители титульных наций или этнические меньшинства из других регионов)³.

Следствием этих процессов явилось формирование особого рода коллективного правосознания, получившего название этнической правосубъектности. Идея этнической правосубъектности была в значительной мере интегрирована в советскую идентичность. Пропаганда идеалов советского народа как новой исторической общности дала определенные плоды. Однако не всеми народами советская идентичность была воспринята равнозначно. Наиболее глубокий след она оставила у русских. Распад СССР поставил русских в ситуацию глубочайшего кризиса идентичности, который не преодолен до сих пор⁴.

Пострадавшими от осуществления советской национальной политики осознали себя и репрессированные народы, разделившие «коллективную ответственность» с теми, кто случайно, а, чаще всего, по прямому принуж-

¹ Там же. С. 84. Статистические таблицы составлены по материалам статьи: Захаров С.В. Демографический переход в России и эволюция региональных демографических различий // Семья и семейная политика. Вып. 1. М, 1991. С. 87–102.

² Бромлей Ю.В. Выступление на круглом столе «Национальные процессы в СССР: итоги, тенденции, проблемы» // История СССР. 1987. № 6. С. 53.

³ Авксентьев В.А. Этнополитическая идентичность в постсоветской России как фактор конфликтогенности // Вестник СевКавГТУ. Серия «Гуманитарные науки». № 1 (11). 2004. URL: <http://www.ncstu.ru>

⁴ Там же.

дению сотрудничал с оккупационными властями в годы Великой Отечественной войны. Несмотря на реабилитацию, в их исторической памяти сохранились тяжелые воспоминания о годах депортации.

Особого разговора требует феномен нетитульных народов, а также тех народов, которые проживали дисперсно за пределами своих национально-территориальных образований. Ликвидация национально-культурных автономий дисперсных меньшинств в ранний советский период лишила эти народы возможности институциональной поддержки развития их культуры.

Конституция 1979 г. признала СССР «развитым социалистическим обществом», в котором национальный вопрос признавался решенным. Однако Всесоюзная Перепись населения 1979 г. обнаружила резкое сокращение численности многих народов, в первую очередь коренных малочисленных народов Севера. Попытка, предпринятая в 1960-е гг., искусственными мерами, через укрупнение совхозов и переселение людей из мелких сельских населенных пунктов в крупные и райцентры, решить проблему разрыва в доступе к материальным и духовным благам горожан и сельчан, привела к разрушению в ряде случаев ядра этнической культуры дисперсных и коренных малочисленных народов Сибири и Севера.

Деградация этнических культур проявилась в утрате интереса к традиционным занятиям и забвении традиционных знаний. Выросло целое поколение детей, прошедших обучение в школах-интернатах, которое оказалось не адаптированным к традиционным видам трудовой деятельности своих родителей. В то же время и к городской жизни не все из них смогли приспособиться. Обозначился межпоколенный разрыв в передаче знаний, имеющих этническую специфику. Утрата опыта традиционного природопользования способствовала маргинализации представителей коренных малочисленных народов Севера.

Оценить однозначно последствия национальной политики в СССР невозможно. Эта политика представляет собой яркий пример институционализации и политизации этничности. В периоды эволюционного развития она выступала механизмом, инициирующим социальную инициативу. Однако в период кризиса советской системы проявился ее конфликтогенный потенциал. Разочарование в социальных идеалах, которыми жили поколения советских людей, поставило на грань кризиса советскую идентичность, которая в советский период уравнивала гипертрофированный статус этничности. Однако наиболее роковым для советской системы обстоятельством стал отказ на рубеже 1980-х и 1990-х гг. от принципа государственного патернализма. Не предложив новых правил «игры» взамен прежних, государство в лице элит центра внезапно сняло социальную ответственность за будущее страны и переложило его на плечи населения, которое жило ожиданием перемен к лучшему.

§ 3. Этносоциальные процессы и проблемы их регулирования в постсоветский период (на примере народов Сибири в 1990-е – первой половине 2000-х гг.)

Среди проблем, с которыми столкнулось российское общество в постсоветский период, наиболее значимыми и определяющими, на наш взгляд, характер этносоциальных процессов, явились следующие:

- проблема сохранения единства страны, совершенствования принципов федерализма и поиска новых оснований гражданской солидарности;
- демографическое «сжатие» русского этноса и «выталкивание» русских с национальных окраин; массовая миграция соотечественников из России и стран СНГ за пределы пространства бывшего СССР;
- спад промышленного и сельскохозяйственного производства, изменение отраслевой структуры народного хозяйства и занятости населения, переориентация экономики на экспортно-сырьевую специализацию.

Эти проблемы достаточно четко проявились в таком полиэтничном регионе, как Сибирь. В постсоветский период в ряде регионов Сибири кризис крупных форм производства и коллективной формы собственности не оставил людям никакой другой возможности заработка, кроме натурального хозяйства. Не все смогли приспособиться к такой ситуации. В наибольшей степени этот процесс коснулся сельского хозяйства, сферы деятельности, благодаря которой коренные народы Сибири сохраняют традиционный образ жизни. Кризис способствовал развитию форм социального иждивенчества, породил зависимость от социальных пособий и дотаций, которые полагаются представителям коренных малочисленных народов в силу тех обязательств, которые государство взяло на себя в соответствии с требованиями международного права в отношении данной группы народов.

При существенном спаде производства трудоспособное население Сибири ради выживания в 1990-е – начале 2000-х гг. перемещалось в непродовольственные отрасли, домашнее хозяйство, торговлю, становилось безработным и жило на пособия по безработице. Соответственно уменьшались поступления в местные и региональные бюджеты, регионы становились дотационными, компенсируя недостающие финансовые ресурсы за счет регионов-доноров, имеющих в основном экспортно-сырьевую ориентацию (например, Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского округов). За годы реформ в Сибири сохранилась численность работников нематериальной сферы, в том числе работников здравоохранения, образования, культуры. Существенно возросло число студентов вузов и учащихся средне-специальных учебных заведений. Однако надо иметь в виду, что после их окончания большинство молодых людей сталкиваются с проблемой трудоустройства,

вынуждены работать не по профессии либо переучиваться, пополнять армию безработных и временно работающих, становиться домохозяйками, теряя при этом свой образовательный потенциал¹.

Негативные тенденции спада в отраслях промышленного производства при некотором оживлении отдельных направлений в нематериальной сфере отразились на социальной сфере. Сократилось бюджетное финансирование культуры, образования, здравоохранения, что привело к уменьшению числа учреждений социальной сферы, возникновению феномена платного образования и коммерческих медицинских услуг, возросли расходы на оплату жилья, коммунальных и транспортных услуг. О снижении жизненного уровня населения за годы реформ можно судить по негативной динамике покупательной способности населения. В условиях социально-экономического кризиса усилились социальные аномалии: алкоголизм, преступность, суицид, психические расстройства, распад семей и т.п. В наибольшей мере эти негативные явления затронули молодежь².

Резкое снижение в годы реформ уровня жизни большинства населения Сибири и рост тревоги за свое будущее и будущее своих детей в период социальной нестабильности не могли не сказаться на здоровье населения, отношениях в семье и на демографических процессах в целом. Демографические процессы у народов Сибири за годы реформ также характеризуются преобладанием негативных тенденций: ростом смертности, снижением рождаемости, высокой младенческой смертностью, ухудшением здоровья взрослых и молодого поколения. Во многом они обусловлены социальным неблагополучием и нестабильностью, сопровождавшей российское общество на протяжении 1990-хх – начала 2000-х гг.³.

Парадоксально, но эти обстоятельства стали источником не только социальной аномии и депрессии населения, но и роста его социальной активности, становления гражданской ответственности, формирования зрелой позиции по ряду существенных вопросов социальной жизни, в том числе и в национальной сфере. В социально-культурном плане отмечаются позитивные изменения: подъем интереса к своей этнической принадлежности, возрождение интереса к родному языку, традиционным верованиям, духовной культуре своего народа. Представители коренных для Сибири народов получили возможность поддерживать свой интерес к родной культуре через национально-региональный компонент системы общего и среднего образования, систему дополнительного образования.

---

¹ Попков Ю.В., Костюк В.Г., Тугуужекова В.Н. Этноты Сибири в условиях современных реформ (социологическая экспертиза). Новосибирск, 2003. С. 20.

² Там же. С. 21–28.

³ Там же. С. 28, 41.

В 1996 г. Государственная дума Российской Федерации приняла закон «О национально-культурной автономии», который позволил осуществлять задачи сохранения и возрождения этнических культур через систему общественных организаций, посредством которых начал реализовываться принцип персонального, экстерриториального самоопределения. Этот закон позволил дополнить территориальный принцип национально-культурной автономии экстерриториальным и, таким образом, в полноте осуществить нереализованную между 1917 и 1922 гг. универсальную модель национального самоопределения. Кроме того, благодаря этому закону частично удалось «снять» проблему политизации этничности, гипертрофированную в период «парада суверенитетов». В условиях, когда объем миграционных потоков существенно возрос, национально-культурные автономии и другие национальные организации стали оказывать помощь землякам в обустройстве на новом месте, выступать в качестве посредников между представителями диаспор и органами государственной власти.

Определенный ренессанс пережили на новом этапе общественного развития родовые, традиционные для монгольских, тюркских и северных этносов, структуры. Они получили институциональный статус в национальных регионах в качестве общественных объединений, таких, например, как «Движение родов хакасского народа» в Республике Хакасии, или зайсанат в Республике Алтай.

Ряд процессов трудно оценить однозначно. Так, согласно Всероссийской переписи 2002 г., расширился список национальностей, проживающих на территории Сибири. В целом по России эта перепись выявила 68 новых этнических категорий. В частности, в Республике Алтай независимыми от алтайцев себя записали челканцы, кумандинцы, тубалары, телеуты, теленгиты.

По данным Р.Г. Рафикова, среди этнических меньшинств Сибири ускоренными темпами развивались урбанизационные процессы. Так, например, прибывающие в Красноярский край мигранты старались закрепиться в крупных городах, формируя анклав по этническому признаку, в то время как численность проживающих на селе представителей старожильческих народов Красноярья стремительно уменьшалась из-за отъезда молодежи в города и «старения» населения. Следствием этого стало неуклонное сокращение числа мест их компактного проживания¹.

Резко сократилась численность еврейского и немецкого сообществ Сибири. Такая убыль связана с миграционной политикой Израиля и Германии, открывших в 1990-е гг. возможность российским евреям и немцам вернуться

¹ Рафиков Р.Г. Этносоциальные процессы в Красноярском крае // Этносоциальные процессы в Сибири: Тематический сборник. Новосибирск, 2007. Вып. 8. С. 298–304.

на историческую родину. Не стоит забывать и о том, что социально-экономическая ситуация в России этого периода буквально выталкивала не только стариков, но и молодежь в поисках лучшей доли за пределы страны.

Не обошел Сибирь и «парад суверенитетов». В этом смысле более других выделяются Республика Саха (Якутия) и Республика Тыва. Так, предпринятый В.К. Мальковой в 1995 г. анализ публикаций в региональных СМИ, касающихся выступлений региональных идеологов Саха (Якутии) и Тувы выявил следующие их установки. Во-первых, это стремление сориентировать массовое сознание не на всю Россию, а на собственную республику. Во-вторых, освещение с определенных позиций процесса национального возрождения титульного народа. Утверждая идею своей государственности, идеологи акцентировали в массовом сознании признаки суверенизации – новые символы, новую конституцию, новые законы. Республиканские успехи связывались, как правило, с обретением суверенитета¹.

Однако, если не считать отдельных инцидентов в конце 1980-х гг., в целом национальные регионы Сибири отличала стабильная ситуация в межэтнических отношениях. Это не исключало латентной напряженности, которую фиксировали при проведении исследований Л.В. Анжиганова в Республике Хакасия, Р.Г. Рафиков в Красноярском крае, В.В. Мархинин и И.В. Удалова в Ханты-Мансийском автономном округе².

Тем не менее, даже в условиях перераспределения полномочий между республиканскими органами власти и федеральным центром, местные элиты выступали от имени всего населения республики (региона) с позиций общерегионального единства всех народов того или иного субъекта РФ. Обращаясь по разным поводам к населению своих республик в начале 1990-х гг., региональные лидеры использовали консолидирующую лексику: «сограждане», «наш многонациональный народ», «жители нашей многонациональной республики» и т.п. Тем самым в массовом сознании утверждалась идея о том, что, независимо от

---

¹ Малькова В.К. Республиканская пресса России: новая этно-национальная идеология // Этнопсихологические проблемы вчера и сегодня. Хрестоматия. Минск, 2004. С. 10–12.

² Анжиганова Л.В. Тюрки Южной Сибири: оценка исторического прошлого и перспектив развития // Этносоциальные процессы в Сибири: Тематический сборник. Новосибирск, 2007. Вып. 8. С. 144–147; Мархинин В.В., Удалова И.В., Выдрин Г.А. Роль национально-культурных объединений в межэтническом сообществе Югры // Этносоциальные процессы в Сибири: Тематический сборник. Новосибирск, 2007. Вып. 8. С. 261–266; Рафиков Р.Г. Этносоциальные процессы в Красноярском крае // Этносоциальные процессы в Сибири: Тематический сборник. Новосибирск, 2007. Вып. 8. С. 298–304.

этнических и конфессиональных различий, мы живем единым народом в нашей общей республике, регионе¹.

Таким образом, несмотря на негативные последствия социально-экономического кризиса, осложнившего и без того непростую этносоциальную ситуацию в ряде регионов Сибири, можно отметить сохранение стабильности в межэтнических отношениях в постперестроечный период, отсутствие локальных войн, становление локальных и региональных межэтнических гражданских сообществ.

---

¹ Малькова В.К. Республиканская пресса России: новая этно-национальная идеология. С. 11.

Глава 5. Межэтнические отношения в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре: факторы напряженности, социокультурные ориентиры населения, опыт регулирования

§ 1. Характер и факторы межэтнической напряженности

Динамика, состояние и регулирование межэтнических отношений в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре требуют особого внимания, поскольку Югра является одним из стратегически значимых полиэтнических регионов российской цивилизации и государственности. В современной России округ играет, кроме того, исключительно важную экономическую роль, являясь нефте- и газодобывающим регионом, благодаря чему формируется львиная доля его бюджета и очень заметная часть государственного бюджета всей страны, создаются ресурсы экономического роста региона и страны. Округ входит в число тех регионов, которые могут и должны стать локомотивом вывода России из нынешнего экономического кризиса, перехода на путь социального и современного технического прогресса.

Регулирование этосоциальных процессов предполагает изучение их состояния, факторов изменения, динамики социокультурных ориентиров взаимодействующих этносов, чему и посвящена настоящая глава.

Изучение социально-экономических и социокультурных проблем в сфере межэтнических отношений в национально-смешанных поселениях и городах Ханты-Мансийского автономного округа (Югры) является долговременной научно-исследовательской программой, этносоциологическим мониторингом, проводимым под руководством В.В. Мархинина (при участии И.В. Удаловой), начиная с 1991 г. Период между первым социологическим обследованием (1991 г.) и последним (2011 г.) – это время, когда «перестройка» в стране сменилась периодом «радикальных реформ», ставших испытанием на прочность российской цивилизации и российского сообщества народов.

Первое обследование было проведено в 11 селах Нижневартовского района¹, продолжено в 1994 г. и охватило 4 поселения Кондинского и 4 поселения Нижневартовского районов². В 1996 г. оно прошло в трех поселени-

---

¹ Мархинин В.В., Удалова И.В., Этнос в ситуации выбора будущего. Новосибирск:, 1993.

² Мархинин В.В., Удалова И.В. Межэтническое сообщество: состояние, динамика, взаимодействие культур. Новосибирск, 1996.

ях Сургутского района¹, в 1997 г. – в трех поселениях Березовского, в трех поселениях Октябрьского района и в одном – Ханты-Мансийского района². В 2000 г. социологическим исследованием охвачено четыре национальных поселения Сургутского и два поселения Нефтеюганского районов³. В 2004, 2007 и в 2010 гг. исследования проводились в югорских городах и поселениях городского типа (Ханты-Мансийске, Сургуте, Нижневартовске, Нефтеюганске, Лангепасе, Радужном, Пыть-Яхе, Федоровском и др.)⁴. В ноябре 2011 г. проведен опрос экспертов, в состав которых вошли научные сотрудники, работники Администрации округа, депутаты Госдумы, журналисты, преподаватели университета и др. Далее будут обобщены результаты этих многолетних конкретных исследований.

Социокультурным основанием стабильного существования Югры и, соответственно, условием успешного развития региона в перспективе является исторически сложившееся здесь межэтническое сообщество⁵. В годы нынешних социально-экономических реформ Югры – вместе с другими полиэтничными регионами страны – не миновало такое негативное явление, как возникновение и рост межэтнической напряженности (напряженности в сфере межэтнических отношений).

В современном мире рост межэтнической (ethnic tension) напряженности является общемировой тенденцией⁶. Она представляет собой социально-психологическую характеристику массового негативного этнического самочувствия, источник которого представители того или иного этноса усматривают в действиях представителей другого этноса (других этносов)⁷. Межэтническая напряженность способна повлечь за собой процесс дестабилизации межэтнических отношений. Действительными факторами межэтнической напряженности являются, в частности, соци-

¹ Мархинин В.В., Удалова И.В. Межэтнические сообщества в регионах Сибири (по материалам социологической экспедиции в национально-смешанные поселения Сургутского района Ханты-Мансийского автономного округа). Новосибирск, 1997.

² Мархинин В.В., Удалова И.В. Межэтнические браки: состояние, динамика, проблемные ситуации. Новосибирск, 1998.

³ Мархинин В.В., Удалова И.В. Традиционное хозяйство народов Севера и нефтегазовый комплекс (Социологическое исследование в Ханты-Мансийском автономном округе). Новосибирск, 2002.

⁴ Удалова И.В., Мархинин В.В., Выдрина Г.А. Динамика межэтнических отношений в Югре (по материалам социологических исследований 1991–2009 гг. в Ханты-Мансийском автономном округе) / Отв. ред. Ю.В. Попков. Новосибирск, 2010.

⁵ О понятии межэтнического сообщества, его формировании и состоянии на разных этапах истории Югры см.: Мархинин В.В., Удалова И.В. Межэтническое сообщество: состояние, динамика, взаимодействие культур.

⁶ Платонов Ю.П. Народы мира в зеркале геополитики. СПб., 2000. С. 349–357.

⁷ Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998.

альное неравноправие, актуализация традиционных этнических предрассудков, этнодемографические дисбалансы, неконтролируемая миграция и др. В разных странах и регионах межэтническая напряженность имеет специфический характер, поскольку вызывается действием своеобразной конфигурации комплекса факторов.

Исследование факторов и особого характера межэтнической напряженности в Ханты-Мансийском автономном округе призвано служить выработке мер по сохранению и упрочению югорского межэтнического сообщества, выступающего основанием стабильности существования и социально-экономического прогресса региона, и во многом, как понятно из сказанного, – страны в целом.

До проведения так называемых «реформ», т. е. до начала 1990-х гг., межэтнические отношения в Югре, как и на всем российском евразийском пространстве, традиционно основывались на исторически выработанном единстве русской и местных этнических культур.

Несмотря на то, что интенсивные миграционные потоки 1960–1980-х годов изменили соотношение между этническими группами Югры (произошло сокращение славянской группы и возросла доля тюркской группы), межэтнические отношения в округе оставались стабильно дружественными, о чем, в частности, свидетельствует и широкая распространенность в Югре, как, впрочем, и в других полиэтничных регионах страны, национально-смешанных браков. То есть, сама по себе миграция в то время не являлась источником межэтнической напряженности, хотя, несомненно, делала национальные отношения более сложными.

Недовольство постоянных жителей вновь прибывающим населением (любых национальностей) было связано, главным образом, с нарушениями мигрантами привычного образа жизни и культуры местного межэтнического сообщества и экологических норм поведения в местной природной среде.

Но после начала «радикальных рыночных реформ» уже к середине 1990-х гг. состояние межэтнических отношений в Югре, как в той или иной мере и во многих других полиэтничных регионах России, изменилось не в лучшую сторону. Данные социологических исследований, проводимых нами в Ханты-Мансийском автономном округе свидетельствуют, что к середине 1990-х гг. отчетливо обозначились наряду с факторами, традиционно стабилизирующими сферу межэтнических отношений, также и факторы возникновения и роста межэтнической напряженности¹. Стабилизирующие факторы состоят в исторически

¹ Удалова И.В., Мархинин В.В., Выдрина Г.А. Динамика межэтнических отношений в Югре (по материалам социологических исследований 1991–2009 гг. в Ханты-Мансийском автономном округе...

сложившейся общности народов России, ее региональных межэтнических сообществах, в традиционных ценностях российско-евразийского сознания (соборности, дружелюбии, терпимости и др.), воспринятых и развитых в СССР и, соответственно, в советской России.

Основной причиной возникновения межэтнической напряженности, как показывают наши социологические исследования, явилась социальная напряженность, порожденная ломкой социалистической системы. Главные негативные в плане воздействия на межэтнические отношения факторы к середине 1990-х гг. определенно переместились в социально-экономическую сферу или же в сферы, так или иначе зависимые от проводимых в стране «реформ». Так, в созданных «реформами» условиях дефицита рабочих мест и роста безработицы на селе, проблемы, связанные с трудовой занятостью, становятся основным источником социальной и, как следствие, возникающей на этой основе межэтнической напряженности в сельских национально-смешанных поселениях округа. Это пример того, что рост социальной напряженности негативно влияет и на сферу межэтнических отношений, провоцируя и обостряя именно традиционно проблемные моменты этнокультурного «измерения» межэтнических отношений. Мониторинг, отслеживающий динамику межэтнических отношений, показал, что факторы, обуславливающие характер межэтнических отношений, порядок и значимость этих факторов в «дореформенный» и «реформенный» периоды заметно различаются.

Возникшая и нарастающая в ходе проведения «реформ» межэтническая напряженность увеличивалась, хотя ни в какой момент она и не превысила критической отметки, за которой начинается дестабилизация сферы межэтнических отношений. Такое положение объясняется в первую очередь тем, что исторически сложившееся полиэтническое сообщество Югры и традиционные российско-евразийские ценности продолжают оставаться основанием прочности и стабильности межэтнических отношений в регионе.

Этому способствует, конечно, и то, что уровень жизни населения в нефтегазодобывающем Ханты-Мансийском округе сравнительно выше, чем в большинстве других регионов России.

Наконец, надо признать, что определенную положительную роль в этом плане играет социальная и национальная политика, проводимая местной окружной властью, старающейся нейтрализовать (разумеется, лишь настолько, насколько это вообще возможно в общей для страны ситуации) разрушительные проявления «реформ».

Сравнительный анализ оценок состояния национальных отношений, данных жителями Югры в последующие годы – в 2004 г., 2008 г. и в конце 2009 г. – показывает, как в округе постепенно нарастает межэтническая напряженность (табл.1).

Таблица 1

**Оценки состояния сферы межэтнических отношений,
данные городскими жителями Югры в 2004 г. (N=1007),
в 2008 г. (N=1113) и экспертной группой – в конце 2009 г. (N=51),
% от числа давших оценку**

Оценка	2004 г.	2008 г.	Декабрь 2009 г.
Межнациональные отношения в целом стабильны (без напряженности)	56	47	39
Имеется некоторая (незначительная) межнациональная напряженность	36	44	53
Напряженность в межнациональных отношениях значительна	7	9	8

Так, если в 2004 г. более половины респондентов (56%) считали, что напряженности в межэтнических отношениях не имеется, то к 2008 г. доля таковых сократилась на 9% и составила уже менее половины опрошенных (47%), а к концу 2009 г. понизилась до 39%. Соответственно увеличивалась доля лиц, отметивших наличие межэтнической напряженности в округе (с 43% в 2004 г. до 53% в 2008 и до 61% к началу 2010 г.). В основном шло увеличение доли лиц, указавших на наличие незначительной межэтнической напряженности, при этом темпы роста «незначительной напряженности», согласно опросам, нарастают.

Рассмотрим теперь, какие факторы в большей степени влияют, по мнению респондентов, на рост межэтнической напряженности. Для этого учтем данные опросов за 2004, 2007–2008 гг. и на конец 2009 г. (табл.2).

Таблица 2

**Ранги факторов, вызывающих межэтническую напряженность,
определенные респондентами в 2004, в 2007–2008 гг. и в декабре 2009 г.**

Чем вызывается межэтническая напряженность?	2004 г.	2007– 2008 гг.	2009 г., декабрь
Борьбой за власть на разных уровнях	4	4	6–7
Сокращением социальной защищенности и поддержки	7		6–7
Значительным увеличением доли мигрантов	2	2	1
Неуважением национально-культурных особенностей тех или иных народов	1	1	2
Разжиганием национальной розни отдельными людьми и средствами массовой информации	5	3	4
Борьбой за особо престижные (доходные) рабочие места	6	6	5
Несовершенством национальной политики	3	5	3

Главными факторами межэтнической напряженности в округе, по мнению респондентов, в период с 2004 по 2009 гг. являются «неуважительное отношение к национально-культурным особенностям» и «значительное увеличение мигрантов». На «значительное увеличение доли мигрантов» чаще указывают местные (постоянные) жители Югры (в основном это представители народов Севера и русские), а на «неуважительное отношение к их национально-культурным особенностям» чаще указывают недавно прибывшие мигранты, хотя и у аборигенов, и у русских эти показатели также довольно высокие. Далее идут факторы «несовершенства национальной политики» и «борьбы за власть на разных уровнях».

Кроме того, по мнению респондентов, усиливается «борьба за особо престижные и доходные рабочие места», «происходит сокращение социальной защищенности и поддержки местного населения». Среди социально-политических факторов межэтнической напряженности респонденты назвали «борьбу за власть на разных уровнях». Надо добавить, что, очевидно, на рост социальной, а следовательно, и межэтнической напряженности в округе в 2009 г. также оказал свое влияние и переживаемый страной общемировой финансово-экономический кризис.

Следует предположить, что на рост межэтнической напряженности существенное воздействие оказывает не только факт присутствия и рост численности в регионе этнических мигрантов, а и то, что этот процесс в должной мере не регулируется. Поэтому не случайно около половины экспертов и четвертая часть респондентов объясняют наличие напряженности в межэтнических отношениях несовершенством национальной политики, ущемляющей (чаще всего) интересы государствообразующего русского народа.

Возможные перспективы изменения межэтнических отношений в ближайшие годы, данные экспертами в конце 2009 г., таковы: около половины экспертов полагает, что межэтническая напряженность в округе останется на том же уровне, 24% экспертов считают, что межэтническая напряженность в округе будет возрастать, но такая же доля экспертов полагает, что она будет уменьшаться.

Подведем итог. За последние 15–20 лет положение в сфере межэтнических отношений в округе изменялось следующим образом. Сначала сложности в межэтнических отношениях, имевшиеся и прежде, приобрели под воздействием «радикальных реформ» характер напряженности, затем, особенно явно – с середины 90-х гг., уровень напряженности возрастал, а после 2001 г. возрос весьма резко.

Среди социальных факторов межэтнической напряженности на первое место к настоящему времени вышел фактор интенсивного миг-

рационного притока, вызвавший довольно резкий этнодемографический дисбаланс не в пользу славянского и, в первую очередь, русского населения. Кроме того, миграционный приток обострил характерные для периода «реформ» негативные социальные явления – оборот и употребление наркотиков, нелегальный бизнес, эксцессы антиобщественного поведения и др. Среди социальных факторов роста межэтнической напряженности (действие которых усиливается еще и тем же миграционным притоком) выделяются также такие, как обострение конкуренции за получение рабочих мест, сокращение мер по социальной защите местного постоянного населения, усиление борьбы за политическое влияние (борьба за власть на разных уровнях). Рост социальной напряженности, служащий источником напряженности межэтнической в последние годы подпитывался также мировым финансово-экономическим кризисом, серьезно затронувшим и Россию, и ее регионы – не в последнюю очередь, нефтегазобывающий югорский регион.

Наиболее остро напряженность в межэтнических отношениях ощущают следующие группы населения: коренные жители Югры и старожильское население (представители русского этноса и народов Севера), вообще постоянные жители округа, особенно – молодежные группы разных национальностей, но, прежде всего, славянская, русская молодежь.

С другой стороны, очень важно подчеркнуть, что в Югре, несмотря на рост социальной напряженности, трансформирующейся в напряженность межэтническую, последняя ни в какой момент не превысила критического порога, состоящего в дестабилизации сферы межэтнических отношений. Вообще выделяют четыре фазы межэтнической напряженности – латентную, фрустрационную, конфликтную и кризисную¹. Исходя из этого, характер межэтнической напряженности в Ханты-Мансийском автономном округе следует определить как переходный от латентного к фрустрационному. Можно надеяться, что и впредь, как минимум, не произойдет ее переход в более острую форму. Ибо опыт времени «реформ» показал, что югорское межэтническое сообщество с его евразийскими ценностями, вопреки всем испытаниям, остается прочным социокультурным основанием стабильности межэтнических отношений в округе.

Конечно, социальные условия, созданные «реформами», с неизбежностью продуцируют социальную напряженность, а значит, нельзя не предполагать, что невозможно полное устранение межэтнической напряженности в полиэтничном регионе. Тем не менее, и в этих социальных условиях можно и следует предпринимать меры по предотвращению дальнейшего роста и даже снижению межэтнической напряженности. Думается, что особен-

¹ Платонов Ю.П. Народы мира в зеркале геополитики. С. 350.

но важной в этом плане мерой явилось бы развитие окружными органами власти и местного самоуправления, общественными организациями политики и программы воспитания югорского патриотизма, уже обнаружившего потенциал упрочения традиций местного межэтнического сообщества.

§ 2. Риски для будущего этносов и социокультурные ориентиры населения

В период, когда все непредсказуемо меняется, каждый человек старается найти такую точку опоры, которая помогла бы выжить ему и его потомству в трудных испытаниях. Для большинства людей такой опорой является принадлежность индивида к своему этносу. Поэтому проблема будущего этноса, опасностей, которым подвергается этнос, волнует каждого жителя планеты, каждой страны.

В нашем исследовании рискогенной ситуации в этническом существовании русских, проживающих в районах Севера, и коренных народов Севера (ханты, манси, ненцы), составляющих вместе с русскими единое межэтническое сообщество, мы опираемся на ряд работ, посвященных теории этноса, факторам и перспективам этнического существования¹. При анализе конкретных проблем, представляющих опасность для сохранения этнической самобытности, для будущего этносов мы используем социокультурный подход, который, по нашему мнению, в наибольшей мере соответствует задаче данного исследования.

К настоящему времени в социологии (как и в целом во взглядах на общественную жизнь) все большее внимание уделяется культуре, в том числе этническим культурам, как детерминанте динамики общественных процессов. Как отмечает С.И. Григорьев, в настоящее время обозначились «противоречивые тенденции формирующейся новой культуры социальной жизни: распространение “универсального образа жизни” и возрождение ценностей национальных культур». Таким образом, имеет место «сочетание национализма и универсализации образа жизни людей»².

В большой исторической перспективе принадлежность к этнической общности является глубинным источником деятельных сил людей, кореня-

¹ Мархинин В.В. Начала социально-философской теории этноса. Новосибирск, 1996; Мархинин В.В., Удалова И.В. Этнос в ситуации выбора будущего...; Мархинин В.В., Удалова И.В. Межэтническое сообщество. Состояние, динамика, взаимодействие культур...; Мархинин В.В., Удалова И.В. Межэтнические браки: состояние, динамика, проблемные ситуации...

² Григорьев С.И. Социологическая концепция жизненных сил человека: контекст развития социальной культуры на пороге XX1 в. // Социология на пороге XXI века. М., 1999. С. 107.

щихся в их индивидуальной, но и изначально коллективной природе. Эти деятельные силы людей, благодаря их принадлежности этносу, не разбрасываются хаотично, они организованы преемственностью поколений, этнокультурными традициями. И обновление образа жизни проистекает в первую очередь из этого же источника деятельных сил. Когда этнос находится на подъеме, причастность к его исторической судьбе, ценностям, идеалам создает вдохновляющий настрой, активизирует созидательно-преобразовательную энергию людей, и наоборот: если этнос переживает состояние упадка, тем более в период глубокого социально-экономического кризиса, то это усугубляет гамму настроений социальной безысходности, истощает созидательную социальную энергию людей.

Социокультурное ядро (содержание) этничности, обновляясь, со временем под влиянием ряда факторов претерпевает определенные внутриэтнические изменения. Характер этих изменений не может не отразиться на характере межэтнических взаимодействий и на образе жизни самих взаимодействующих этносов.

Состояние этноса, доминанты данного этнического сознания и самосознания не могут не проявляться и в сфере межэтнических отношений и, в свою очередь, ситуация непосредственного межэтнического взаимодействия предполагает соотносительность оценивания состояний этносов, т.е. оценка состояния своего этноса неизбежно соотносится с оценкой состояния другого этноса. Поэтому исследователю, выявляющему социальные и культурные проблемы, представляющие опасность для будущего того или иного этноса, важно знать, как оценивается людьми нынешнее состояние их собственного этноса и другого этноса (других этносов), с представителями которого (которых) первые находятся в отношениях непосредственного этнического контакта.

Доминанты подобных оценок складываются из оценок столь большого количества факторов, что у основной массы носителей определенного этнического самосознания они естественно оказываются не столько следствием осознанно-аналитических процедур, сколько результатом интуитивного, подсознательного обобщения и оценивания факторов, наблюдаемых в обыденной жизни.

Имея это в виду, мы при проведении в разные годы этносоциологических исследований в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре ставили в анкетах массового и экспертных опросов, в частности, вопросы: «Каким Вы видите будущее северных народов?» и «Каким Вы видите будущее русского народа?». На эти вопросы нами было предложено выбрать один из двух возможных вариантов ответа: или – «считаю, что у такого-то народа (народов) большое будущее», или – «его (их) будущее находится в опасности».

Результаты социологического исследования 1991 г. показали, что перед началом известных социально-экономических «реформ» состояние северных этнических общностей характеризовалось признаками кризисной фазы в их развитии. Вместе с тем, внутренняя динамика этнического самочувствия была такова, что эта кризисность вызывала серьезную тревогу, но никак не чувство безысходности по отношению к их будущему в качестве этносов. У представителей народов Севера преобладали оптимистические настроения: около трети опрошенных хантов, манси и ненцев (32%) считали, что, несмотря на все существующие проблемы, северные этносы имеют в исторической перспективе большое будущее. Доля «оптимистов» была в полтора раза больше, чем «пессимистов» (20%). Правда, почти половина респондентов затруднилась с ответом на этот вопрос.

Надо учесть, что начало 1990-х годов – это время бурного роста национального самосознания у народов Севера, их активных выступлений в защиту природной среды, создания национальных ассоциаций, отстаивающих их национальные интересы, живого беспокойства людей за будущее своих этносов. Однако, в то время, как видно из результатов опроса в 1991 г., состояние этнокультурной традиции само по себе не расценивалось в качестве фактора, вызывающего особенно сильное опасение за будущее северных народов. В качестве наиболее опасных факторов были названы пьянство (75%) и разрушение природной среды под воздействием промышленного освоения (62%). И только на третьем месте стояло недостаточное знание представителями северных этносов своего национального языка (55%) и на пятом – утрата культурных традиций (36%).

Все последующие социологические исследования, проведенные после распада СССР в 1991 г., были бы невозможны без учета социального контекста, сопряженного с курсом «радикальных реформ».

К 1994 г. доля лиц из числа народов Севера, считающих, что будущее их этноса находится в опасности, по сравнению с 1991 г. значительно возросла и составила 89% от числа давших ответ на вопрос (табл. 1). Доля «оптимистов» среди населения северных этносов соответственно сократилась до 11 %. Удельный вес пессимистических настроений в 8 раз превысил удельный вес оптимистических, видимо, достигнув своей критической величины. Большинство русских, проживающих в непосредственной близости с народами Севера, также считало, что будущее северных этносов находится в опасности (86%). В то время эти данные произвели шоковый эффект. Казалось, что столь значительный процент «пессимистов» свидетельствует о безысходном кризисе этничности¹.

¹ Удалова И.В., Мархинин В.В., Выдрина Г.А. Динамика межэтнических отношений в Югре (по материалам социологических исследований 1991–2009 гг. в Ханты-Мансийском автономном округе)...

Таблица 1

**Распределение ответов на вопросы:
«Какими Вы видите будущее русского народа?»
и «Какими Вы видите будущее северных народов?»,
данные жителями национально-смешанных поселений
в 1994 г. (N = 760) и в 1997 г. (N = 1016), %**

Ответы	Русские		Народы Севера	
	1994 г.	1997 г.	1994 г.	1997 г.
Мнения о будущем русского народа				
Я считаю, что у русского народа большое будущее	53	59	67	66
Будущее русского народа находится в опасности	47	41	33	34
Мнения о будущем народов Севера				
Я считаю, что у народов Севера большое будущее	14	20	11	18
Будущее народов Севера находится в опасности	86	80	89	82

Последующий период (с 1994 г. по 1997 г.) является, в некотором смысле, переломным в жизни как народов Севера, так и русских. Началось собирание духовных и психических сил этносов, чтобы «быть». Об этом свидетельствует, в частности, нарастание оптимистических настроений у данных этносов. Доля «пессимистов» за это время (и у народов Севера, и у русских), несколько уменьшилась. Теперь и русские несколько оптимистичнее оценивают жизненные перспективы северных этносов. Важно, что оптимистические настроения относительно перспектив северных этносов быстрее росли у самих народностей Севера, чем в оценках, данных русскими. Быть может, представители северных этносов в своих оценках опираются на известный только им дополнительный резерв, который поддерживает их жизненные силы в экстремальных условиях.

Результаты экспертного опроса (напомним, что в их состав вошли научные сотрудники, работники Администрации округа, депутаты Госдумы, журналисты, преподаватели университета и др.), проведенного в ноябре 2011 г., показали, что по прошествии двух десятков лет для народов Севера и для русских проблема будущего их этносов

по-прежнему является актуальной (табл. 2). Особую обеспокоенность испытывают за судьбу своего этноса представители народов Севера: 97% аборигенов ответили, что будущее северных этносов и сейчас находится в опасности. Хотя доля оптимистически настроенных среди русских экспертов относительно перспектив северных этносов гораздо выше (14% против 3%), однако подавляющее большинство из них (86%) по-прежнему обеспокоены проблемой сохранения народов Севера как этносов.

Перспективы будущего русского этноса вызывают у экспертов меньшую тревогу, чем будущее народов Севера.

Таблица 2

**Распределение ответов экспертов на вопросы:
«Считаете ли Вы, что будущее русских, как этноса, находится
сейчас в опасности?», и «Считаете ли Вы, что будущее северных
этносов находится сейчас в опасности?»,
ноябрь 2011 г. (N = 49), %**

Ответы	Мнения о будущем русского этноса		Мнения о будущем северных этносов	
	Русские эксперты	Эксперты из народов Севера	Эксперты из народов Севера	Русские эксперты
Считаю, что будущее этноса находится в опасности	14	45	88	72
Опасность есть, но она незначительна	14	15	9	14
Опасности не вижу	72	40	3	14

Доля лиц, указавших на наличие каких-либо опасностей для будущего русского этноса, со временем сокращалась, однако 28% русских экспертов обращают внимание на их наличие и в настоящее время. А эксперты из числа народов Севера почти в два раза чаще (60%), чем сами русские, отметили наличие опасности для будущего русского этноса.

Рассмотрим, какие же факторы и социокультурные ориентиры-дизинтеграторы, по мнению респондентов, являлись главными опасностями их этносам и тем самым, российскому обществу в целом, в тот или иной исследуемый нами промежуток времени, и как изменялся со временем порядок их значимости у народов Севера и у русского этноса (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов русских и представителей народов Севера на вопрос: «В чем, на Ваш взгляд, могут заключаться в настоящее время главные опасности для будущего Вашего этноса?», данные в 1994 г. (N = 760), в 1997 г., (N = 1016) и в ноябре 2011 г. (N = 49), %

Факторы, представляющие опасность для будущего своего этноса	Русские			Народы Севера		
	2011	1997	1994	2011	1997	1994
Рост пьянства и алкоголизма	53	53	52	50	48	57
Утрата национальных традиций, обычаев, верований	40	15	24	50	44	40
Утрата многими людьми национального языка (для народов Севера) В засорении русского языка (для русских)	40	12	11	94	47	43
Рост наркомании	33	–	–	9	–	–
Ослабление российской государственности	27	20	*	15	4	*
Снижение рождаемости	14	*	19	12	*	9
Широкое распространение межнациональных браков	14	6	6	44	8	14
Рост смертности	7	*	13	21	*	27
Разрушение природной среды обитания	7	28	26	59	39	29
Рост смертности и снижение рождаемости		18			18	

* информация отсутствует

Данные таблицы 3 показывают, что пьянство и алкоголизм на протяжении всех 90-х годов и до настоящего времени остаются главными факторами, представляющими наибольшую опасность для будущего как северных этносов, так и для русского народа.

Сравнение данных за разные годы показывает, что утрата многими людьми своего национального языка осознается большинством представителей народов Севера как главная угроза будущему своего этноса. Доля ответов, в которых выражено это мнение, возросла с 43% в 1994 г. до 47% в 1997 г. и в 2011 г. достигла 94%. Нарастание данной озабоченности связано с тем, что доля владеющих языком своего народа у северных этносов постоянно сокращается. Перепись 2002 г. показала, что теперь только 20% манси и 35% ханты владеют языком своего народа.

Как отмечает С.Х. Хакназаров на основе материалов социологического опроса коренных малочисленных народов Севера в Югре в 2008–2011 гг., «практически во всех обследованных регионах большинство опрошенных считают, что их родные языки находятся под угрозой исчезновения».

В то же время «значительное большинство респондентов практически во всех обследованных населенных пунктах хотели бы, чтобы их дети и внуки умели говорить и понимать свой родной язык, также читать и писать на своем родном языке»¹. Главное условие сохранения позиций родного языка – необходимость и возможность его применения в быту и производственной деятельности. В конечном счете, это означает необходимость сохранения традиционных отраслей производства.

Степень осознания значения следующего разрушительного фактора – утраты многими людьми культурных традиций и обычаев своего народа – также со временем возрастает: с 40% в 1994 г. до 44% в 1997 г. и 50% в 2011 г. Из культурных традиций, как считают представители народов Севера, наиболее пострадали и требуют восстановления в первую очередь такие значимые в повседневной жизни традиции, как «любовь к природе, отношение к ней как живому существу», «взаимопомощь, сплоченность людей, их умение постоять друг за друга в трудном положении».

Однако величина фактора «разрушение природной среды» за указанный промежуток времени росла интенсивнее, чем двух вышеназванных (от 29% в 1994 г. до 39% – в 1997 г. и 59% в 2011 г.). Характерно, что и русские, проживающие в сельской местности, также считают разрушение природной среды одним из трех главных факторов, представляющих опасность для будущего русского этноса. Так ответили 26% русских респондентов в 1994 г. и 28% – в 1997 г. То, что фактор разрушения природы назван народами Севера среди наиболее опасных, еще раз подтверждает его значимость и актуальность для сохранения этноса и его самобытности и предполагает необходимость охраны жизненно важных для северных этносов территорий от неконтролируемых воздействий со стороны промышленного комплекса.

Процессы межэтнической брачности и метисации у народностей Севера к настоящему времени настолько участились, что, по мнению экспертов, несут в себе угрозу сохранению их этнической самобытности. Если в 1994 и 1997 гг. межэтнические браки среди возможных опасностей для будущего северных этносов стояли на предпоследнем месте – соответственно 14 и 8% ответов, то в 2011 г. эта угроза переместилась на четвертое место (44%), опередив (в оценках экспертов) такие значимые угрозы, как рост смертности и снижение рождаемости.

Разумеется, последствием роста числа межэтнических браков является известный рост доли этнически маргинального населения. Но эта доля не может увеличиваться угрожающе быстро, ибо этнически маргинальное

¹ *Хакназаров С.Х.* Состояние родных языков коренных малочисленных народов Ханты-Мансийского автономного округа–Югры в 2008–2011 годах. Ханты-Мансийск, 2012.

состояние по большей части является состоянием перехода к определенной этнической идентичности, что и происходит в реальности. Действительно серьезную опасность для этнического существования малочисленных народов представляют те последствия «радикальных рыночных реформ», которые привели к резкому снижению уровня жизни, росту алкоголизма и наркомании, и как следствие, – к высокой смертности, включая резкое увеличение числа самоубийств. В росте смертности 21% экспертов также видят большую опасность для существования северных этносов.

Распространение пьянства и алкоголизма названо большинством экспертов в качестве главного фактора, представляющего наибольшую опасность для этнического будущего как русских (53%), так и народов Севера (50%), (табл. 3). Сюда же теперь добавился и рост наркомании (соответственно 33 и 9%). Именно эти факторы становятся главной причиной смертности среди молодежи. Согласно Переписи населения 2010 г. численность русского населения в России сокращается, а ожидаемая продолжительность жизни в России не растет. По мнению одного из демографов, у народа утерян инстинкт самосохранения и смысл жизни. Пьянство и алкоголизм являются концентрированным выражением действия всей совокупности других факторов, и в частности, последствий отчуждения системы государственного управления от нужд национального развития. Пьянство разрушает этническую идентичность личности и подрывает генотип этнической популяции. Одна из его особенностей как этнически значимого явления состоит в том, что оно представляет собой реакцию на обесмысливание жизни, проистекающее из разрыва с духовной, мировоззренческой традицией своего народа.

Поэтому не случайно следующими по порядку значимости опасностями для этнического существования русских экспертами (и русскими, и представителями народов Севера) были названы: утрата национальных традиций, обычаев, верований (русские эксперты – 40%, эксперты из народов Севера – 56%); засорение русского языка «иностранинкой» (соответственно тоже 40% и 56%). За всем этим стоит явление, которое одним словом можно назвать – бездуховность. Нынешняя действительность навязывает идею, что главным в жизни являются деньги, а не духовные ценности. В том же направлении действует ослабление народного начала в российской государственности (русские эксперты – 27%, эксперты из народов Севера – 26%), проистекающее из сформировавшегося в 90-е годы прошлого века и продолжающегося укрепления олигархического характера российской власти. Этот, неприемлемый для менталитета русского народа (как, конечно, и других народов России), характер социально-политического строя самим своим катастрофически быстрым возникновением

во многом духовно обезоружил русское этническое сознание, сломал его защитные механизмы. Вместе с тем, потребность в восстановлении значимых этнических ценностей мобилизует протестный потенциал этноса. Как справедливо заметил по этому поводу известный русский писатель Ю. Поляков, «наши защитные этнические механизмы слишком слабы и включаются слишком поздно». «Но, – продолжает Ю. Поляков, – и они включились, когда русские стали чувствовать себя почти чужими в стране, носящей, между прочим, их историческое имя! Давно замечено: смуты и революции в России случаются именно тогда, когда русский народ (а не караул) устает от собственного государства»¹. Какие же социокультурные ориентиры-интеграторы способны сплотить российское общество? Отвечая на вопрос «С чем Вы связываете в перспективе свои надежды на возрождение России, на обеспечение достойной жизни ее граждан?» (см. табл. 4), и русские, и представители народов Севера в 2011 г. на первое место единодушно поставили «заботу о семье, как главной ячейке общества» (58%). Без крепкой, надежной и хорошо устроенной семьи никакой этнос не имеет будущего. В решении этого вопроса государство не должно уклоняться и отщелачиваться скудными подачками, а на деле уделять семье первостепенное внимание.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «С чем Вы связываете в перспективе свои надежды на возрождение России, на обеспечение достойной жизни ее граждан?», массовый опрос 1997 г. (N= 1016 чел.) и экспертный опрос, ноябрь 2011 г. (№ 49), %

Ответ	2011 г.			1997 г.
	русские	Народы Севера	Русские и народы Севера	Русские и народы Севера
С заботой о семье как главной ячейке общества	53	65	58	31
С установлением и строгим соблюдением обязательного для всех закона и порядка	47	41	42	46
С восстановлением интенсивной работы промышленности и сельского хозяйства	47	38	41	31
Россия возродится, если большинство ее граждан будут стремиться жить честно, по совести	40	38	39	36

¹ Поляков Ю. Лезгинка на Лобном месте // Литературная газета. 2011, 1 февр.

Продолжение таблицы 4

Ответ	2011 г.			1997 г.
	русские	Народы Севера	Русские и народы Севера	Русские и народы Севера
С возрождением дружбы народов и сближением республик бывшего СССР	27	32	29	17
С углублением самостоятельной внешней политики Российского государства	20	24	22	5
С повышением самостоятельности регионов	20	21	20	13
С сильной личностью во главе государства	14	29	21	43
С развитием местного самоуправления	32	–	18	20
С повышением роли в государстве народных представительных органов власти – Думы, Советов Федерации	7	32	20	6
С обеспечением личных свобод и прав человека	7	18	12	23
С дальнейшим движением по пути реформ – к рыночной экономике	–	9	4	5
Надеюсь только на помощь Божию	7	3	4	6

Ныне проблемы выживания человека, семьи, этноса стоят особенно остро для большинства как народов Севера, так и русских. Поэтому сейчас, как никогда в постсоветское время, актуализируются ожидания справедливого устройства социальной жизни¹, для чего необходимо, как минимум, установить строгое соблюдение обязательного для всех закона и порядка (на первое место это требование ставят 42% экспертов). Для того, чтобы обеспечить достойную жизнь граждан России, необходимо восстановить интенсивную работу промышленности и сельского хозяйства (41%). Но и этого недостаточно. Без нравственного обновления у нас нет будущего. Россия возродится, если большинство ее граждан будут стремиться жить честно, по совести (39%). Названные факторы, по мнению экспертов (и русских, и представителей народов Севера) являются главными в возрождении России, а значит, и в возрождении и процветании их этносов.

Следующая по степени важности группа факторов, предполагаемых необходимыми для возрождения России, относится к совершенствованию механизмов управления страной, проведения внутренней и внешней политики. Сюда, прежде всего, относится стремление к «возрождению дружбы

¹ Мархинин В.В. Предисловие // Мархинин В.В. К справедливому обществу. Идеи, проекты, теории на Западе и в России. М, 2011.

народов и сближению республик бывшего СССР» (29%), свидетельствующее о сохранении живой памяти о советских временах, когда все народы союзного государства жили в дружбе и согласии без сколько-нибудь серьезных межэтнических конфликтов и межэтнической напряженности.

По мнению экспертов, для возрождения России и обеспечения достойной жизни ее граждан также необходимо углубление самостоятельной внешней политики Российского государства (так считают 22% экспертов). Еще часть экспертов связывает свои надежды на возрождение России с необходимостью иметь сильного лидера во главе государства (21%), с повышением роли в государстве народных представительных органов власти – Думы, Совета Федерации (20%), с развитием местного самоуправления (18%) и с обеспечением личных свобод и прав человека (12%). Наименьшие надежды на пути к возрождению России и достойной жизни ее граждан России эксперты связывают с дальнейшим движением общества по пути реформ – к рыночной экономике (4%).

Представляет интерес сравнение характера ответов на вопрос «С чем Вы связываете свои надежды на возрождение России, на обеспечение достойной жизни ее граждан?», высказанные респондентами в 1997 г. и в конце 2011 года (табл. 4). Из таблицы видно, что характер ответов, отражающих мнения о степени важности тех или иных факторов в возрождении России, в разные исторические моменты имеют свои особенности. Так, 1997 год – это время правления Ельцина, время, когда в стране царили откровенный произвол беззакония, беспрецедентно разрушительный экономический кризис, безработица, обнищание большей части ее граждан, когда само Отечество находилось на грани распада. Поэтому не случайно на первое место среди факторов возрождения России вышел такой фактор как установление и строгое соблюдение для всех закона и порядка (так ответили 47% представителей народов Севера и русских). А на втором месте был фактор, выражающий желание (потребность) большинства иметь во главе государства не немощного пьяницу, а сильную личность – 43%. К 2011 году эта вера в то, что «сильная личность» на деле будет обеспокоена возрождением России была сильно поколеблена и набрала вдвое меньше голосов (21%), чем в 1997 году. За эти годы также изменилось отношение к теме свободы и прав граждан, как условию возрождения России. Надежды сменились разочарованием. Рейтинг эфемерных на деле «прав и свобод» сократился вдвое (с 23 до 12% ответов). Сократился (и без того низкий) рейтинг рыночных реформ в экономике (с 5 до 4%). При этом вдвое повысилась ценность семьи и ее роли в возрождении России (с 31 до 58%), повысилась и требовательность к Правительству относительно проведения более самостоятельной внешней политики (с 5 до 22%), а также осознание необходимости возрождения дружбы народов и сближения республик бывшего СССР (с 17 до 29%).

Итак, подытоживая, можно сделать следующий вывод. При оценках будущих перспектив собственного этноса у народов Севера растут (по сравнению с 1997 г.) пессимистические настроения. Подавляющее большинство аборигенов Югры считает, что их будущее как этносов находится в опасности. Хотя оценки русских относительно перспектив своего этноса гораздо оптимистичнее, чем у народов Севера, и доля пессимистических оценок с годами снижается, однако каждый четвертый считает, что будущее русского этноса и сейчас находится в опасности. Основными угрозами для будущего северных этносов являются утрата национального языка и рост пьянства и алкоголизма. По нашему мнению, многие проблемы образа жизни северных этносов порождаются известной несовместимостью, или, может быть, точнее – принципиальной сложностью совмещения внутриэтнических, традиционных норм и способов реагирования на внешнюю социально-культурную «среду» с экспансивностью этой «среды», обусловленной рыночно-индустриальным способом ее существования.

Факторы, отнесенные представителями коренных народов к числу самых опасных для будущего этих народов, порождены не просто сложностью совмещения традиционного и индустриального стилей жизни, но и ошибками организационно-управленческого характера, которые при правильном руководстве страной и проведением соответствующей национальной политики могли бы быть в известной мере сглажены и устранены. Не случайно 15% экспертов видят в ослаблении российской государственности опасность для существования северных этносов.

Что же касается перспектив будущего русского этноса, то основание для оптимизма есть. У русского этноса растет чувство национального самосознания и самоуважения (то, чего ему не хватало долгие годы), осознание необходимости вернуться к утраченным национальным традициям, обычаям, верованиям. Для решения большинства социокультурных проблем развития народов необходимы политические и социально-экономические преобразования, основанные на патриотизме и стремлении к социальной справедливости.

§ 3. Опыт регулирования межэтнических отношений¹

В процессах регулирования межэтнических взаимодействий непосредственно или опосредованно участвуют на разных уровнях – межгрупповом, межличностном – многие субъекты: органы государственной власти и местного самоуправления, негосударственные общественные объединения и организации, социальные институты (системы образования, культуры

---

¹ Данный параграф написан при участии Г.А. Выдриной.

и др.), национально-культурные автономии, средства массовой коммуникации. Наиболее важную роль при этом играют органы государственной власти, тесно взаимодействующие с общественными объединениями – национально-культурными автономиями, землячествами, ассоциациями.

Для органов государственной власти автономного округа и органов местного самоуправления муниципальных образований, ставящих перед собой задачу достижения общественной консолидации и стабильности, важно постоянно изучать реальное состояние межнациональных и межконфессиональных отношений, тенденции их развития, выявлять в них как потенциал толерантности, так и возможные конфликтогенные риски, поскольку их влияние на социально-политическую и морально-психологическую атмосферу в последние годы становится все более ощутимым.

Актуализация этой проблемы в современных условиях объясняется воздействием целого ряда как внутренних (действующих внутри округа), так и внешних (по отношению к округу) факторов, в том числе международных.

К числу внутренних факторов в рамках данной проблематики относятся: сложный и быстро меняющийся этнический состав населения округа, развитие миграционных процессов и их последствия, неизбежные противоречия между коренными и приезжими жителями, нестабильность экономического положения значительной части населения, рост преступности, алкоголизма, наркомании и др.

Среди внешних факторов, также оказывающих существенное влияние на социально-политическую ситуацию в округе и настроения его населения, следует указать прежде всего неравномерное экономическое и политическое развитие субъектов Российской Федерации и стран СНГ, выходцами из которых является значительная часть приезжих жителей Югры. Кроме того, существенно влияют на ситуацию в округе международная обстановка, процессы, протекающие в мировом масштабе. Это, во-первых, значительные колебания мировых цен на нефть, непосредственно сказывающиеся на экономике округа и материальном благосостоянии населения. Во-вторых, это активизация международных экстремистских движений и терроризма, в том числе в форме исламского религиозно-политического экстремизма, попытки перенести их деятельность на территорию России и на территорию Югры.

Взаимодействие этих факторов между собой порождает и усиливает риски обострения социально-психологической напряженности, роста настроений шовинизма и национализма, взаимной нетерпимости различных социальных и этнических групп населения, провоцирует поиски «врага», способствует распространению этнических, религиозных и социальных фобий.

Наличие возможностей проявления этнополитической конфликтности в Югре заставляет искать применимые на практике способы достижения межэтнического согласия, формировать политику обустройства народов и культур в обществе с учетом их самобытности, общественных отношений, но в русле диалога с другими народами, проживающими на этой территории. Однако такой диалог будет затруднительным, если у населяющих округ народов не будет взаимопонимания и взаимного уважения к культурам друг друга.

В Ханты-Мансийском автономном округе проживают люди, принадлежащие к многим нациям и конфессиям. Коренное население представляют три народности: ханты, манси и лесные ненцы. Их доля в общей численности населения округа составляет около 1,5%. В округе создана солидная нормативно-правовая база, – это законы, касающиеся положения коренных малочисленных народов Севера. Статус малочисленных народов Севера как коренного населения закреплён в главном правовом акте Югры – Уставе (Основном законе). Создана также Ассамблея представителей коренных малочисленных народов в региональной Думе.

Помимо коренных малочисленных народов Севера население округа составляют русское старожильческое население и другие народы, прибывшие в округ в разное время и с разными целями: татары, башкиры, украинцы, белорусы, чеченцы, дагестанцы, азербайджанцы, молдаване, армяне, коми-зыряне и др. Представители различных народов объединены в общественные национально-культурные организации: национально-культурные автономии, землячества, ассоциации, культурные центры.

В округе также зарегистрировано около 130 религиозных организаций и групп. Действуют миссионерские и религиозно-просветительские центры, благотворительные учреждения и конфессиональные учебные заведения.

Говоря о социокультурных взаимоотношениях, не следует упускать из виду разрушительный для отечественного межэтнического единства потенциал – различного рода зарубежное миссионерство, несущее в себе заряд агрессивного отрицания достоинства, ценностей, нравов отечественных культурных и религиозных традиций. Речь идет о массированном внедрении в сознание людей культа наживы и вседозволенности, представлений о равноправии порока и добродетели, т.е. речь идет об изменении менталитета населения. Защитить и сохранить свою идентичность во взаимоотношениях с западной культурой, обеспечить духовную безопасность нации можно с помощью своеобразных «социокультурных фильтров», пропускающих все полезные ценности и отсеивающих, по закону неэквивалентного обмена, все деструктивное.

В югорской системе духовной культуры действуют взаимопроникающие национальные культуры, но фактором их сближения служит русская

культура. Несмотря на разнообразие национальных культур, в автономном округе отсутствуют острые межэтнические и этноконфессиональные конфликты, достаточно низок уровень нетерпимости, национальной неприязни и вражды. Во взаимодействии представителей различных наций и верований накоплен определенный опыт, начало которому положили новгородцы еще в XI в., что проявилось в распространении земледелия, строительства жилья, просвещении населения и обучении его письменности.

В современных реалиях Правительство автономного округа главной задачей считает направить социальную политику в области межнациональных отношений на объединение ценностных и социально-деятельных установок наций и народностей, заинтересовать представителей различных народов образом жизни друг друга, поддерживая взаимодействие культур и духовное единение людей, и на этой основе сформировать в округе гражданское общество. Сегодня это главная задача.

Стратегическая линия региональной национальной политики была определена в Соглашении «О межнациональном согласии и сотрудничестве», подписанном губернатором и лидерами окружных национальных общественных организаций 11 февраля 2000 года. В Соглашении закреплено, что стороны договариваются о сотрудничестве по достижению межнационального согласия и предотвращении межнациональных конфликтов на территории округа. Основные принципы сотрудничества следующие:

- взаимное уважение и учет интересов сторон;
- соблюдение партнерами международных норм и законодательства Российской Федерации;
- равноправие сторон и доверие в отношениях;
- недопущение политизации межнациональных отношений в округе, недопущение втягивания национально-культурных образований в политическую борьбу и политических спекуляций на национальных чувствах людей;
- конструктивное сотрудничество и воспитание терпимости в межнациональных отношениях;
- воспитание любви, чувства патриотизма и гражданского долга по отношению к малой родине – Югре.

Деятельность Правительства автономного округа в этой области ведется совместно с органами исполнительной, государственной и муниципальной власти в трех основных направлениях:

- 1) создание системы контроля за развитием межнациональных и этноконфессиональных отношений, проведение мониторинга;
- 2) работа экспертно-консультативного совета по вопросам религиозных объединений при правительстве автономного округа;

3) работа научно-методического информационного центра и экспертно-координационного совета по национальным вопросам при Губернаторе автономного округа.

Ежегодно с участием членов Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры проводятся совещания, посвященные государственной политике содействия межнациональному согласию в регионе, на которых рассматриваются такие вопросы, как:

- основные направления реализации государственной национальной политики на региональном и муниципальном уровнях;
- состояние и развитие этноконфессиональной ситуации в регионе;
- основные мероприятия по развитию межрегиональных отношений и внешнеэкономической деятельности автономного округа, проводимые в округе;
- изменения в законодательстве Российской Федерации, регулирующей сферу международных и межнациональных взаимоотношений.

Ежегодно подводятся итоги работы в области развития диалога культур народов автономного округа. Во-первых, рассматривается опыт работы национальных общественных объединений в развитии международных и межрегиональных связей автономного округа в рамках подписанных соглашений о сотрудничестве с другими субъектами Российской Федерации и странами СНГ. Во-вторых, анализируется участие региональных национальных общественных объединений в решении проблем неучтенной миграции. В-третьих, обобщается опыт работы религиозных объединений в области социального служения.

Оказывается поддержка такому общественному институту, как Окружное межнациональное совещание, на котором принимаются основные направления формирования политики как межнационального, так и гражданского согласия в регионе. На Окружном межнациональном совещании «Толерантность во имя межнационального согласия и сотрудничества» лидеры национально-культурных общественных объединений автономного округа и руководители окружных религиозных объединений приняли решение о проведении в Ханты-Мансийском автономном округе Года межэтнического согласия.

В 2005 году была проведена научно-практическая конференция «Проблема толерантности в полиэтническом регионе: исторический опыт и задачи современности». В этом же году издан сборник докладов, представленных на конференции.

На окружном Межнациональном Совещании при обсуждении темы «Роль национально-культурных объединений в формировании гражданского общества Югры» состоялась встреча Губернатора Ханты-Мансийского авто-

номного округа – Югры с лидерами и активами региональных общественных объединений. Участники встречи констатировали, что в автономном округе нет оснований для конфликтов на национальной почве, отметили важную роль СМИ в формировании позитивных межэтнических отношений.

В целях сотрудничества представителей проживающих в Югре народов, совместного решения задач по достижению межнационального согласия и мира, укрепления национальной безопасности участники совещания предложили разработать программу мероприятий по развитию диалога культур народов округа на 2007–2010 гг. и провести научно-практическую конференцию «Роль и место общественных объединений в сохранении, развитии и защите национальных культурных традиций России», на которой следует обсудить вопросы духовной безопасности региона, защиты его культурного, духовно-нравственного наследия, исторических традиций и норм общественной жизни. На совещании было также отмечено что при сохранении этической специфики региона необходимо активно развивать межрегиональное сотрудничество, связи национальных сообществ внутри региона; разработать комплекс мер по налаживанию и повышению эффективности межконфессионального диалога.

По решению Окружного Межнационального совещания был проведен межрегиональный семинар-практикум «Социальное партнерство государства и общественных объединений – условие стабильности общества». Его цель – приобретение участниками опыта по использованию методов и механизмов эффективного взаимодействия органов власти, инициативных групп и общественных организаций в решении социально-значимых проблем местного сообщества.

В последние годы в округе отмечается значительное увеличение притока мигрантов – как временных, так и приезжающих на постоянное место жительства. Сравнительно большое число мигрантов прибывают из стран СНГ (Украина, Закавказье, Средняя Азия), а также из республик Северного Кавказа. Мониторинг состояния межнациональных и межконфессиональных отношений в Югре показывает наличие отдельных негативных проявлений, которые могут в определенной степени оказать негативное воздействие на характер межэтнических отношений в Югре.

С целью сохранения мира и согласия в округе в последние пять лет идет поиск новых форм управления этноконфессиональными отношениями. Так, в 2004 г. в рамках реализации политики социального партнерства с целью активизации деятельности общественных объединений и включения их в решение широкого круга социальных проблем муниципального образования, равно как и с целью развития активной гражданской позиции у представителей всех общественных объединений при главах муниципальных образований были образованы Советы общественных объединений. В эти Советы

вошли представители всех существующих в муниципальном образовании общественных объединений, включая национальные и религиозные объединения. Теперь представители национально-культурных объединений вместе с другими членами Совета обсуждают и решают весь комплекс проблем муниципального сообщества, а не только проблемы своего народа. Деятельность таких Советов определяется стратегией социально-экономического развития округа, идеологией и политическими установками, разработанными на основе Посланий президента Российской Федерации. На основе этой стратегии разрабатываются направления развития округа на региональном уровне, которые затем спускается на муниципальный уровень. Раз в год в муниципальных образованиях проводится форум общественных объединений, на котором подводятся итоги совместной деятельности сторон. Также проводятся методические семинары с председателями общественных объединений с целью обучения их новым технологиям подготовки документации, привлечения к участию в конкурсе вариативных программ в социальной сфере, а также развития социального партнерства.

О многогранной деятельности советов общественных объединений свидетельствует, например, повестка дня одного из заседаний общественного совета г. Нягань. В нее были включены, в частности, следующие вопросы: отчет о деятельности городского общества инвалидов; вопрос об избрании представителя городского общественного совета в состав межведомственной комиссии по противодействию коррупции в г. Нягань; информация о проектной деятельности городской общественной благотворительной организации «С верой, надеждой, любовью» и др.

Большое внимание в автономном округе уделяется работе по предупреждению межэтнической нетерпимости в молодежной среде. С этой целью проводятся совещания, семинары. Так, например, в г. Нижневартовске в декабре 2006 года состоялся семинар, в котором приняли участие представители студенчества, научного сообщества, национальных, религиозных, молодежных общественных объединений города. По итогам семинара был издан сборник тезисов «Формирование этноконфессиональной толерантности в молодежной среде». Студенты Югорского государственного университета темами дипломных работ берут такие, как: «Межнациональные отношения в молодежной среде», «Этническая толерантность в современном информационном пространстве», «Этническая и межконфессиональная толерантность в международных отношениях: право и современная практика» и др.

В муниципальных образованиях автономного округа проводятся фестивали детских творческих коллективов национально-культурных общественных объединений «В единой Югорской семье», детско-юношеский конкурс «За мир и взаимопонимание».

Молодежь автономного округа активно участвует в соревнованиях по национальным видам спорта: открытом чемпионате Ханты-Мансийского автономного округа – Югры по гребле на обласах (проводятся по инициативе Ассоциации «Спасение Югры»); в открытом чемпионате Ханты-Мансийского автономного округа – Югры по стрельбе из лука (организуется по инициативе РОО «Курултай (Конгресс) башкир»); в окружном открытом турнире по дзюдо «Дети России», который проводится в память о трагических событиях в г. Беслане по инициативе «Центр Осетинской культуры – Алания» и в котором принимают участие спортсмены из Северной Осетии; в традиционных соревнованиях по борьбе, организуемых в праздник Сабантуй РОО «Национально-культурная автономия татар».

На основании соглашений о дружбе и сотрудничестве, заключенных между автономным округом, Республикой Башкортостан, Правительством Республики Татарстан и протокола о намерениях, подписанного с республиками Беларусь, в образовательных учреждениях вводится факультативное изучение татарского, башкирского и белорусского языков.

Законом Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 16 октября 2006 года № 99-оз была утверждена программа «Культура Югры» на 2006–2008 годы. В перечне основных мероприятий имеется подпрограмма «Народное творчество и традиционная культура Югры». В рамках программы регулярно проводятся такие праздники, как окружной праздник «Дружбы народов», окружной фестиваль национальных культур «Соцветие», окружной фестиваль «Мы – Россияне». И здесь уместно вспомнить, что именно русская культура приняла на себя миссию помощи, поддержки национальных культур, развитию взаимного сотрудничества.

С целью воспитания интернационализма и развития этнокультурного диалога ежегодно проводятся комплексные мероприятия «В единой Югорской семье», посвященные принятию Конституции РФ и Дню образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

В средствах массовой информации существует постоянная рубрика «В семье единой».

Важным направлением деятельности органов государственного управления является работа по поддержанию высокого уровня компетентности всех ответственных специалистов, что необходимо для обеспечения единой правоприменительной практики в сфере исполнения законодательства по вопросам национальных отношений. Особое внимание уделяется повышению методических знаний менеджеров, работающих в структуре местного самоуправления. С этой целью проводятся семинары-практикумы, например, «Этноконфессиональная ситуация: проблемы исследования и управления».

И следующее направление – это работа по удовлетворению духовно-нравственных запросов населения окружными средствами массовой информации. ГТРК «Югория» выпускает программу «Согласие», ОТРК «Югра» – программу «Воскресение».

В мониторинге СМИ обязательно отслеживается, что пишут и как пишут на тему межнациональных и этноконфессиональных отношений. Для журналистов проводятся мастер-классы.

Актуальные проблемы современного социума выносятся на обсуждение всего окружного сообщества. Так, по инициативе РОО «Общество русской культуры» и Общественной палаты Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2007 г. состоялись общественные слушания по теме: «Духовно-нравственное состояние и пути этнокультурного развития Югры».

По итогам совместного заседания Президиума Госсовета РФ и Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ от 11 марта 2009 г. в автономном округе были разработаны комплексные меры по совершенствованию механизмов управления в следующих сферах:

- духовно-нравственного развития и воспитания детей и молодежи;
- усиление ответственности за деяния, связанные с незаконным производством и сбытом наркотических средств и продажей несовершеннолетним алкогольной продукции, а также продажей им табачных изделий;
- усиление защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью, нравственному и духовному развитию;
- государственная поддержка благотворительной деятельности религиозных объединений и создаваемых ими некоммерческих организаций, реализующих общественно значимые программы и мероприятия, в том числе в области работы с молодежью и др.

Работникам органов управления, отвечающим за этноконфессиональную ситуацию, важно знать не только о взаимосвязях различных культур, нужно также иметь данные о месте и роли религии в духовной жизни каждой этнической общины. При этом следует учитывать, что присутствие религиозного фактора в деятельности национально-культурных объединений часто имеет латентный, фоновый характер. Следует также обратить внимание еще на один важный момент: кроме этнических меньшинств в округе проживает еще и русское большинство, интересы, комфортность бытия, права и этнокультурные запросы которого необходимо учитывать не в меньшей степени. Иначе получаются перекосы, и из-за этого могут возникнуть новые очаги конфликтности в сфере этноконфессиональных отношений. Управленческие решения лишь тогда могут быть в достаточной мере оправданными, когда они учитывают интересы, потребности, конкретные желания и устремления широких масс населения.

Развитие общественно-государственного партнерства в Ханты-Мансийском автономном округе идет за счет расширения участия общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций в реализации государственной политики округа. Здесь удастся осуществлять общие социальные действия, способствующие формированию в автономном округе единой межнациональной культуры – культуры, в которой люди имеют общую историческую судьбу, в которой укрепляются воля и желание жить вместе, уважая национальные и религиозные различия, сохранять целостность межэтнического сообщества, где не только развиваются самобытные культуры, но и осуществляется их диалог, направленный на решение социальных проблем, стоящих перед всеми жителями округа.

§ 4. Роль национально-культурных объединений в межэтническом сообществе Югры

Для разрешения противоречий в сфере межнациональных отношений и оптимизации влияния миграционных процессов на межнациональные отношения, назрела потребность в изучении роли и возможностей, которые содержатся в деятельности национально-культурных объединений (НКО) – организаций, широко представленных в общественной жизни Ханты-Мансийского автономного округа, и возможностей, которые содержатся в их деятельности.

В настоящее время в округе действует более 70 национально-культурных объединений: национально-культурных автономий (НКА), землячеств, ассоциаций, культурных центров и др. Региональный статус имеют следующие 14 национальных общественных объединений: региональное общественное объединение (РОО) «Общество русской культуры» (Сургут), Обь-Иртышское отдельное казачье общество (Нефтеюганск), РОО «Ассоциация «Спасение Югры»» (Ханты-Мансийск), РОО зауральских коми-зырян «Изъватас» (Ханты-Мансийск), РОО «Национально-культурная автономия (НКА) немцев» (Сургут), РОО автономная некоммерческая организация «Украинский культурный центр» (Сургут), РОО «НКА татар» (Сургут), РОО «Курултай (Конгресс) башкир» (Сургутский район, Лянтор), РОО «НКА народов Дагестана имени Расула Гамзатова» (Нижневартовск), РОО «НКА чечено-ингушского народа» (Сургут), РОО Общество молдавской культуры «Кодры» (Нижневартовск), РОО «Армяне Югры» (Нижневартовск), РОО «Ассоциация культурно-просветительских организаций и обществ «Азербайджан»» (Нижневартовск), РОО «Центр осетинской культуры – Алания».

Однако большая часть представлена местными национально-культурными объединениями – городскими, районными, поселковыми. Все охваченные нашим социологическим опросом национальные группы имеют собственные национально-культурные объединения как на уровне округа в целом, так и на местном уровне.

В правовом отношении национально-культурные объединения подразделяются на объединения, образованные в соответствии с федеральным законом «Об общественных объединениях» от 1995 г., и на объединения, образованные в соответствии с федеральным законом «О национально-культурной автономии» от 1996 г. К первому типу объединений относятся все объединения, кроме национально-культурных автономий, которые и представляют собой второй тип национально-культурных объединений.

В Ханты-Мансийском округе под определение потенциальных субъектов национально-культурной автономии не могут подходить только представители русской национальной группы населения. На практике право на создание национально-культурной автономии не реализуют также представители коренных малочисленных народов Севера, поскольку, являясь титульными для округа национальностями, они реализуют право на самоопределение в рамках национально-территориальной автономии. В автономном округе, таким образом, национально-культурная автономия оказалась востребованной исключительно диаспорами, т.е. национальными группами, живущими за пределами своей исторической родины в иноэтническом окружении. Создание национально-культурных объединений, как в виде национально-культурных автономий (НКА), так, впрочем, и в виде общественных объединений (ОО), является способом социальной институционализации диаспор, повышающим степень их устойчивости, а, значит, и жизнеспособности.

Однако надо подчеркнуть, что в автономном округе два упомянутых типа национально-культурных объединений округа наделены в основном одинаковым объемом прав и гарантий поддержки органами государственной власти и муниципального управления, поскольку ФЗ «Об общественных объединениях» допускает возможность конкретизации его положений о правах и гарантиях деятельности национально-культурных объединений в направлении их сближения с соответствующими положениями ФЗ «О национально-культурной автономии».

Социологические исследования, проведенные нами в 2004 и 2007–2008 гг. в большинстве городов Югры (Сургуте, Ханты-Мансийске, Нижневартовске, Нефтеюганске и Лангепасе и др.), показали, что большинство национальных общностей округа относится к диаспорному типу: таковы национальные группы украинцев, белорусов, башкир, азербайд-

жанцев, чеченцев, представителей народов Дагестана, армян, казахов, таджиков, узбеков, туркмен. Несколько особняком в этом плане стоит татарская группа населения – хотя татары и образовали НКА, но едва ли они в полной мере могут быть квалифицированы как диаспора в силу их сравнительной многочисленности и исторической укорененности – в лице сибирских татар – в югорском крае.

Надо иметь в виду, что не все представители той или иной этнической группы являются членами соответствующего национально-культурного объединения. По данным социологического опроса членами национально-культурных объединений являются лишь 40% опрошенных. В соответствующих национальных группах они представлены в следующих пропорциях: русские – 38%, украинцы – 33%, белорусы – 35%, татары – 21%, башкиры – 35%, азербайджанцы – 67%, чеченцы – 66%, народы Дагестана – 22%, армяне – 52%, казахи – 75%, народы Севера – 30%.

Деятельность национально-культурных объединений соотнобразовывается с целями, определенными в законе, на основе которого они организуются и направлены на «решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры». В рамках указанного направления деятельности национально-культурными объединениями с помощью государственных и муниципальных органов управления создаются национальные школьные классы для изучения родного языка и культурных традиций. Сохранению и развитию национальных культур служат также установление и поддержание связей национально-культурных объединений с историческими родинami их членов, издательская деятельность, соби́рание библиотек на национальных языках, организация соответствующих выставок, фольклорная самодеятельность, проведение национальных праздников, концертов, фестивалей и др. Деятельность по сохранению и развитию национальных культур национально-культурные объединения осуществляют, сотрудничая в тех или иных формах с традиционными для национальностей конфессиями¹.

Национальные школьные классы для изучения родного языка и культурных традиций к настоящему времени созданы азербайджанским, армянским, башкирским, немецким, татарским, казахским национально-культурными объединениями. В национальных классах преподаются родной язык, родная литература, история, география. В тесном взаимодействии с окружающей Ассоциацией «Спасение Югры» действуют школы и классы, в которых изучаются хантыйский и мансийский языки, в целом культурное наследие народов Севера. Школы и классы для детей народов Севера продолжают

¹ Подробнее об этом см.: Тюгашов Е.А., Выдри́на Г.А., Попков Ю.В.. Этноконфессиональные процессы в современной Югре. Новосибирск, 2005. С. 63–64.

уже более чем вековую образовательную и педагогическую традицию. Под эгидой РОО «Общество русской культуры» действует Школа русской культуры. На базе этой школы Общество русской культуры реализует образовательную программу, в которой кроме общеобразовательных предметов школьники осваивают музыкальный фольклор, игру на музыкальных инструментах, в том числе – народных, театральное искусство, рисование, различные рукоделия и др.

Члены национально-культурных объединений представляют собой сообщества, для которых характерна высокая степень взаимопомощи. В целом по массиву 70,8% опрошенных считает, что помощь друг другу члены национально-культурных объединений оказывают постоянно, 25,3% полагает, что такая помощь оказывается время от времени, и только 3,9% утверждает, что помощь друг другу члены объединений не оказывают. Постоянную помощь друг другу в рамках национально-культурных объединений, судя по данным опроса, особенно часто оказывают представители национальностей Кавказа. Очень высокая степень постоянной взаимопомощи характерна для членов украинского национально-культурного объединения. Далее по мере убывания степени постоянной взаимопомощи в рамках национально-культурных объединений следуют: татары, русские, белорусы, казахи, башкиры, представители народов Севера. Но вообще помощь друг другу – постоянную и/или от случая к случаю – члены национально-культурных объединений обязательно оказывают: это подтверждается подавляющим большинством опрошенных лиц каждой из национальностей.

Виды помощи, оказываемой национально-культурные объединения своим членам, многообразны. В целом по массиву указывают на то, что национально-культурное объединение «способствует трудоустройству» 50,0% респондентов; на то, что «оказывает организационную и материальную поддержку при проведении ритуальных церемоний» – 40,4%; «оказывает помощь и поддержку вновь прибывающим в округ соотечественникам» – 38,9%; «оказывает денежную поддержку детям-сиротам, ветеранам, пожилым, малоимущим» – 34,3%; «дает юридические консультации» – 33,4%; «организует изучение национального языка» – 28,9%; «организует летний отдых детей» – 20,5%; «организует лечение» – 13,2%; «другое» – 9,8%.

Как видим, помощь, оказываемая национально-культурными объединениями своим членам, разнообразна. Это, конечно, не только способствует консолидации членов национально-культурных объединений, но и создает привлекательный образ и повышает влияние этих объединений в среде соответствующих национальных групп населения и диаспор.

Наиболее значимо это влияние национально-культурного объединения на соответствующие национальные общности отражено в таком виде

помощи как поддержка вновь прибывающих в округ соотечественников. В разрезе по национальностям на то, что национально-культурные объединения поддерживают вновь прибывающих, указали (в порядке убывания величины доли) 55,6% чеченцев, 54,5% татар, 50,0% армян, 46,2% белорусов, 44,4% украинцев, 40,0% представителей народов Дагестана, 39,4% азербайджанцев, по 30,0% русских и башкир, и 18,2% казахов, отличающихся особенно низкой поддержкой вновь прибывающих соотечественников. И это особенно обращает на себя внимание, поскольку данная национальная группа относится к диаспорному сообществу, этническая родина которого находится не просто за пределами автономного округа, но и за пределами Российской Федерации.

Конкретные формы оценок роли объединений зависят во многом от того, с какими трудностями при осуществлении своей деятельности им приходится иметь дело. Данные опроса экспертов показали, что, по их мнению, эти проблемы, осложняющие деятельность национально-культурных объединений, лежат по большей части в плоскости внешних условий их деятельности и только во вторую очередь – во внутренней для объединений сфере, в сфере их самостоятельности. Так, по мнению 43,2% экспертов проблемой, затрудняющей деятельность национально-культурных объединений, является «недостаточное внимание к нуждам объединений со стороны окружных органов управления»; 22,7% экспертов указывает на «недостаточное внимание к нуждам объединений со стороны муниципальных органов управления»; 28,4% экспертов отмечает в этой связи «неудовлетворительное состояние правовой базы деятельности объединений». Таким образом, в общей сложности на внешние условия (т.е. на властно-управленческий и правовой контекст деятельности национально-культурных объединений), как на затрудняющие своим несовершенством эту деятельность, указали 94,3% голосов экспертов. Под «недостаточным вниманием к нуждам объединений» подразумевается, по преимуществу, неудовлетворенность объемом материальной помощи, оказываемой им окружными и муниципальными властями.

Сумма же долей мнений, сводящихся к указаниям на недостатки в самостоятельности национально-культурных объединений, намного меньше – 55,7%; эта последняя сумма складывается из 26,1% голосов экспертов, считающих, что проблема заключается в «разногласиях внутри объединений», из 18,2% голосов тех, кто видит проблему в «слабой координации деятельности объединений в организации и проведении совместных мероприятий» и из 11,4% мнений о том, что проблема состоит в «разногласиях между объединениями».

Выходит, что эксперты склоняются к тому, что на первый план в качестве проблем, от решения которых зависит дальнейшее развитие деятельности национально-культурных объединений, следует выдвинуть

проблемы совершенствования внешних – управленческих и правовых – условий деятельности объединений. Проблемы же развития самостоятельности объединений, решение которых, главным образом, зависит от них самих, эксперты считают менее актуальными. Указанное обстоятельство усиливает перекося в настроениях членов национально-культурных объединений в пользу мнения, что резервы совершенствования их деятельности таятся почти исключительно во внешних факторах, а не в развитии собственной инициативы и активности.

На наш взгляд, подобные настроения членов национально-культурных объединений и представителей диаспор являются широко распространенными не случайно. Они отражают определенные моменты статуса национально-культурных объединений в том виде, как он закрепился в действующей законодательной базе и в сложившейся практике реализации этого статуса органами государственного и муниципального управления.

В действительности, судя по вполне надежным данным документов и наблюдений, в положительную сторону в рассматриваемом плане выделяются РОО «Общество русской культуры», РОО «Ассоциация «Спасение Югры»», РОО «НКА татар».

Что же касается направления, связанного с укреплением межнационального согласия, то оно до последнего времени в деятельности большинства национально-культурных объединений было отодвинуто на задний план. Хорошо уже, если деятельность, направленная на укрепление межнационального согласия, выражается в организации широких публичных мероприятий (национальных праздников, концертов, конкурсов), которые служат формой ознакомления представителей разных национальностей с культурами друг друга, и в участии в совместных с другими объединениями культурных мероприятиях городского и порой – окружного масштабов. В этом плане в положительную сторону также выделяются «Общество русской культуры», «Ассоциация «Спасение Югры», «НКА татар».

То, что взаимодействие между национально-культурными объединениями является не достаточно активным, видно из результатов нашего социологического опроса: в целом только 25,5% респондентов считает, что взаимодействие между национально-культурными объединениями является достаточно активным; 29,4% опрошенных считает, что взаимодействие не очень активно; 17,5% опрошенных считает, что национально-культурные объединения взаимодействуют слабо; 27,6% респондентов затруднились ответить на этот вопрос.

Устав Общества русской культуры предусматривает как работу по развитию русской национальной культуры, так и деятельность по укреплению межнационального согласия. В Школе русской культуры школьни-

ки знакомятся не только с русским фольклором, традиционным искусством и культурой, но и с соответствующими образцами таковых у других народов России, прежде всего – у народов Севера; в школе также действуют два класса для детей-ханты с уклоном в изучение хантыйского языка. Общество русской культуры постоянно инициирует проведение совместных мероприятий с другими национально-культурными объединениями. По инициативе Общества русской культуры ежегодно (с 1999 года) проводится «Славянский ход» – акция, имеющая широкий общественный и культурный резонанс. Акция состоит из экспедиции по реке Обь, в которой участвуют краеведы, этнографы, историки, искусствоведы, деятели культуры. Проходят семинары, круглые столы по проблемам воспитания молодежи, взаимодействия традиционных культур русского и коренных народов Севера. Общество русской культуры активно участвует в окружных Днях славянской письменности и культуры, в городском фестивале национальных культур «Соцветие».

Ассоциация «Спасение Югры», осуществляя деятельность по сохранению этнической самобытности и культуры коренных малочисленных народов Севера, придает этой деятельности широкий публичный характер с тем, чтобы обычаи, традиции этих народов вошли в жизнь многонационального населения округа. Так, широкое звучание приобрели организуемые Ассоциацией Дни национальной культуры народов Севера (День оленевода, День обласа, медвежьих игрища и др.). Надо сказать, что достижение цели сохранения этнической самобытности и культуры малочисленных народов Ассоциация ставит в связь с общезначимой для всех национальных общностей округа задачей защиты природной среды обитания

Инициативность «НКА татар», выводящая деятельность данного национально-культурного объединения за рамки деятельности только по сохранению национальной самобытности, особенно ярко проявляется в организации Сабантуя – традиционного праздника татарского и башкирского народов. В округе, в городах и районах округа Сабантуй стал межнациональным праздником.

С целью активизации деятельности общественных объединений и включения их в решение широкого круга социальных проблем муниципального образования (в рамках реализации политики социального партнерства) в 2004 г. были образованы при главах муниципальных образований Советы общественных объединений, куда вошли и представители национальных и религиозных общественных объединений муниципального образования.

Опыт государственного регулирования этноконфессиональных отношений, накопленный в Ханты-Мансийском АО – Югре, может служить наглядным примером того, как многонациональный и поликонфессиональ-

ный субъект Российской Федерации стремится поддерживать стабильность в этноконфессиональных отношениях, в которых есть тенденции к обострению, но одновременно есть факторы, способствующие усилению стабильности. Опыт управления, приобретенный в нынешнее нелегкое время, позволит избежать ошибок и конфликтных ситуаций в будущем, т.к. основной задачей для органов власти всегда было и остается поддержание межэтнического и межрелигиозного мира, развитие диалога между государственной властью и общественными организациями с целью соблюдения общественных интересов и с учетом возможностей влияния этноконфессиональных отношений на общественную стабильность.

Если исходить из изложенных ранее критериев социокультурности, то в практике регулирования межэтнических взаимодействий в Югре многие действия субъектов регулирования соответствуют требованиям единства его социальных и культурных аспектов. Что же касается личностных аспектов межэтнических взаимодействий, то, судя по тому, что фактор «неуважения национально-культурных особенностей тех или иных народов» является, по оценке респондентов, наиболее значимым из числа факторов, вызывающих межэтническую напряженность, то они пока недостаточно изучены и, естественно, если и учитываются в практике регулирования, то полуинтуитивно и вне системной связи с социальными и культурными аспектами.

Глава 6. Роль общеобразовательных учреждений в этнокультурном образовании и воспитании молодежи (по материалам социологического исследования в г. Новосибирске)

Успешность внешней и внутренней политики государства во многом определяется выбором стратегии взаимодействия как во внешнем, так и во внутреннем пространстве. Российское общество сегодня столкнулось с проблемой взаимной адаптации мигрантов и принимающего населения. Основными центрами взаимодействия и перемешивания разных народов и культур становятся города, где имеются значительные по количеству и влиянию диаспоры, относящиеся к разным народам. Новосибирск, как крупный поликультурный город, также ощутил на себе усиление миграционных потоков.

Сегодня остро встают вопросы регулирования межэтнических взаимодействий: согласования интересов и культурных традиций уже проживающего населения и нового, приходящего со своими традициями, нормами жизни и правилами поведения, этического воспитания молодежи, проявляющиеся в нетерпимости, неуважительном отношении к представителям другой культуры. Огромную роль в решении этих проблем играют учреждения системы образования, и в первую очередь школа как один из наиболее стабильных общественных институтов социализации, образования и воспитания молодежи.

В последние годы школьные учителя испытывают в своей работе большие нагрузки: классы становятся все более многонациональными, причем некоторые из учеников не знают русского языка или знают его недостаточно, чтобы успешно осваивать школьную программу. В таких классах не менее существенны проблемы, возникающие в связи с тем, что многие дети являются носителями разных этнокультурных традиций, отличаются друг от друга ценностными ориентирами, религиозными представлениями, реакциями на однотипные ситуации, конкретными моделями поведения. В подобной ситуации педагогам необходимо искать решение возникающих сложных вопросов совместно с родителями и детьми.

Органы государственного управления сегодня испытывают острую потребность в получении информации, которая бы раскрывала содержание межэтнического и конфессионального общения как среди молодежи, так и среди жителей города в целом. Тогда как регулирование межэтнических и межконфессиональных отношений требует научного обоснования решений, принимаемых соответствующими органами управления, информационного обеспечения деятельности образовательных и воспитательных учреждений.

В 2011 г. по заказу Управления общественных связей, Управления образования Мэрии г. Новосибирска сотрудниками Института философии и права СО РАН под руководством автора было проведено конкретное социологическое исследование, с целью изучения воспроизводства этнической структуры в системе межэтнических и конфессиональных взаимоотношений населения г. Новосибирска.

В ходе исследования опрошено 1374 человека: 414 взрослых граждан; 372 школьных педагога (классных руководителей); 588 молодых людей в возрасте 13–20 лет, обучающихся в школах, гимназиях, профтехучилищах и техникумах г. Новосибирска. Основное внимание в исследовании уделено молодежи, так как именно среди молодых людей в силу возрастных особенностей проблемы межэтнических взаимоотношений могут проявляться наиболее остро. Анкетный опрос проводился в 34 школах, трех лицеях и семи гимназиях, трех профессиональных училищах и трех техникумах, т. е. в 50 образовательных учреждениях всех районов города Новосибирска.

Согласно данным Всероссийской переписи 2010 г.¹, на территории Новосибирской области были зарегистрированы представители более 180 национальностей и национальных групп, при этом по 68 национальностям численность не превысила 5 чел. В г. Новосибирске проживают представители 129 этнических групп (национальностей), при этом 92,8% жителей города – русские.

В выборочной совокупности социологического опроса молодежи помимо 78% русских оказались представители следующих народов: армяне, азербайджанцы, татары, узбеки, украинцы, езиды, казахи, киргизы, цыгане, корейцы, немцы, таджики, тувинцы, арабы, белорусы, буряты, греки, грузины, кубинцы, курды, удмурты, уйгуры, чеченцы.

В последние годы произошло не только увеличение числа этнически смешанных классов, но и количества национальностей, представленных в классе. Так, если в 2005 году многонациональные классы состояли из представителей 2–3-х национальностей, то данные опроса классных руководителей в 2011 г. выявили наличие классов, где учатся дети 4–8 национальностей.

§ 1. Социальная напряженность в межнациональных отношениях молодежи

Среди проблем межличностного общения, с которыми наиболее часто сталкиваются подростки, по степени усиления эмоциональной остроты и опасности развертывания открытого конфликта с применением

¹ Национальный состав населения Новосибирской области: Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года / Тер. орган Федер. службы гос. статистики по Новосибирской области. Новосибирск, 2012. С. 23.

физического насилия можно выделить: 1) соперничество за лидерство; 2) вербальное выражение неприязни (присваивание обидных прозвищ, высмеивание отдельных черт, ругательства); 3) психологическое давление с целью подавления противостоящей стороны и ее подчинения; 4) физическое насилие как непосредственное воплощение намерений в подавлении и подчинении, несущее прямую угрозу здоровью и жизни соперника; 5) вымогательство денег, вещей и т. п. как следствие достигнутого результата и удовлетворения амбиций в подчинении другого человека. Все выше перечисленные проблемы можно рассматривать как различные стадии развития единого процесса, однако зачастую они существуют и вне прямой зависимости друг от друга.

В ходе исследования молодым людям задавался вопрос о том, с какими из проблем в межэтнических отношениях с представителями других народов им приходилось сталкиваться? На подобный вопрос отвечали также классные руководители.

Наиболее часто среди своих сверстников, принадлежащих к разным народам, 61% учащихся и 65% классных руководителей (рис. 1) отметили, что сталкивались с присваиванием прозвищ, кличек в зависимости от национальной принадлежности, с высмеиванием отдельных национальных черт, ругательствами и неприличными высказываниями учащихся в отношении к людям другой национальности.

На втором месте по степени распространенности 58% учителей и 55% молодых людей высказали мнение, что сталкиваются с соперничеством между представителями разных народов за лидерство как формой соревнования, конкуренции, которая может и не перерасти в борьбу и конфликт, но потенциально подготавливает к нему.

На третьем месте по степени значимости оказалась проблема психологического давления, близкая предыдущим, но более сложная, крайняя форма целенаправленного, вербального и невербального, воздействия. Факты оскорблений по национальному признаку, угрозы встречали в своей школьной жизни 47% молодых людей, тогда как из классных руководителей с психологическим давлением в межэтнических отношениях молодежи сталкивались лишь 33%.

Четвертыми по степени значимости оказались факты физического насилия - избиение, драки отмечались 29% опрошенных учащихся и 20% педагогов.

В меньшей степени среди проблем межличностных отношений отмечены факты вымогательства вещей и денег (о таких случаях не спрашивалось в анкете классных руководителей), но среди опрошенной молодежи 21% отметили, что сталкивались с такими случаями за время своей учебы.

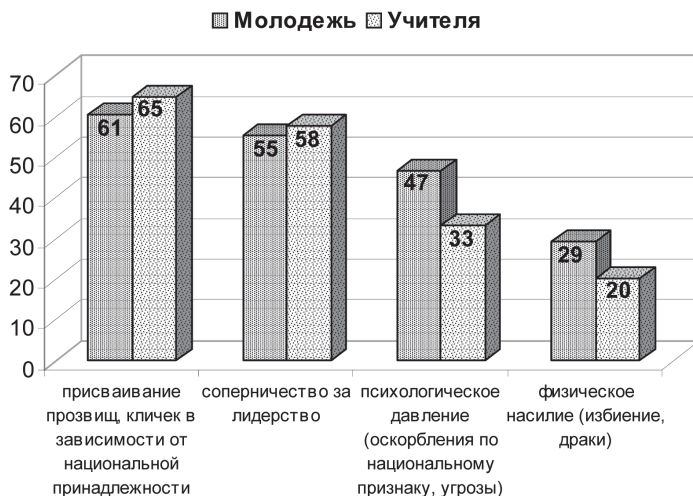

Рис. 1. Проблемы межличностных отношений среди молодежи разной этнической принадлежности

С одной стороны, в целом степень остроты проблем межличностного общения (в порядке их возрастания до угрозы открытого физического конфликта) можно оценить как низкую – сам факт этого позитивен. Однако, с другой стороны, частота столкновения с этими проблемами, выраженная в количестве ответов, а также содержание ответов молодых людей впечатляют. Кроме фактов прямого психологического давления, физического насилия и вымогательства, с другими проблемами межнационального общения на личностном уровне так или иначе сталкивалось более половины молодежи, что подтверждает все же наличие высокой степени скрытой, латентной напряженности в сфере межнациональных отношений.

Среди других проблем, возникающих в сфере межличностного взаимодействия между молодыми людьми разной национальной принадлежности, респонденты отметили следующие личные, психологические проблемы: «пренебрежительное отношение», «их тупость» (имеется в виду оценка умственных способностей представителей другой национальности – Д.У.), «недоверие», «игнорирование», «иногда бесят», просто «неприятнь», чувство «отвращения». Из проблем социальной неприязни следует отметить также: нетерпимость, выраженную в высказываниях по поводу демонстрации «чувств превосходства по национальному признаку», «курения», «неуважительного отношения к мусульманам» с добавлением «но не в отношении меня», просто «неуважение ко мне», «фашизм» или соперничество «за девушку».

Особая специфика проявления этничности в проблемах, возникающих на межличностном уровне, заключается в том, что задеваются самые глубокие социальные основы бытия личности. Так, например, любое личное оскорбление без этнической «окраски», например «дурак», может быть воспринято снисходительно – «сам дурак». Но если данное оскорбление затрагивает этнические аспекты (например, «русская свинья» или «чурка»), то оно может восприниматься значительно более остро: как оскорбление близкого социального окружения (оскорбления родителей, близких, рода, народа), с которым отождествляет себя личность, и в этом случае конфликт перерастает из межличностного в глубоко социальный. И если личное оскорбление человек еще может как-то простить, то простить, когда обижают его близких, ему значительно труднее и практически невозможно.

С целью выявления установок в межнациональных отношениях, направленных на позитивное или негативное взаимодействие с другими этносами, молодым людям был задан вопрос: «Какие чувства ты испытываешь чаще всего к представителям следующих народов?». Предлагалось выразить свое отношение к 38 этносам в оценках «симпатия (нравятся)», «никаких чувств» и «антипатия (не нравятся)». При анализе данных ответ «никаких чувств» игнорировался, а учитывался результат соотношения симпатий (А) и антипатий (В), вычисленный путем вычитания меньшего из большего.

В составе 38 этнических групп, включенных в список для анкетного опроса, были народы, представляющие этнический состав населения г. Новосибирска, основные цивилизации мира – западную (европейскую, американскую), восточную (китайскую, японскую), африканскую, исламскую, а также народы России, Сибири и бывшего СССР. Эта методика уже была применена нами в опросе новосибирской молодежи в 2005 г.¹, что позволило сравнить полученные данные и рассмотреть трансформации межэтнических установок, произошедшие в общественном сознании молодых людей за шесть лет.

Результаты ответов представлены на рис. 2, показывающем разницу между долями всех респондентов – молодых людей, высказавших симпатии и антипатии к конкретным народам. По полученным данным можно увидеть, что если в 2005 г. чувства симпатии преобладали лишь в отношении девяти из 38 народов, то в 2011 г. положительные оценки получили представители уже 17 народов. То есть симпатии преобладают над антипатиями теперь почти в 2 раза чаще, а это означает, что за шесть лет межэтнические отношения улучшились почти в 2 раза.

¹ См.: Ушаков Д.В. Межнациональные отношения городских школьников (по материалам социологического исследования в г. Новосибирске). Новосибирск, 2006.

Наибольший перевес позитивных оценок заметен в симпатиях к русским, однако в 2011 г. он немного снизился – на 7% (в 2005 г. А – В = 88%, а в 2011 г. А – В = 81,3%). Большое количество позитивных оценок в отношении русских объясняется тем, что среди опрашиваемой молодежи русских большинство, а вот незначительное снижение количества положительных оценок за последние шесть лет свидетельствует о том, что русские стали немного скромнее относиться к своему народу. За эти годы значительно улучшилось отношение к белорусам, японцам, казахам, немцам, американцам, армянам, якутам, бурятам, татарам, молдаванам и туркам.

В настоящее время увеличилось количество положительных оценок, выраженное в разности симпатий и антипатий, по отношению к европейским народам: французам, англичанам и грекам. Высока степень симпатий к близким соседям: украинцам, алтайцам и белорусам. Больше позитивных эмоций также вызывают у молодых людей японцы, казахи, немцы и американцы.

Сравнительно невысокую, но позитивную, оценку получили армяне, якуты, буряты, татары, молдаване и турки. Практически нейтральное отношение в 2011 г. выражено к эфиопам, латышам и хакасам (от –0,2 до –0,3%).

Незначительный перевес антипатий (не нравятся) над симпатиями (нравятся) зафиксирован в отношении корейцев, китайцев, киргизов, монголов, тувинцев, ингушей, чукчей, азербайджанцев, езидов, эвенков.

Несколько более сильное негативное отношение выражено к грузинам, евреям, туркменам, узбекам, вьетнамцам и таджикам. Незначительный перевес антипатий по отношению к этим народам в каждом конкретном случае объясняется различными мотивами, однако среди наиболее распространенных причин можно предположить: 1) сложившиеся стереотипы обыденного мышления (гиперболизацию определенных черт характера того или иного народа, выраженную в анекдотах, байках, легендах); 2) конкретную ситуацию, сложившуюся в силу социально-политических, социально-экономических, конкретно-исторических условий; 3) деятельность отдельных политиков и средств массовой информации, акцентирующих внимание населения на проблемах в сфере межнациональных и конфессиональных отношений.

Среди народов, в отношении которых значительно перевесили негативные оценки, как и в 2005 г., оказались чеченцы и цыгане. Однако и к этим народам за последние шесть лет преобладание антипатии над симпатиями значительно уменьшилось: с 46,7 до 37,1% – к цыганам и с 46% до 21,9% – к чеченцам.

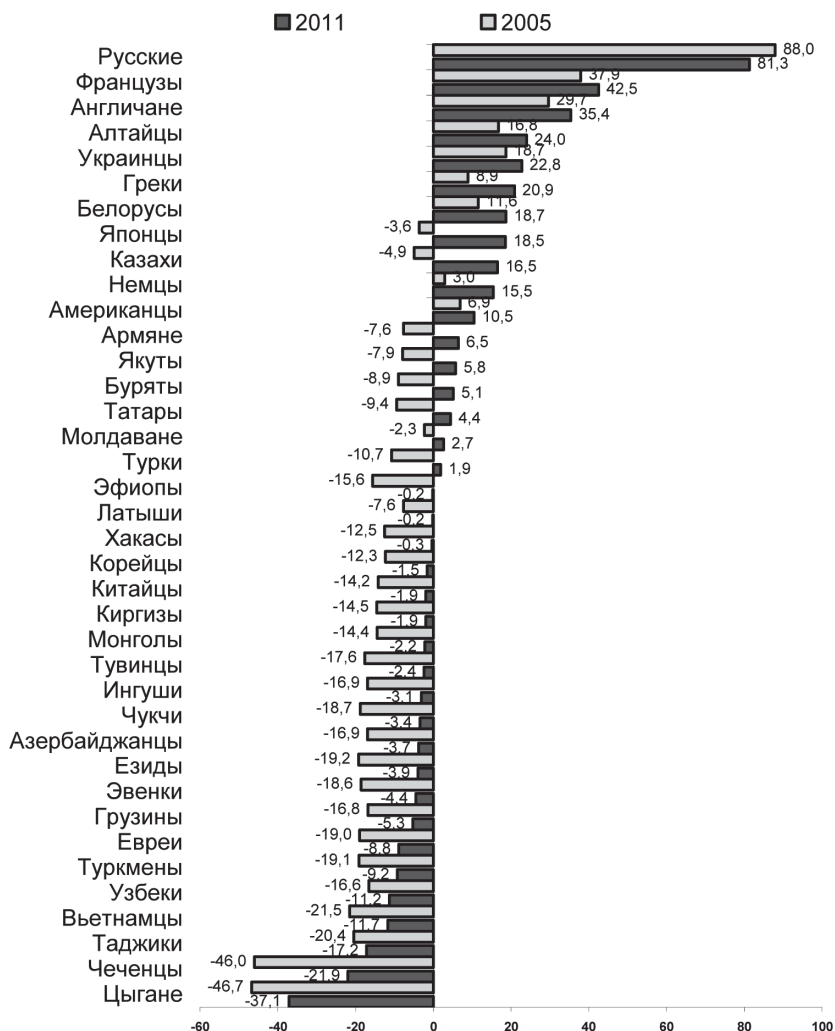

Рис. 2. Преобладание симпатий над антипатиями (и наоборот) к различным народам среди учащихся г. Новосибирска (выборка 2011г. – 588 чел., выборка 2005 г.– 839 чел.),

Ответы на дополнительный вопрос о причинах симпатий и антипатий, во-первых, подтвердили в целом результаты этих оценок, а во-вторых, показали, что негативное отношение к чеченцам вызвано в основном па-

матью о военных действиях. И если говорится, что «война не закончена, пока не погребен последний солдат, погибший на этой войне», то любой этнический или религиозный конфликт не закончен, пока живы потомки (дети, внуки, правнуки) тех, кто погиб в межнациональных, межрелигиозных столкновениях, пока жива историческая память о связанных с ними семейных трагедиях. Поэтому политикам, пытающимся прославиться на поприще этноконфессиональной вражды, следует помнить о том, что их неприятие представителями тех или иных, ранее враждовавших, народов будет длиться, пока не умрет последний внук тех, кто погиб в боевых действиях, которые были санкционированы этими политиками.

Отрицательное отношение к цыганам связано с негативной оценкой антисоциальной деятельности отдельных лиц (мошенничества, воровства и торговли наркотиками) большинством населения, которая нередко проецируется на весь этнос. Определенную роль в негативном образе представителей этого народа играет некоторая замкнутость их культуры, психологическая закрытость цыган при яркой внешней атрибутике этнокультурных особенностей этого народа, а также определенная доля мифологизации их образа у остального населения.

Большая часть позитивных мотивов была выражена русскими в отношении своего народа: «это моя национальность», «соотечественники», «я русский», «потому что это моя Родина», «славяне», «славяне – это свои», «они моей национальности», «потому что я сама русская», «добрые, дружелюбные», «только русские». Позитивный автостереотип в отношении своего народа высказал и один чеченец: «приятно общаться». Из близких народов позитивные оценки от русских получили украинцы: «нравится говор», «наши друзья». Среди других народов симпатии выражены к итальянцам, англичанам, японцам и американцам: «у них вкусная кухня, красивая страна», «у японцев порядок и качество», «очень цивилизованный, дружелюбный народ», «очень нравится Италия, хочу там побывать», «мне нравится история развития личности японца»; «очень красивый язык», «нравится их родной язык». Лишь в одном случае русский молодой человек выразил симпатию в отношении к немцам в качестве осознанной националистической позиции: нравятся «потому что одни из первых ввели фашизм». Но также одно позитивное высказывание в отношении русских было высказано узбекской девушкой: «они хорошо относятся к людям».

Мотивы негативного восприятия выражены в основном русскими в отношении азербайджанцев, таджиков, армян, узбеков, чеченцев, цыган, китайцев, американцев, бурят, монголов, казахов, киргизов, тувинцев, японцев и корейцев. Среди наиболее выраженных мотивов отрицательного восприятия других народов оказались: «они ужасные люди», «из-за них

много проблем», «они не моются», «лезут куда не просят», «не уважают традиции других народов», «народ “бомж”», все время воруют (но не все)», «грязные, невежественные, необразованные», «приезжая в нашу страну, они неуважительно относятся к ней», «потому что они слишком много о себе возомнили»; «не нахожу с ними общего языка», «грубо относятся к людям», «хитрый народ», «которые не знают культуру России, приезжают к нам и творят, что им вздумается», «агрессивные», «не нравится их внешность». Часть негативных мотивов – неосознанные: «не могу сказать – чувства», «необъяснимо», «необъяснимая неприязнь», «не нравятся», «я русский патриот». Вместе с тем есть и откровенно националистические высказывания: «мерзкие», «надоедливые, узкоглазые с дефектами на лице», «практически все грязные обезьяны», «их много и они заполняют землю», «чурки нарывистые».

Если же в целом сравнить данные, полученные с помощью закрытого и открытого вопросов, то можно отметить, что негативных оценок (антипатия) в отношении одних народов больше, чем позитивных оценок (симпатия) в отношении других, но незначительно, и практически они уравниваются, отражая определенный баланс между интолерантным и толерантным типами отношений к представителям разных народов и культур, сложившимися у молодежи города. Важнейшим вопросом регулирования межэтнических отношений являются, во-первых, их оценка педагогами, которые могут непосредственно влиять на установки молодежи а, во-вторых, возможности и перспективы гармонизации этих отношений сегодня и в обозримом будущем.

§ 2. Экспертные оценки педагогов состояния межэтнических отношений среди учащихся

С целью получения общей картины межнациональных отношений в школах, лицеях и гимназиях города Новосибирска классных руководителей попросили оценить качество отношений между детьми разных национальностей в их классах.

В целом качество межнациональных отношений классные руководители, работающие в многонациональных классах, оценивают как благополучное (см. табл. 1). Межнациональные отношения как дружеские оценили 48,0% экспертов, как благожелательные – 18,8%. Если сложить эти оценки, то они, являясь в целом положительными, несомненно, составляют подавляющее большинство (66,8%). Значительное количество экспертов оценили их как нейтральные, ровные – 22,9%. Отрицательные оценки оказались незначительными: как терпимые их оценили только 9% классных руково-

дителей и как враждебные – 1,3%. И все же негативные оценки показывают, что фактически в 10% классов с межнациональным составом отношения школьников сложились непростые.

Таблица 1

**Экспертная оценка педагогами
качества межэтнических отношений школьников,
% в группе**

Как бы Вы оценили качество отношений между детьми разных национальностей в Вашем классе?	Этнически смешанные классы	Все классы
Как:		
Дружеские	48,0	44,3
Благожелательные	18,8	18,6
Нейтральные, ровные	22,9	26,0
Терпимые	9,0	9,5
Напряженные недружеские	1,3	1,7
Все	100,0	100,0

Качество межнациональных отношений можно оценивать, обращая внимание на то, как часто приходится сталкиваться классным руководителям с определенными проблемными ситуациями в сфере межэтнических отношений учеников.

Рассмотрим проблемы в межличностных отношениях детей разных национальностей, с которыми сталкиваются в своей работе педагоги. Так, по частоте столкновений с негативными ситуациями можно судить о степени распространения этих проблем среди детей разных национальностей, а взаимоотношения детей разных национальностей в школе являются важным индикатором качества подобных взаимоотношений в обществе.

В таблице 2 представлено общее распределение всех ответов классных руководителей по поводу столкновения с теми или иными проблемами в межнациональном общении школьников в своей работе.

Согласно ответам классных руководителей, им чаще всего приходится сталкиваться со словесными и скрытыми формами выражения неприязни в межэтнических отношениях среди школьников: присваиванием прозвищ, кличек («часто» – 16,0% и «иногда» – 48,9%), с враждебными высказываниями о людях другой национальности («часто» – 9,5% и «иногда» – 53,3%), соперничеством за лидерство («часто» – 19,1% и «иногда» – 38,5%).

Таблица 2

**Экспертная оценка этноконфессиональных проблем
во взаимоотношениях школьников разных национальностей,
% в группе**

Как часто Вы сталкиваетесь в своей работе со следующими проблемами в межличностных отношениях детей разных национальностей:	Часто	Иногда	Никогда	Всего
Присваивание прозвищ, кличек	16,0	48,9	35,1	100,0
Враждебные высказывания о людях другой национальности	9,5	53,3	37,2	100,0
Соперничество за лидерство	19,1	38,5	42,4	100,0
Неуважение к обычаям, традициям и языку иных национальностей	6,3	41,1	52,7	100,0
Сохранение предрассудков, мешающих установлению дружеских отношений	5,5	36,6	57,9	100,0
Недружелюбные высказывания о людях другой веры	5,1	35,7	59,2	100,0
Психологическое давление (оскорбления по национальному признаку, угрозы)	5,1	28,0	66,9	100,0
Физическое насилие (избиение, драки)	2,3	18,0	79,7	100,0

Несколько реже педагоги сталкиваются с более явными и осознанными фактами неприязни в межнациональных отношениях: «неуважением к обычаям, традициям и языку представителей других национальностей» («часто» – 6,3% и «иногда» – 41,1%), «сохранением предрассудков, мешающих установлению дружеских отношений между представителями разных наций» («часто» – 5,5 и «иногда» – 36,6%), «недружелюбными высказываниями о людях другой веры» («часто» – 5,1% и «иногда» – 35,7%), и с «психологическим давлением (оскорблениями по национальному признаку, угрозами)» («часто» – 5,1% и «иногда» – 28,0%).

Подавляющее большинство (79,7%) педагогов ответили, что никогда не сталкивались с такими явными фактами неприязни и проявлениями агрессии в межнациональных отношениях, как «физическое насилие (избиения, драки)».

Такое распределение ответов показывает относительное благополучие в сфере межнациональных отношений среди новосибирских школьников. Вместе с тем достаточно тревожной тенденцией остается высокая суммарная величина скрытой (латентной) напряженности и фактов явной неприязни в межнациональных отношениях школьников, проявляющейся на вербальном уровне (негативные высказывания, прозвища, оскорбления).

Если обратить внимание не на частоту, а на наличие самих таких фактов, выраженных в сумме показателей «часто» и «иногда», то можно увидеть, что на первом месте наиболее остро стоит проблема присваивания прозвищ, кличек среди учащихся: с ней сталкивались 64,9% учителей. На втором месте – враждебных высказываний о людях другой национальности (62,8%). На третьем месте – соперничество за лидерство, о котором говорят 57,6% учителей. На четвертом месте – неуважительное отношение к обычаям, традициям и языку представителей других национальностей, которое отметили 47,4% педагогов. На пятом месте оказались сохранение предрассудков, мешающих установлению дружеских отношений, – 42,1%. Шестое место занимают недружелюбные высказывания о людях другой веры – 40,8%. На седьмом – психологическое давление (оскорбления по национальному признаку, угрозы) – 33,1%. А с фактами прямого физического насилия на национальной почве в отношениях между детьми сталкивался в своей практике каждый пятый педагог.

Школа находится в определенном социальном пространстве, и нередко можно слышать, что она является слепком с окружающего ее общества. Вместе с тем школа сама готовит будущих граждан для своего социума. Важной составляющей благополучия учащейся молодежи является сложившееся в сообществе города положение в сфере межнациональных отношений. Отвечая на вопрос: «Как бы Вы в целом оценили межнациональные отношения в Новосибирске» (рис. 3) большинство 73,6% экспертов-педагогов ответили: «нейтральные, ровные».

Рис. 3. Оценка экспертами-педагогами межнациональных отношений в г. Новосибирске (%)

При этом положительные (13,5%) и отрицательные (12,9%) оценки с учетом небольшого перевеса позитивности фактически оказались равными, что говорит о взвешенной осторожной позиции учителей в подходе к анализу межнациональной ситуации в городе.

Рассматривая классовых руководителей, учителей-предметников и представителей администрации общеобразовательных учреждений в качестве экспертов по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений в молодежной среде, в данном исследовании важно было выяснить позиции самих педагогов к значимости этнической и религиозной составляющих в процессе социализации, и его результата – идентичности для людей, которых они воспитывают.

В ходе исследования классным руководителям, как и подрастающей молодежи, были предложены на выбор три следующих мнения, с одним из которых они должны были согласиться (рис. 4).

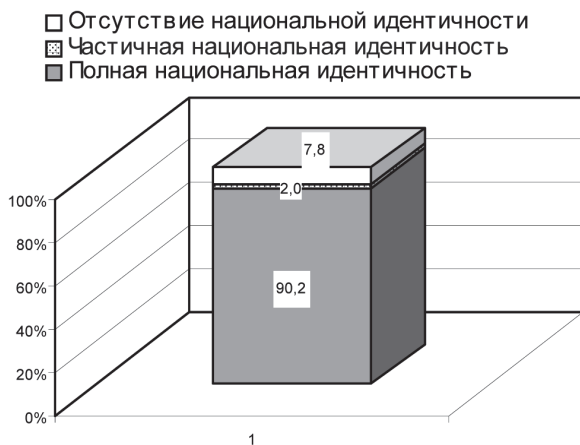

Рис. 4. Степень важности этнической (национальной) идентичности в оценках экспертов-педагогов (%) N = 357

Первое: «Каждый человек должен осознавать свою национальную принадлежность, знать язык и культуру своего народа», что означало полную этническую (национальную) идентичность. С этим высказыванием согласилось большинство учителей (90,2%)

Второе: «Важно осознавать свою национальную принадлежность, а знать язык и культуру своего народа не обязательно», оно означало – частичную этническую идентичность. Данное положение разделяют только 2% опрошенных педагогов.

И третье: «Осознание человеком своей национальной принадлежности, знание национального языка и культуры сейчас не имеют большого значения» – свидетельствует об отсутствии этнической (национальной) идентичности. С ним согласились 7,8% классных руководителей.

Поскольку большинство учителей (90,2%) относятся к этнической (национальной) идентичности вполне традиционно, то они (хотя бы потенциально) готовы уважать этническую идентичность своих воспитанников, но в случае если разделяют принцип «относись к другим так, как тебе хотелось, чтобы так же относились и к тебе». Так же вполне уважительно к национальной принадлежности своих учеников могут отнестись и те из классных руководителей (2%), кто является сторонником частичной этнической идентичности. При этом не менее важна позиция и тех педагогов (7,8%), которые считают, что сегодня осознание своей национальной принадлежности должно уходить на второй, третий план, и есть другие приоритеты для понимания себя в современном глобализирующемся мире. Позиция этих людей значима для осознания роли надэтнической реальности и принятия общечеловеческих ценностей в складывающемся мире.

Другим, не менее значимым вопросом, касающимся конфессиональной (религиозной) идентичности человека явилось предложение для педагогов-экспертов выразить свое отношение к следующим высказываниям: «Нужно ли, чтобы каждый человек был верующим», «Необходимо ли воспитывать детей на основе религиозных традиций», «Нужно ли вводить предмет «основы религии» в школьное образование», «Правильно ли, что религиозные убеждения – исключительно личное дело человека?» (табл. 3).

Таблица 3

**Отношение педагогов-экспертов к религиозному воспитанию,
% в группе**

Как Вы считаете?	Да	Нет	Затрудняюсь ответить	Все
Нужно ли, чтобы каждый человек был верующим?	17,4	53,6	29,0	100,0
Необходимо ли воспитывать детей на основе религиозных традиций?	35,7	30,8	33,5	100,0
Нужно ли вводить предмет «основы религии» в школьное образование?	39,6	34,5	25,8	100,0
Правильно ли, что религиозные убеждения – исключительно личное дело человека?	93,0	3,4	3,7	100,0

Разделяя демократические ценности, большинство педагогов (93%) считают, что религиозные убеждения – это исключительно право выбора

самого человека, и лишь 3,4% учителей полагают, что этот выбор за человеком, во многом, делают его родители или близкое окружение. Большинство классных руководителей не согласны с тем, чтобы каждый человек был верующим (53,6%), и придерживаются ценности светского образования. Тем самым они оставляют человеку право – самому определять свое отношение к религии.

17,4% педагогов полагают, что в условиях деидеологизации общества его представители все же должны придерживаться религиозных ценностей. Вместе с тем почти для трети педагогов (29%) этот вопрос является дискуссионным.

По поводу вопросов: «нужно ли воспитывать детей на основе религиозных ценностей» и «нужно ли вводить предмет «основы религии» в школьное образование» мнения экспертов разделились: треть из них ответили – «да»; также практически каждый третий ответил – «нет» и остальные треть педагогов затруднились с ответом.

Вместе с тем, отвечая на вопрос о необходимости введения в учебный процесс предмета «основы религий» и понимая важность воспитания подрастающих поколений в духе народных традиций в условиях разрушения традиционных ценностей все-таки 39,6% педагогов сказали – «да», выразив свое согласие с необходимостью введения предмета «основы религиозных культур и светской этики».

§ 3. Возможности и перспективы гармонизации межэтнических отношений молодежи в оценках педагогов

Школа является одним из наиболее устойчивых социальных институтов, обладающих возможностью существенного влияния на индивидуальное и общественное сознание, социокультурное воспроизводство общества. Содержание образования не может ограничиваться передачей молодому поколению только теоретических и прикладных знаний о природе, технике и обществе. Система образования является также системой воспитывающей. Она призвана формировать определенные личностные характеристики подрастающих поколений: их убеждения, отношение к миру и обществу, а в условиях многонационального общества – и к совместной жизни представителей разных национальностей. Именно этот аспект в деятельности российской системы образования является ключевым по своему значению и сложности.

Одним из наиболее важных вопросов для решения проблем межнационального общения среди школьников сегодня, по мнению классных руководителей, остается плохое знание нерусскими детьми русского языка.

Именно языковые проблемы в первую очередь испытывают дети других национальностей при общении со своими русскоязычными сверстниками и учителями (табл. 4).

Наибольшие трудности в освоении русского языка испытывают таджики, узбеки, киргизы; в несколько меньшей мере проблема изучения русского языка стоит перед азербайджанцами, армянами, езидами, вьетнамцами; определенные затруднения в изучении русского языка возникают у ингушей, цыган и казахов.

Большинство (95%) классных руководителей, работающих в классах, где есть нерусские дети, испытывающие затруднения при общении на русском языке, отмечает, что языковые трудности отражаются на успеваемости учащихся. В данном случае важно понимать, что у ребенка, который вынужден осваивать содержание преподаваемых дисциплин не на своем родном языке, имеются значительные трудности. Такой ребенок каждый раз должен проделывать в уме сложнейшую работу: чтобы осуществить диалог с учителем, понять смысл вопроса или высказывания учителя, он вынужден, особенно в первое время (а иногда и позже – в особо затруднительных случаях), сначала адекватно его перевести на свой родной язык, затем продумать решение и только тогда перевести и грамотно сформулировать ответ на языке учителя.

В многонациональных классах учителя вынуждены, выслушивая ответ ученика с затруднениями в русской речи, тратить значительное количество времени на его понимание, тогда как дети, с рождения владеющие русским языком как своим родным, в это время предоставлены сами себе. И эта проблема может быть решена либо введением определенных дополнительных занятий, либо методическим и педагогическим мастерством самого учителя.

Таблица 4

Экспертная оценка влияния языковых трудностей на успеваемость учащихся в этнически однородных и смешанных классах, % в группе

Отражаются ли языковые трудности на успеваемости учащихся, и качестве обучения:	Этнически однородный класс	Этнически смешанный класс	Все
Да	13,6	48,5	38,1
Нет	73,8	46,5	54,7
Затрудняюсь ответить	8,7	2,9	4,7
Другое (напишите, что именно)	3,9	2,1	2,6
Все	100,0	100,0	100,0

Среди других проблем освоения различных предметов учащимися, испытывающими трудности в освоении русского языка, экспертами были отмечены следующие. Особенно такие проблемы возникают при изучении

отдельных тем русского языка, когда пишут под диктовку – пропускают отдельные буквы или заменяют их буквами из своих языков, возникают трудности в освоении научных текстов (освоении новых терминов), а также в изучении культуры других народов, иногда не хватает словарного запаса, сложности фонетического характера, произношения.

Понимая сложности языкового барьера в адаптации детей нерусской национальной принадлежности, в ходе исследования мы задавали экспертам следующий вопрос: «Как Вы считаете, необходимо ли увеличить количество учебного времени для дополнительного обучения русскому языку детей, испытывающих трудности в общении на нем?» (см. табл. 5). На который большинство педагогов ответили утвердительно (60,2%), посчитали это нецелесообразным – 19,1% учителей, и затруднились ответить – 16,7%.

В качестве других ответов были высказаны следующие пожелания: да, необходимо увеличить количество часов не только для изучения русского языка, но в том числе и по тем предметам, по которым ученик испытывает трудности; да, если в этом есть необходимость; да, если есть желание родителей; следует увеличить количество часов для изучения русского языка для всех учеников; необходимо создавать отдельные классы для всех учащихся, которые испытывают трудности в освоении русского языка; увеличить количество часов для не говорящих на русском языке детей по всем предметам.

Таблица 5

Эксперты о необходимости увеличения учебной нагрузки по русскому языку для учащихся, которые испытывают языковой барьер, % в группе

Как Вы считаете, необходимо ли увеличить количество учебного времени для дополнительного обучения русскому языку детей, испытывающих трудности в общении на нем:	%
Да	60,2
Нет	19,1
Затрудняюсь ответить	16,7
Другое	4,0
Всего	100,0

Для большинства учителей, столкнувшихся с проблемой обучения детей, испытывающих трудности при общении на русском языке, очевидно, что само обучение языку требует дополнительных временных затрат и владения определенной методикой. Хотя бы на первом этапе обучения требуется дифференцированный подход в обучении русскому языку: к детям, которые уже владеют им как родным, и к детям, которые только начинают его

осваивать. Вместе с тем проблемы перегруженности учебных программ для школьников также учитываются классными руководителями. Различные решения этой проблемы уже сегодня находят в разных школах. Одни школы осуществляют комплектование отдельных классов из ребят, для которых требуется дополнительное обучение языку, и обучают их по скорректированной программе, а по мере коррекции и снятия языковых затруднений расформируют эти классы. В других школах по мере возникающей потребности больше внимания на языковую подготовку учеников обращается в группах продленного дня или через факультативные занятия. Частично сами родители решают проблемы детей, нанимая дополнительно репетиторов. И все же решение этой проблемы требует разработки специальных программ, соответствующего методического и кадрового обеспечения, т.е. дополнительной подготовки специалистов. Так, сегодня катастрофически не хватает учебников и учебных пособий по изучению русского языка как иностранного, и прежде всего для детей: таджиков, туркмен, узбеков, киргизов, казахов, азербайджанцев, армян, езидов, ингушей, цыган.

Наиболее часто языковые затруднения возникают в процессе преподавания самого русского языка и литературы. Значительно сказываются языковые трудности и на усвоении математики, предмета «Окружающий мир», истории, английского языка, биологии, физики, географии, химии. Несколько меньше языковые сложности влияют на восприятие учащимися иностранных языков, обществоведения, других гуманитарных предметов, а так же информатики и основ безопасности жизнедеятельности. Меньше всего языковой барьер ощущается при усвоении детьми предметов: геометрии и алгебры, музыки, изобразительного искусства, изучения мировой художественной культуры, светской этики, уроков труда, а также в процессе внеклассного общения.

В годы перестройки и постперестройки отечественное образование и педагогика старались дистанцироваться от идей коллективизма, провозгласив основной целью «всестороннее развитие личности», тем самым условно приняв за основу индивидуалистические ценности. Большинство общественного мнения склонялось к признанию, что идеология коллективизма без обращения внимания к проблемам личности, учета и развития индивидуальных способностей членов коллектива приводит к стагнации. Долгое время в школе господствовал лозунг: «Воспитание – не дело школы, пусть воспитывают родители!», но в условиях рыночной «потогонной» системы родителям порой не до воспитания детей: карьера и материальный достаток – вот залог будущего «благополучия детей»! Через некоторое время приходит и осознание того, что, оказывается, этого будущего нет, если ребенок не получил должного воспитания в настоящем времени. Нередко, кроме родителей и

учителей, детей воспитывают еще и уличные сообщества, и политики, «играющие» на юношеском максимализме, объединяя молодежь не «для чего-то» позитивного, а «против кого-нибудь». Сегодня для российского общественного сознания становится все более очевидным: идеология индивидуализма, как всестороннее развитие личности с ее уникальными качествами, без воспитания взаимоуважения, кооперации в совместной деятельности и дружбы нередко приводит к усилению соперничества, зависти и враждебности во взаимоотношениях. Она – асоциальна. И простые жизненные потребности в совместном сосуществовании приводят к возрождению групповых форм культурной идентичности, поэтому закономерным логическим завершением господства идеологии индивидуализма явилась потребность в воспитании толерантности. В последние годы перед педагогами стояла задача: выпустить достойных граждан, готовых если уж не приносить общественную пользу, то хотя бы способных жить в мире, в сообществе себе подобных. И если еще недавно в обществе не было четкой политической установки, какую идеологию развивать: национализм, патриотизм или интернационализм, то в последнее время она постепенно складывается – «от национальных различий к единому гражданскому обществу, но с уважением этноконфессиональных, расовых и других различий». Сегодня общество и государство постепенно формируют новые задачи – по возможности отказываться от идей этнонационализма и направлять совместные усилия на формирование единого гражданского общества с названием «Российский многонациональный народ». А это и есть по своей сути путь к интеграции и интернационализации народов. Интернационализация характеризует взаимодействие, взаимопроникновение относительно обособленных национальных (этнических) общностей, их сближение и внутреннее развитие каждой из них. Национальное обогащается интернациональным, не переставая быть национальным¹.

Но именно учителям и педагогам системы среднего образования своей повседневной практикой чуть ли не ежедневно приходится отвечать на вопрос: «Нужно ли в общеобразовательной школе учитывать этнические, конфессиональные и другие культурные различия учащихся и их родителей, при том, что школа должна способствовать государственному единству и сплоченности народов России?».

В каждом конкретном случае возможно различное сочетание национального и интернационального. Однако в условиях усиления тенденций к усложнению этнического состава учащихся необходимо обратить особое внимание на формы и содержание как учебной, так и воспитательной деятельности в школах.

¹ См. Попков Ю. В. Интернационализация в традиционном и современном обществах. Новосибирск, 2000. С. 41–57.

Отвечая на вопрос: «Ведутся ли дополнительные факультативы или спецкурсы для изучения истории, культуры, традиций разных национальностей?» (табл. 6), только 20,5% классных руководителей отметили, что такие занятия проводятся в их классах. Вместе с тем несколько больше (38,2%) экспертов указали, что подобного рода мероприятия проводятся в их образовательных учреждениях в целом. На первый взгляд, это немного. Вместе с тем следует отметить, что в 2005 г., отвечая на подобный вопрос, только 5,5% классных руководителей отметили, что в их классах ведутся дополнительные занятия, факультативы по истории и культуре разных народов, тогда как подавляющее большинство учителей (94,5%) указали, что такие занятия в их классах не проводятся! Поэтому сегодня эта ситуация изменилась в лучшую сторону.

Таблица 6

**Экспертная оценка наличия в школах г. Новосибирска
дополнительных факультативных курсов для изучения истории,
культуры, традиций разных национальностей, % в группе**

Ведутся ли дополнительные факультативы или спецкурсы для изучения истории, культуры, традиций разных национальностей:	Да	Нет	Все
в Вашем учреждении	38,2	61,8	100,0
в Вашем классе	20,5	79,5	100,0

В какой мере школам нужны сегодня дополнительные факультативы или курсы для изучения истории, культуры, традиций разных национальностей? В целом ответы экспертов на этот вопрос (табл. 7) распределились следующим образом: посчитали необходимым введение таких факультативов 39,5% педагогов; отметили что такой необходимости нет – 19,6%; и затруднились ответить на этот вопрос – 38,0% учителей. Несмотря на значительный перевес, тех, кто считает, что дополнительное изучение истории, культуры, традиций необходимо, такое распределение ответов фактически обозначает дискуссионность вопроса и отсутствие его однозначного решения.

Действительно, с одной стороны, введение дополнительных факультативов и спецкурсов для изучения школьниками истории, культуры, традиций разных национальностей может внести важный вклад в воспитание молодежи, но, с другой стороны, школьная программа и без того чрезмерно нагружена. Кроме того, в рамках изучения истории, литературы, географии, иностранных языков и других гуманитарных дисциплин, связанных с изучением общества, эти вопросы в той или иной мере рассматриваются.

Таблица 7

Экспертная оценка необходимости введения в школе дополнительных факультативных курсов для изучения истории, культуры, традиций разных национальностей, %

Как Вы считаете, следует ли ввести в Вашем образовательном учреждении для изучения истории, культуры, традиций разных национальностей факультативы или спецкурсы?	%
Да	39,5
Нет	19,6
Затрудняюсь ответить	38,0
Другое	3,0
Всего	100,0

Среди ответов «Другое» также можно увидеть положительные, нейтральные и отрицательные позиции. Позитивные предложения представлены следующими: во-первых, в некоторых школах уже имеются такие занятия: «у нас ведутся подобные факультативы; уже есть; уже введены и расширяются за счет внеклассных мероприятий; есть факультатив – культура и традиции разных национальностей; уже введены; они есть!».

Во-вторых, многие из классных руководителей не исключили возможность введения таких факультативов, указав следующее: «возможно; введение в народоведение; интеллектуальные мероприятия этнической направленности; можно в форме кружковой работы – культурные традиции, прикладное искусство, песни, фольклор, танцы, литературное наследие народов Средней Азии и Закавказья; мировая художественная культура; нужен спецкурс обо всех культурах, в т.ч. русской; развитие речи; необходимо учитывать эти темы в воспитательной работе».

Есть и нейтральные высказывания: «возможно, если в этом есть необходимость; достаточно внеклассных мероприятий». Есть пример и негативного отношения к таким спецкурсам и факультативам: «эти люди (имеются в виду нерусские – прим. Д.У.) приехали к нам, а не мы к ним!».

И все же возможность введения дополнительных факультативов и спецкурсов для изучения истории, культуры, традиций разных народов школьниками не должна быть исключена. Программы таких курсов, учебники, дополнительная литература должны быть подобраны для изучения истории, культуры, традиций именно тех народов, представители которых присутствуют хотя бы в небольшом количестве в школе. Но повсеместное введение таких курсов для всех школ города не должно быть обязательным.

Ярким примером поспешного и повсеместного введения подобного курса явилось внедрение в школы в качестве учебной дисциплины «Основ религиозных культур и светской этики». Согласно Поручению Президента РФ от

2 августа 2009 г. и Распоряжению Председателя Правительства РФ от 11 августа 2009 г. «В течение 2010–2011 годов преподавание комплексного учебного курса “Основы религиозных культур и светской этики” будет осуществляться в 19 субъектах Российской Федерации в экспериментальном режиме в 4 четверти IV класса и 1 четверти V класса. Комплексный учебный курс “Основы религиозных культур и светской этики” включает 6 модулей: основы православной культуры, основы исламской культуры, основы буддийской культуры, основы иудейской культуры, основы мировых религиозных культур, основы светской этики. Один из модулей изучается обучающимися с его согласия и по выбору его родителей (законных представителей)»¹. Предполагается, что курс вводится в школьную программу в качестве федерального компонента с 1 апреля 2010 года экспериментально в 19 регионах России, а с 2012 года при успешной реализации эксперимента во всех регионах.

Реакция общественности (чиновников, педагогов, священнослужителей, ученых) на данное нововведение далеко не однозначна. Вместе с тем широкого общественного обсуждения в средствах массовой информации оно не получило. В связи с этим экспертам был задан вопрос: «В последнее время в школах вводятся новые уроки по изучению предмета «Основы религиозных культур и светской этики», какой предмет Вы бы посоветовали изучать ученикам?» (табл. 8).

Таблица 8

**Экспертная оценка введения учебного курса
«Основы религиозных культур и светской этики», %**

В последнее время в школах вводятся новые уроки по изучению предмета «Основы религиозных культур и светской этики». Какой предмет Вы бы посоветовали изучать ученикам?	%
Основы православной культуры	7,3
Основы мусульманской (исламской) культуры	0,2
Основы буддийской культуры	0,2
Основы иудейской культуры	0,2
Основы мировых религиозных культур (где говорится понемногу о четырех мировых религиях)	18,5
Основы светской этики (где идет речь о том, как следует вести себя в современном обществе)	41,2
Следовало бы изучать основы всех мировых религий и светской этики – они все важны и интересны	28,0
Эти предметы совсем не следовало бы вводить в школах	3,1
Другое	1,2
Всего	100,0

¹ Концепция национальной образовательной политики Российской Федерации. URL: <http://mon.gov.ru/press/reliz/6463/>

Большинство (41,2%) классных руководителей выбрали модуль «Основы светской этики», где идет речь о том, как следует вести себя в современном обществе, что говорит о их стремлении отстаивать принципы светского образования в общеобразовательных учреждениях. Еще более радикальную позицию в этом вопросе занимают те, кто посчитал, что «эти предметы совсем не следовало бы вводить в школах»: таких относительно немного – 3,1%.

Значительное (28%) количество педагогов выбрали ответы «Следовало бы изучать основы всех мировых религий и светской этики – они все важны и интересны» и ««Основы мировых религиозных культур» (где говорится понемногу о четырех мировых религиях)» – 18,5%. По своей сути оба эти ответа по смыслу близкие, так как в обоих случаях имеется в виду изучение не одной религиозной культуры, а нескольких. Но если в первом речь идет о всех модулях, то во втором говорится лишь об одном из модулей. Таким образом, фактически более половины (46,5%) классных руководителей высказались за возможность изучения школьниками основ разных религий и культур, а не какой-либо одной.

Среди других модулей эксперты-педагоги выбрали «Основы православной культуры» – 7,3%, и по одному человеку из опрошенных выбрали «основы мусульманской», «основы буддийской», «основы иудейской» культур (каждую выбрали 0,2% учителей).

Наиболее содержательно отражают ситуацию другие ответы (1,2%): «если вводить, то в старших классах как факультатив», «преподаватель должен рассматривать эти мировые религии с позиций светского человека», «это есть в программе истории и обществоведения, этого достаточно», «может быть, ввести основы гражданского права, граждан России и направить работу на изучение традиций нашего государства, основанных на традициях русского народа», «я против как родитель и как учитель».

Важным аспектом в определении наибольшей эффективности внедрения курса «Основы религиозных культур и светской этики» является оценка того, в каких классах, по мнению экспертов, следовало бы преподавать этот предмет (рис. 5).

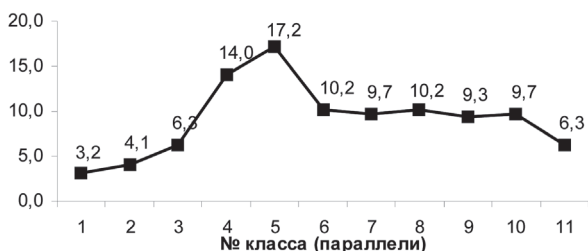

Рис. 5. В каких классах следовало бы изучать «Основы религиозных культур и светской этики» (%)

Большинство классных руководителей (80,2%) отметили временной интервал с 4 по 10 класс. Вместе с тем 6,3% экспертов посчитали, что этот курс можно было бы преподавать в 3 и даже в 11 классах, а 3,2% и 4,1% учителей посчитали, что даже в 1 и 2 классах соответственно.

И все же следует выделить мотивы значимости введения курса «Основы религиозных культур и светской этики» для развития современного этнокультурного образования в школах:

1. В многонациональном обществе учесть интересы духовного развития представителей разных этнокультурных общностей при отсутствии единой идеологии сложно, но можно – через знакомство с основами (или историей) мировых религий, однако при условии знакомства представителей разных конфессий не только с ценностями своей религии и культуры, но и другими религиозными и светскими воззрениями.

2. Изучение религий, верований и основ светской этики напрямую связано с отображением наиболее значимого компонента (квинтэссенции) любой этнической культуры и обладает значительным воспитательным потенциалом, но при условии выделения из его особенного содержания – общечеловеческих ценностей. В такой направленности курс позволяет интегрировать общечеловеческие, цивилизационные, государственные, этнокультурные и семейные ценности.

3. Курс несет значительный позитивный воспитательный потенциал в целом, и особенно в разделе «Основы светской этики», где комплексно рассматриваются этические философские категории морали, добра, зла, свободы, ответственности, справедливости, альтруизма и эгоизма, нравственности, патриотизма, но при условии раскрытия их содержания в диалектической взаимно перетекающей значимости и системности.

В целом само внедрение курса «Основы религиозных культур и светской этики» как федерального компонента является важным вкладом в этнокультурное образование и достаточно актуальным для решения современных проблем этноконфессиональных отношений среди российской молодежи.

Для воспитания и образования детей необходимо иметь воспитанного и подготовленного специалиста – педагога. Возможно ли повышение квалификации и компетентности уже работающих классных руководителей в области этнокультурной педагогики? Немало учителей принципиально согласны пройти курсы повышения квалификации по предметам, касающимся изучения истории, культурных традиций, языков, этнической психологии и основ религиозных культур и светской этики (табл. 9). Так, большинство из классных руководителей согласились бы изучить: культуру и традиции народов – 69,7%; основы религиозных культур и светской этики – 58,7%.

Таблица 9

**Эксперты о возможностях повышения собственной квалификации
в сфере этнокультурных знаний, % в группе**

Если бы Вам предложили пройти курсы повышения квалификации по предметам, касающимся более глубокого изучения других народов, то согласились бы Вы изучать:	Согла- шусь	Отка- жусь	Всего
Историю народов	48,1	51,9	100,0
Культуру, традиции народов	69,7	30,3	100,0
Языки	31,4	68,6	100,0
Этническую психологию	40,6	59,4	100,0
Основы религиозных культур и светской этики	58,7	41,3	100,0

Несколько меньше согласны изучить языки (31,4%), так как это наиболее сложный предмет; этническую психологию – 40,6%, как, к сожалению менее востребованный, по мнению учителей; и историю народов – 48,1%, как предмет, который и так должен преподаваться историками-предметниками.

В советские годы в школах последовательно велась работа по интернациональному воспитанию молодежи. Достаточно распространенными были такие формы внеклассной воспитательной деятельности, как дни интернациональной дружбы, фестивали национальных культур, концерты национальных коллективов и др. Сегодня приходится констатировать, что многое из прошлого опыта утрачено.

Среди конкретных форм воспитательной деятельности в тех классах, в которых она ведется (табл. 10), наиболее распространенными оказались оставшиеся с советских времен часы/дни интернациональной дружбы (53,7%). Несколько реже проводятся фестивали национальных культур (33,1%), концерты национальных коллективов (30,3%), работают кружки по освоению детьми элементов национальных культур (32%). Наименее распространенными среди форм воспитательной деятельности оказались встречи с представителями национально-культурных объединений и организаций (26,4%), хотя в Новосибирске таких объединений много, но этот механизм используется школами недостаточно.

Помимо знакомства детей с другими культурами на уроках географии и чтения, занятий по предметам «основы религиозных культур и светской этики» и мировой художественной культуры, учителя указывают среди форм интернациональной воспитательной работы следующие: выпуск газет, беседы о традициях, день толерантности, классные часы «Кухни разных народов», духовное пение, интеллектуальные игры по страноведению англо-говорящих стран, языковые конкурсы в Гете-институте, экскурсии в Хокайдо-центр, интеллектуальный проект «Этномозаика», классные часы «Мы – одна семья», классные часы по толерантности, день толерантности,

праздник «Дружба народов крепка», обменные программы, «Пасхальный фестиваль» и «Рождественский фестиваль» (ежегодно), русские народные праздники, инсценирование песен, факультатив по освоению элементов национальных культур, экскурсии в Японский центр и др.

Таблица 10

Экспертная оценка проведения мероприятий по интернациональному воспитанию в школах г. Новосибирска, % в группе

Проводятся ли в Вашем образовательном учреждении следующие мероприятия	Да	Нет	Всего
Фестивали национальных культур	33,1	66,9	100,0
Встречи с представителями национально-культурных объединений	26,4	73,6	100,0
Концерты национальных коллективов	30,3	69,7	100,0
Часы/дни интернациональной дружбы	53,7	46,3	100,0
Кружки по освоению элементов национальных культур	32,0	68,0	100,0

Важнейшей составляющей практики воспитательной работы является повседневная, ежечасная работа педагога с конкретными детьми по решению проблем их общения, и специфику этой работы сложно представить только как запланированные мероприятия. Вместе с тем отвечая на вопрос: «Работаете ли Вы по развитию этнокультурной толерантности у своих воспитанников?» (табл. 11), большинство педагогов (68,2%) ответили, что помогают своим воспитанникам в конкретных ситуациях не допускать напряженность в общении. Значительное количество классных руководителей (20,8%) заботятся о подборе содержания своих учебных курсов, исходя из установок толерантности.

Таблица 11

Формы и содержание конкретной работы педагогов-экспертов по развитию этнокультурной толерантности, %

Работаете ли Вы по развитию этнокультурной толерантности у своих воспитанников?	%
Да, использую специальные методики	11,3
Да, подбираю содержание учебного курса, исходя из установок толерантности	20,8
Да, помогаю своим воспитанникам в конкретных ситуациях не допускать напряженность в общении	68,2
Нет, так как считаю, что обращение внимания на межнациональные и межрелигиозные отношения только обостряет их	5,1
Нет, так как проблемами воспитания своих детей должны заниматься родители	3,4
Нет, так как мало знаком(а) с такими методиками и слабо владею подобными воспитательными приемами. Но мне бы хотелось их освоить	5,9
Другое, (укажите что именно)	2,8
Всего	100,0

Среди педагогов 11,3% указали, что используют в своей работе специальные методики: «беседы»; «игры народов мира»; «изучаем в Конституции и Конвенцию о правах ребенка»; «индивидуально-дифференцированный подход к каждому ученику»; «викторины, просмотры видеофильмов»; «использую методику Шурковой»; «просмотр и обсуждение фильмов, затрагивающих проблемы общения»; «работаю с литературой, пользуюсь сайтами интернета по толерантности»; «использую проектную методику»; «методику Ривина»; «элементы этнопедагогики»; «развлекательно-воспитательные мероприятия, игровые методики, учитывая мировой исторический опыт» и др.

Совсем незначительная часть педагогов (5,9%) не побоялись признаться, что слабо владеют подобными приемами и хотели бы освоить такие методики, но мало с ними знакомы. Есть небольшая группа учителей, которые отметили, что не работают по развитию этнокультурной толерантности своих учащихся из двух принципиальных соображений: первые (5,1%) считают, что обращение внимания на межнациональные и межрелигиозные отношения только обостряет их, и вторые (3,4%) – которые полагают, что проблемами воспитания своих детей должны заниматься сами родители. Если с первой позицией хоть как-то еще можно согласиться, то последняя, представленная небольшой группой (12 учителей), на наш взгляд, все же антипедагогична.

Среди другого классные руководители (2,8%) отметили следующее: «беседы по правилам поведения вне школы, дома, тематические экскурсии, методика КТД (коллективно-творческих дел), чтение художественных произведений разных народов: сказки, стихи, рассказы»; «просмотр видеофильмов о культурном наследии, прослушивание музыки»; «веду ОРКСЭ»; «классные часы о воспитании толерантности»; «классные часы по сплочению коллектива»; «классные часы по теме “Толерантность”»; «проводжу классные часы на тему толерантности»; «развиваю толерантность в принципе»; «система классных часов и индивидуальные беседы»; «хочу освоить методики более подробно»; «нет, так как не было необходимости».

Важнейшим вопросом развития современного образования сегодня является стремление государственных деятелей и чиновников перевести отдельные компоненты образовательно-воспитательного процесса на платную основу. Педагогическим сообществом такого рода инициативы расцениваются неоднозначно. Более того, введение элемента платных услуг в образовательных учреждениях вряд ли будет способствовать консолидации общества, и скорее всего может негативно повлиять на процесс этнокультурного образования и воспитания молодежи. В связи с этим педагогам-

экспертам было предложено ответить на следующий вопрос: «Как в целом Вы оцениваете возможность введения в школах дополнительных платных образовательных услуг (кружков, факультативных предметов)?» (табл. 12). Мнения по этому вопросу разделились и фактически оказались диаметрально противоположными. Против введения платных образовательных услуг выступили 51,8% экспертов, за – 48,2%.

Таблица 12

Экспертная оценка перспектив введения платных образовательных услуг в школах, %

Как в целом Вы оцениваете возможность введения в школах дополнительных платных образовательных услуг (кружков, факультативных предметов)?	%
Положительно	48,2
Отрицательно	51,8
Все	100,0

Мотивы позитивного отношения к введению платных образовательных услуг педагоги объяснили следующим образом: «будут приходить дети с высокой мотивацией изучения языка»; «больше возможностей»; «воспитание толерантности и уважения к культуре других народов»; «дает возможность развивать творческие способности глубже»; «дети бы лучше узнали себя и учились строить отношения с другими»; «дети должны знать свою историю, должны развиваться» и др.

Негативное отношение к введению платных образовательных услуг учителя объяснили в следующих своих высказываниях: «“бесплатное” обучение в России и так слишком дорогое»; «бедный социум»; «большая часть семей имеют пограничное материальное положение»; «в школе достаточно различных предметов, нагрузка у детей полная»; «образование должно быть бесплатным для всех»; «образованный гражданин нужен государству – оно и должно заботиться об этом»; «отрицательно, лучше это организовать в детских клубах и домах творчества».

Одним из стратегически важных вопросов, касающихся настоящего и будущего развития современной школы, является представление педагогов о том, на какие ценностные установки и стандарты должна ориентироваться система российского общего образования. Классным руководителям было предложено выбрать одну из трех позиций, представляющих направленность на общечеловеческие ценности, общероссийские или ориентацию на этнокультурные ценности народов, населяющих Российскую Федерацию (табл. 13).

Таблица 13

Экспертная оценка педагогами стратегий социокультурных ориентиров системы образования России, %

С каким из следующих мнений Вы бы согласились?	%
Современное общеобразовательное учреждение в России должно воспитывать учащихся на <u>основе общечеловеческих ценностей</u> , соответствовать <u>международному уровню и стандартам</u> .	67,9
Все общеобразовательные учреждения должны отталкиваться от единых <u>российских государственных стандартов</u> , прививать всем учащимся <u>только интернациональные и внерелигиозные (светские) ценности</u>	8,2
Сегодня общеобразовательные учреждения должны заботиться о сохранении, <u>развитии национальных культур и религиозных основ</u> , без которых многонациональное российское общество утратит культурное многообразие и морально-нравственные основания	23,9
Всего	100,0

В качестве наиболее перспективной стратегии подавляющее большинство экспертов (67,9%) выбрали то, что «современное общеобразовательное учреждение в России должно воспитывать учащихся на основе общечеловеческих ценностей, соответствовать международному уровню и стандартам».

Менее значимой (23,9%) оказалась установка на то, что «Сегодня общеобразовательные учреждения должны заботиться о сохранении, развитии национальных культур и религиозных основ, без которых многонациональное российское общество утратит культурное многообразие и морально-нравственные основания».

И наименее популярной (8,2%) оказалась стратегия, согласно которой «Все общеобразовательные учреждения должны отталкиваться от единых российских государственных стандартов, прививать всем учащимся только интернациональные и внерелигиозные (светские) ценности».

Принимая во внимание мнение новосибирских педагогов, следует обратить внимание на то, что в мировом сообществе уже сложились достаточно устойчивые типы стратегий решения проблем этнокультурных взаимодействий, которые приводят к разным последствиям.

Одной из первых во многих европейских странах и в странах Америки была принята активная политика ассимиляции других народов, которая предполагала включение вновь прибывших мигрантов в принимающее сообщество, привития им посредством системы воспитания европейской культуры, разрушение традиционных социальных институтов, реформирование уклада жизни и сознания мигрантов в русле идей просвещения, гражданской свободы, равноправия мужчин и женщин и пр. Однако реализация политики ассимиляции во многих Европейских странах (Франции,

Германии) столкнулась с многочисленными социальными и конфессиональными проблемами, выразившимися в росте протестных настроений как принимаемого, так и принимающего сообществ.

При всей очевидности «пользы» для принимающего сообщества стратегии ассимиляции, порождающей «космополитов», этот путь наиболее сложен, и довести его до конца практически невозможно. Более того, зачастую он ведет к совершенно иному результату, чем тот, на который рассчитывают. Так, например, среди новосибирских школьников, считающих, что сегодня не важно знать свою национальную принадлежность, язык, культуру и традиции своего народа (т.е. среди «космополитов»), больше всего распространены интолерантные установки по отношению к представителям иноэтничных групп.

Другая стратегия – сегрегации, будучи продолжением политики ассимиляции, переходит в ее крайнюю противоположность, а в итоге работает на консервацию бывших мигрантских сообществ в жестком противопоставлении их сложившемуся обществу, что в результате не снимает, а лишь консервирует на время проблемы и несет в себе опасность отсроченного социального взрыва. Подобные потрясения испытывали США в 40–50-е годы XX в., а в последнее десятилетие ощутили на себе Великобритания, Франция и Германия. Наиболее худший вариант – реализация стратегии маргинализации, когда, забывая собственные этнические и культурные устои, прибывшие мигранты не желают воспринимать культурные традиции и порядки уже сложившегося сообщества.

В будущем как в России в целом, так и в Новосибирской области могут реализовываться разные типы стратегий, однако важно четко представлять, какая из них даст те или иные результаты. На наш взгляд, лишь наиболее взвешенная позиция интеграции, использующая этнокультурную специфику при сохранении общенациональных интересов, не нарушает принципов свободы самовыражения и может способствовать гармонизации межнациональных отношений в полиэтническом сообществе.

Для реализации стратегии интеграции в современных условиях развития системы общего среднего образования, на наш взгляд, могут быть предприняты следующие шаги:

Во-первых, при приеме детей в школу педагоги в обязательном порядке должны интересоваться не только уровнем их эмоционального и интеллектуального развития, местом проживания и работы родителей ребенка, но и их национальной принадлежностью, по возможности фиксировать для себя и учитывать этнокультурную специфику семей. Необходимо наладить диалог и совместное сотрудничество с родителями ребенка в вопросах его образования и воспитания.

Во-вторых, особое внимание обращать на изучение русского языка, как основы межнационального общения, родного языка – как важной составляющей сохранения этнокультурной идентичности и основы психологической устойчивости личности, а также на изучение иностранных языков как необходимого сегодня средства международной коммуникации. В случае наличия детей, испытывающих значительные трудности обучения на русском языке, предусмотреть возможности дополнительных факультативных занятий с ними (например, летние пришкольные лагеря, группы продленного дня и др.). Использовать возможности самих детей, уже относительно хорошо освоивших русский язык в качестве переводчиков на уроках для тех, кто еще слабо понимает его. При этом нельзя допустить, чтобы представители разных национальностей утратили возможность развивать свой язык и собственную культуру.

В-третьих, организовывать учебный процесс следует таким образом, чтобы, не акцентируя особого внимания на национальных различиях, проводить через гуманитарные предметы (изучения языков, литературы, географии, истории, обществознания, труд, художественное, изобразительное, музыкальное искусство и др.) как идею самоценности этнической культуры, к которой принадлежат дети, так и ценность культуры других народов. Это можно делать и через преподавание естественнонаучных предметов (биологии, химии, даже математики), если использовать в практике преподавания принципы природо- и культуросообразности, развития понимания того, что только через взаимообогащение компонентами этнокультур возможно развитие общей российской и мировой культуры. В-четвертых, помимо учебной деятельности необходимо уделять особое время организации воспитательной работы – проведения различного рода мероприятий, вовлекающих воспитанников в совместную деятельность. Это могут быть и совместная с родителями подготовка общешкольных праздников как национальной, так и интернациональной направленности (методики коллективно-творческих дел), и восстановление традиций подвижных коллективных игр как на переменах, так и в свободное от уроков время, и совместные работы на пришкольном участке, музейное дело, кружки по интересам и др.

Итак, хотя в новосибирских школах и других общеобразовательных учреждениях накоплен определенный опыт социокультурного регулирования межэтнических отношений учащихся, потенциальные возможности гармонизации этих отношений остаются большими. Их реализация во многом зависит не только от деятельности педагогов школы и родителей, сколько от государственной образовательной и национальной политики, призванной формулировать для школы четкие социокультурные ориентиры и обеспечивать их достижение необходимой правовой базой и ресурсами.

Глава 7. Система образования как регулятор межэтнических отношений в постсоветский период России

§ 1. Роль образования в инкультурации личности

На протяжении всей истории человечество пытается решить проблему бесконфликтного существования. В то же время каждая культура развивается на основе оригинальных, присущих только ей представлений о принципах жизни, которые находят свое воплощение в области гуманитарного знания. Развитие человеческого в человеке, становление личности, идеал нравственного совершенства – так ли уж отличаются мировоззрение этносов в данном контексте? В книге «Лунь Юй» («Беседы и суждения») записано: «*Zi yue: Zhi sheng wen ze ye; wen sheng zhi ze shi. Wen zhi binbin, ran hou junzi*». «Если в человеке естественность превосходит воспитанность, он подобен деревенщине, если же воспитанность превосходит естественность, он подобен ученому-книжнику. После того, как воспитанность и естественность в человеке уравновесят друг друга, он становится благородным мужем»¹. Этические нормы, усваиваемые человеком в процессе социализации и инкультурации, очерчивают круг допустимого и недопустимого в его действиях как в отношении себя, так и в отношении других, являются исторически и культурно выверенными. Данные нормы, облеченные в юридические формулировки, описывают законы, на основании которых охраняются права личности в обществе. Поскольку большинство из этих законов регулируют взаимоотношения индивидов друг с другом, а также общества и индивида, то, учитывая имеющуюся специфику культур, несмотря на унификацию юридических норм в условиях глобализации, все же они могут и должны учитывать и этнокультурную специфику. Особенно если мы имеем ввиду многонациональное сообщество России.

Помимо учета этнокультурной специфики формирования юридических норм регулирования взаимодействий индивидов и общества, необходимо учитывать также трансформацию системы ценностей, которая подчинена влиянию различных исторических событий, произошедших в нашей стране. Анализируя сложный исторический путь развития России, иногда создается впечатление, что каждое поколение вынуждено вновь обосновывать свою иерархию ценностей. Обоснование – одна из важнейших процедур человеческой духовной деятельности. Гуманитарное знание как обоснование духовной деятельности в области морального сознания человека представлено

---

¹ Древнекитайская философия. М., 1973. Т. 1–2. С. 152.

операцией оправдания или осуждения, а в области познавательной деятельности выглядит как операция интерпретации подтверждения, номологической импликации, предсказания, объяснения, доказательства.

В условиях идущих последние 30 лет реформ в России – необходимость развития Человека не только знающего, мыслящего и действующего, но и способного найти адекватное императивам нашего времени сочетание свободы и ответственности – ибо именно ответственность превратилась в высшую интеллектуальную и моральную ценность эпохи – становится чрезвычайно актуальной.

В социально-педагогическом понимании становление и развитие личности представляет собой многоэтапный процесс вовлечения человека в социум и культуру, то есть процесс социализации, инкультурации и самореализации личности.

Культура представляет собой объединение трех слоев: а) культура человечества; б) культура социальной группы; в) культура личности. В каждом из них можно выделить два уровня – этнический и национальный. Их взаимоотношения сводятся к философской триаде «общее – особенное – единичное». Диалектика реального бытия культуры сводится к отношениям «общечеловеческое – региональное – национальное (этническое)».

Гуманитарная подготовка подразумевает целостный процесс воспитания и образования в учебное и во внеурочное время, имеющий своей целью развитие личности учащегося (студента), доведение выпускника вуза до готовности к самостоятельной жизни в качестве субъекта, способного к самоопределению и творчеству в профессиональной и непрофессиональной сферах жизнедеятельности.

Этнокультурологический подход к психологическим и социально-психологическим проблемам состоит, с одной стороны, в определении культурной и социальной обусловленности психических состояний и внутриличностных процессов, а, с другой стороны, в понимании социокультурной природы межличностных отношений и групповой динамики. Гуманитарное знание сконцентрировано на понимании через общение, или, точнее, посредством духовного взаимодействия. Каждый участник процесса познания обращается к другому как равному себе, свободному, уникальному существу. Единственный способ познания другого человека, духовного общения с ним – со-переживание, со-чувствие. Воспитание духовности, развитие гуманизма требует от нас ясного представления о тех способах, с помощью которых духовные устремления общества могут превращаться в духовность и гуманизм каждой конкретной личности. Процесс этот глубоко специфичен, он отличается от передачи обществом личности других продуктов культуры – знаний и умений. Ибо, как писал М.С.Каган, «при-

общение индивида к разным сторонам культурного наследия имеет разные механизмы: передача знания осуществляется на основе коммуникации, передача умений – в ходе практического общения, а передача ценностей – средствами духовного общения людей. Так различаются три основных процесса функционирования культуры как системы механизмов социального наследования – образование, научение и воспитание»¹.

Образование предстает как «погружение» индивида в достаточно мощный по своему развивающему потенциалу поток культуры, дающий ему ощущение глубинных личных связей с нацией, с развитием человечества, с прошлым, настоящим, будущим, с вечными проблемами и конечными вопросами человеческого бытия, «призывающий» к «разумной, осмысленной жизни» и возвышающий до нее. Стержнем конструирования, главным смыслом содержания образования должна стать идея человека, предназначение и смысл его бытия. Укорененность духовных ценностей в индивидуальной культуре человека обусловлена менталитетом общества. Образование должно учитывать феномен ментальности и как «наличный» фундамент становления духовного мира индивида, и как ту реальность бытия нации, в которую образование через влияние на индивидуальную культуру ее носителей ментальность может «внести» духовно-нравственные изменения, способствующие совершенствованию профессионального развития.

Образовательный процесс, очевидно, должен проектироваться как стимулирующий, удовлетворяющий и развивающий потребности, имманентно присущие человеку как творцу мира культуры. Такая природная основа будет обеспечивать личностное, глубинное «проживание» человека в культурном мире образования – естественность присвоения духовного опыта людских поколений. Очевидно, в содержании образования и процессе обучения должны реализовываться на уровне принципов идеи эмоционального восприятия, ценностного отношения к образовательному материалу, идея эталонов персонифицированных образов. Главной должна стать проблема развития в образовательном процессе Я-концепции личности. Как идея Человека должна стать смыслообразующей в содержании образования, так идея Я-концепции должна одухотворять образовательный процесс.

Задача образования, и особенно его гуманитарной составляющей, – сделать сам процесс формирования личности, освоения ею мира культуры личностным, творческим и созидательным. А потому оно должно дать общие, существенные и необходимые знания о фундаментальных законах,

---

¹ Каган М.С. О понятии «гуманитарная культура» и роли гуманитарности на современном этапе истории человечества // День науки в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов: Материалы конференции. СПб., 1996. С. 98–101.

прежде всего человеческого бытия в его отношении: 1) к миру; 2) к человеческим общностям; 3) к истории мира; 4) к самому себе как к субъекту свободной воли, самосознания и деятельности. Педагогика должна помочь человеку стать самим собой. «В этом, по-видимому, заключается подлинная философия культурной педагогики, которая должна быть педагогикой не ответного, а ответственного действия», – считает В.П.Зинченко¹.

§ 2. Этнокультурное и поликультурное образование в постсоветской России: концептуальные основы и опыт реализации (на примере Республики Саха (Якутия))

Принцип учета этнонациональных и глобальных тенденций образования позволяет решить некоторые противоречия, которые имеют место в содержании современного общего образования и являются движущей силой, способствующей его модернизации. Таким образом, это привело к эволюции сравнительной педагогики, развитию методологии сравнительных исследований в области образования на рубеже XXI века, что свидетельствует о возрастании роли этнокультурологического подхода в интерпретации особенностей функционирования образовательных систем. Историко-педагогические и философские исследования ряда ученых (С.А. Артюнов, В.Ф. Афанасьев, В.К. Бацын, В.М. Беркутов, Г.Н. Волков, Г.В. Мухаметзянова, З.Г. Нигматов, К. Сатыбалдинова, М.Г. Тайчинов, Я.И. Ханбиков и т.д.) подтверждают этническую обусловленность содержания образования, методов и приемов обучения.

По нашему мнению, при разумном его использовании именно этнокультурологический подход к обучению позволяет создать благоприятную основу для развития культуры межнационального общения. Как утверждал М.С. Каган, через осознание должно прийти понимание и сопереживание к человеку. Если рассматривать этнокультурологический аспект образовательной системы как наиболее соответствующий категории “особенное”, то социокультурный ее аспект и будет наиболее всеобщим аспектом этой системы, поскольку позволяет его рассматривать как один из факторов глобализации в современном мире.

Созданию данных условий этнокультурологического образования учащихся в России должна была способствовать реформа системы образования середины 90-х годов на основании осуществления закона РФ «Об образовании» (1992)². Он был нацелен на устранение прежнего практичес-

¹ Зинченко В.П., Моргунов Е.Б. Человек развивающийся. М., 1994.

² Закон Российской Федерации «Об образовании». Постановление Верховного Совета РФ от 10.07.1992, № 3266-1. М., 1992.

ки унитарного характера школы и утверждение ее демократической многовариантности, в том числе и в этноязыковом и этнокультурном плане. Таким образом, в поисках новой модели решения интегративных задач закон постулировал рядоположенно две разновекторные цели: защиту и развитие национальных культур и одновременно обеспечение единства федерального образовательного и культурного пространства.

В условиях модернизации образования современной молодежи был предоставлен уникальный шанс: подвергая анализу застывшие догмы и традиции, отвергая раз и навсегда установленные постулаты понять общество и историю в их открытости и многовариантности – как арену творчества человека и человеческих сообществ, вновь и вновь совершающих свой ответственный выбор. Поэтому на первый план в исследовании гуманитарных проблем и в преподавании дисциплин гуманитарного и социально-экономического цикла как в школе, так и в вузе вышел не их идеологический, как это было прежде, а познавательный и смыслообразующий потенциал.

Необходимо отметить, что сам тезис об освобождении системы образования от идеологии был провозглашен в России в начале 90-х годов прошлого столетия. Но активное внедрение идеи о необходимости развития поликультурного обучения, постепенно вытеснявшей советскую идею интернационального воспитания, назвать отхождением от идеологической направленности сложно. Можно ли утверждать, спустя 30 лет после начала реформ, что система образования действительно стала более свободной в выборе содержания обучения, и насколько нужна была тогда предлагаемая «свобода»? Как повлияло внедрение идей «поликультурного», «этнокультурного» образования на гармонизацию межличностных и межэтнических отношений, а также на сохранение этнической культуры и формирование этнического самосознания молодежи?

Анализируя результаты реформ в системе образования, мы фактически соприкасаемся с результатами государственной политики гармонизации межэтнических отношений, одним из инструментов влияния которой является система образования России в целом. Е.А. Белякова, исследуя поликультурализм как основу государственной политики, делает вывод, что «наибольшая проблема, порожденная поликультурализмом, проявляется в конфликтном взаимодействии “большинства” и “меньшинства”. Рост этнической активности русских оценивается либо как ответ на предшествующую активизацию этнических меньшинств, либо как реакция на государственную политику, представление о которой сложилось как о несправедливой, направленной на поддержку одних этнических общностей в ущерб другим»¹. Одним

¹ Белякова Е.А. Конструирование этнической идентичности в современной России: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. Саратов, 2007. С. 14–15.

из свидетельств реализации поликультурализма как государственной стратегии стал «парад суверенитетов», произошедший в 90-х годах в России.

Изменение политического статуса субъектов РФ актуализировало и получение иных возможностей в разработке собственных программ обучения для средней общеобразовательной школы. Учет этой тенденции, а также все нарастающее желание унифицировать систему образования в России по западным образцам, привело к закреплению в Законе об образовании права поддержания различных форм образования и самообразования (Ст.43) и свободы преподавания (Ст. 44). Основным нормативным документом в согласии с Законом об образовании становился стандарт образования (основа для создания других нормативных документов, в том числе учебных планов, положений об аккредитации учебных заведений, аттестации кадров и др.). Введение государственного образовательного стандарта соответствовало Статье 13 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах. Таким образом, в контексте прав человека образовательный стандарт – документ, который создает важные условия осуществления права на образование и который по своему содержанию должен соответствовать как правам ребенка, так и правам лиц, занимающихся образовательной деятельностью.

Стандарты образования, имея отношение к проектированию социальной среды, как отмечает В.В. Судаков, непосредственно влияют на формирование личности¹. Одновременно стандарт выполнял функцию документа, упорядочивающего вариативность (содержательное разнообразие) образования и обеспечивающего достаточно широкое правовое поле для свободы преподавания и обучения в едином образовательном пространстве.

В качестве метода решения была предложена принципиально новая и (по мысли авторов) универсальная схема структурирования содержания образования – двухкомпонентность государственных образовательных стандартов (федеральный и национально-региональный компоненты), с разнесением их к раздельной компетенции центра и субъектов Федерации. С этого момента образовательный стандарт² формировался из двух составляющих: федеральный компонент и национально-региональный компонент, а с 2000 г. из трех: федеральный компонент, национально-региональный компонент и компонент образовательного учреждения.

Федеральный (базовый) компонент стандарта должен обеспечивать единство образовательного пространства в стране, включая образовательные

---

¹ См.: Судаков В.В. Теоретические основы разработки и введения национально-регионального компонента государственного стандарта общего среднего образования. Автореф. дис... докт. пед. н. М., 1999.

² Закон Российской Федерации «Об образовании».

области и базовые предметы общенационального и общекультурного значения, являлся обязательной частью содержания общего среднего образования.

Национально-региональный компонент (переименован в региональный с 2007 г.), предусматривал возможность введения содержания, связанного с традициями региона. Он отвечал потребностям и интересам регионов, а также этнических групп, проживающих в них, организовать занятия так, чтобы учащиеся могли ознакомиться со спецификой природных, социокультурных и экономических особенностей региона, национального (родного) языка и национальной литературы.

Для полноценной реализации этнокультурного подхода в образовании критериями оптимального баланса ценностей в содержании национально-регионального компонента, по мнению О.Ю. Стреловой, должны были выступать следующие условия:

– «органически диалогическое соединение ценностей и прав личности с ценностями и правами человечества» (М.С. Каган);

– мера соответствия баланса ценностей интересам формирующейся в социокультурных условиях региона личности школьника;

– лояльность представленной в содержании регионального компонента общего образования системы ценностей по отношению к системам ценностей других региональных сообществ;

– непротиворечивое соотношение единичных и особенных категорий ценностей – общенациональных и общечеловеческих ценностей¹.

Итак, Закон впервые в отечественной образовательной практике конституировал равенство трех самостоятельных субъектов, реализующих свои интересы в образовании: индивида (родителей) – этноса – государства. И это означало необходимость поиска на новом культурно-историческом витке новой формулы языкового и культурного сопряжения этнического и надэтнического в полиэтническом сообществе.

В федеральном базисном учебном плане (1992–2000 гг.) региональному компоненту отводилось от 25 до 10–15% от общего нормативного времени. Но наличие в образовательной программе, реализуемой образовательным учреждением, национально-регионального компонента государственного образовательного стандарта, основанного на принципе включения обучающихся в родную этнокультурную среду и национальные традиции, давало образовательному учреждению статус национального образовательного учреждения. Стандарт определял обязательный минимум содержания, но не должен был ограничивать преподавателя в педагогическом творчестве, в определении форм и методов обучения, что также было закреплено в Законе.

¹ Вяземский Е.Е., Стрелова О.Ю. Национально-региональный компонент исторического образования. М, 2003. С. 8.

Введение национально-регионального компонента на фоне изменения политического статуса автономных республик бывшего Советского Союза и получения ими статуса национальных субъектов Российской Федерации, таких как Республика Саха (Якутия) (до 1990 г. бывшая Автономная Советская Социалистическая Республика), Республика Татарстан (Татарстан) (до 1990 г. Татарская АССР), Республика Тыва (до 1990 г. Тувинская АССР) и т.д., потребовало определения понятия национального (родного) языка и национальной литературы. Не во всех субъектах свобода творчества преподавателей, а также руководителей образовательных учреждений определялась мудрой установкой на гармонизацию межэтнических взаимоотношений в регионе и перечисленными выше критериями оптимального баланса ценностей в содержании национально-регионального компонента. Более того, трактовка понятия «родной» в рамках учебной программы была фактически подменена на «титульный».

Так, по данным нашего обследования, которое было проведено в Республике Саха (Якутия) среди учащейся молодежи¹, 85% саха считают родным язык своей национальности, 5% – считают родным русский язык и 10% считают родными оба языка; 98% русских считают родным русский язык. В группе КМНС считают родным якутский язык – 21%, русский – 8%, эвенский, эвенкийский – 41%, два языка – 28%.

Данные, полученные нами, совпадают с результатами опроса Д.Г. Брагиной, которая отмечает, что 84,7% саха на вопрос «Какой язык Вы считаете родным?» отвечает – якутский. Причем в числе тех, кто не отнес якутский к родному, 38,1% тех, кто свободно им владеет, 14,3% – тех, кто понимает и может объясняться, и 47,6% понимающих якутский язык, но не говорящих на нем².

---

¹ В 2006–2009 гг. в Республике Саха (Якутия) нами с целью исследования социокультурной адаптации и анализа факторов, в том числе лингвистических, выбора аккультурационных стратегий учащейся молодежи было опрошено 3843 чел. Из них в возрасте 14 – 18 лет – 2235 чел., 19–29 лет – 1251 чел., старше 29 лет – 191 чел., не указавших конкретный возраст – 166 чел. Этнический состав представляют русские – 1208 чел., саха – 1943 чел., коренные малочисленные народы Севера – 319 чел., «другие народы» – 335 чел., не указавшие национальность – 38 чел. Всего в выборке представлены жители 34 улусов Республики и городских центров. Якутск – столица Республики, ее культурный и политический центр. Мирный и Нерюнгри – центры основных индустриальных регионов, молодые города. Опросы проведены в 26 средних общеобразовательных учреждениях, 16 учреждениях начального и среднего профессионального образования, а также колледжах и 13 высших учебных заведениях и их филиалах.

² Брагина Д.Г. Этнические и этнокультурные процессы в Республике Саха (Якутия): 70–90-е гг. XX в. Новосибирск, 2005. С. 118.

Как оказалось, двусмысленность при использовании термина «родной язык» и «язык этнической группы» присуща не только респондентам, но и некоторым материалам, опубликованным в СМИ и комментирующим языковую ситуацию в Республике Саха (Якутия). Так, в выступлении председателя постоянного комитета Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) по науке, образованию, культуре и СМИ Е. Голомарева прозвучало следующее: «родным языком своей национальности владеют 87,4% якутов, 6,5% эвенков, 20,7% эвенов, 37,7% чукчей, 19,5% юкагиров. Исследования последних лет показали, что число людей, говорящих на *родном языке* (выделено нами), в республике сокращается. Одной из причин является увеличение городского и уменьшение сельского населения, что может привести к дисбалансу в языковой ситуации и увеличению количества жителей, владеющих только русским языком и не владеющих якутским языком и языками коренных малочисленных народов Севера»¹.

Таким образом, мы видим, что под термином «родной язык» в данном контексте выступают только «государственный – якутский» (в РС (Я) государственными языками являются якутский и русский)² и «официальные республиканские языки» (официальными провозглашены языки КМНС)³. О том, что русский язык, как представлено в Конституции РФ⁴ и в Законе о языках РС (Я), имеет также статус государственного, и почему должен возникнуть дисбаланс в языковой ситуации в рамках территории субъекта России хотя бы для тех, кто считает его своим родным языком, остается догадываться.

По данным наших исследований учащейся молодежи, в Республике Саха (Якутия) складывается более благополучная картина по степени сохранности языка, нежели официально представленная в якутских СМИ. Так, якутским языком владеют 89% саха, русским – 99% русских, в группе КМНС – 16% эвенским, эвенкийским. В группе «другие народы» степень владения языком своей национальности определить оказалось затруднительным, в то же время среди них владеют русским и якутским языками 97 и 4% соответственно.

¹ На государственные языки в Якутии до 2016 года будет направлено 64,8 миллиона рублей URL: <http://www.yakutia24.ru/politika/na-gosudarstvennie-yaziki-v-yakutiido-2016-goda-budet-napravleno-64-8-milliona-rublei> (дата обращения: 20.07.2012).

² Закон Республики Саха (Якутия) о языках в Республике Саха (Якутия) (в ред. Закона РС(Я) от 04.10.2002 51-3 N 439-II, с изм., внесенными решением Верховного суда РС(Я) от 14.09.2000 № 3-34/2000) Ст. 4. URL: <http://www.sakha.gov.ru/node/18874> (дата обращения: 20.07.2012).

³ Там же.

⁴ Конституция РФ. Ст. 68 URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-5.htm> (дата обращения: 20.07.2012)

Степень значимости общения на языке своей национальности для каждой этнической группы мы уже рассматривали ранее¹. Отметим только, что в результате исследования взаимосвязи значимости различных видов самоидентификации (этнической, российской, сибирской, республиканской, «северной», космополитической) индивидов со степенью владения языком своей национальности, нами было выявлено, что чем выше степень владения языком своей этнической группы, тем ярче проявляется этническая самоидентификация. Так, если среди молодежи саха, свободно владеющей якутским языком, 44% отметили, что для них «очень важно» осознавать себя представителем своего этноса, 46% – что это «важно» и лишь 10% – что это «не важно», то среди молодежи саха, частично владеющей якутским языком, эти показатели – 20, 45 и 35% соответственно. Аналогичная ситуация наблюдается и у молодежи из группы КМНС, для которой характерно слабое знание языка своей национальности (преобладает частичное знание или полное незнание). Если эвенк, например, свободно владеет эвенкийским языком, то для 57% «очень важно» осознавать себя представителем своего этноса, а «не важно» – для 4%; при невладеении языком своей национальности – соответственно 34 и 18%. У эвенов, соответственно, для владеющих языком своей национальности «очень важно» осознавать себя представителем своего этноса для 63%, а «не важно» – 0%. Для не владеющих эвенским языком – уже 34% и 17% соответственно. То есть, знание языка своего этноса становится важным фактором, обуславливающим значимость этнической самоидентификации, способствующим формированию этнического самосознания.

Владение языком своей этнической группы у саха усиливает значимость также и республиканской (РС (Я)) идентификации. Для 54% владеющих якутским языком саха «очень важно» осознавать себя жителем РС (Я) и лишь для 6% – «не важно», в то время как лишь для трети частично владеющих им данная идентификация очень значима, а для каждого пятого – вообще не значима. У русских, представителей группы «другие народы» и потомков этнически смешанных браков незнание якутского языка также снижает значимость республиканской идентификации.

Российская идентификация оказалась важной для всех групп опрошенных, но наиболее значимой она является для групп русских. Для саха и КМНС, частично владеющих родными языками, российская самоидентификация также более важна, чем этническая: по группе саха доля ответов «очень важно» 55 и 20 соответственно, по группе КМНС – 61 и 43%.

¹ *Абрамова М.А., Гончарова Г. С., Костюк В. Г.* Социокультурная адаптация молодежи Севера к условиям современных трансформаций (на материалах исследований в Республике Саха (Якутия)). Новосибирск, 2011.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что у саха и КМНС степень владения языками своей этнической группы усиливает значение этнической самоидентификации, в то же время обуславливает снижение значимости российской идентичности.

Мы предположили, что одним из факторов увеличения или снижения доли владеющих тем или иным языком, возможно, является система образования. Тем более, что проблема качества и возможностей преподавания языков – не только якутского, эвенского, эвенкийского, но и русского – поднималась уже давно. Так, Д.Г.Брагина отмечает, что в 1980х гг. в сельской местности при преподавании русского языка нередко использовался якутский язык. Поэтому специалисты поставили вопрос о качественном преподавании русского языка, свободное владение которым объективно являлось необходимым условием участия в высококвалифицированном труде¹.

В Докладе 1988 года по материалам социологического исследования межнациональных отношений студенчества СССР, проведенного по плану Главного Совета программы «Общественное мнение», в Якутии также было отмечено, что «в отношении преподавания якутского языка в школе мнения крайне критические. Только 52% якутов считают, что оно дает прочные знания. 23% считают эти знания недостаточными, 13% вообще отрицают помощь школы в изучении родного языка. 56% русских и 95% студентов некоренной национальности считают уровень преподавания якутского языка неудовлетворительным. В то же время и с преподаванием русского языка в школе есть большие проблемы: только 58% якутов считают знания этого языка, полученные в школе, достаточно прочными.

В то же время необходимость двуязычного обучения в школе ясно осознается: такое обучение поддерживают 80% студентов. При этом русские не признают углубленного изучения якутского языка, среди якутов это признается только в 55% случаев.

Для преподавания в вузах явным приоритетом пользуется русский язык: 93% опрошенных признают его необходимость. При этом только половина якутов считает целесообразным вести преподавание смешанно - и на русском, и на якутском языках. Среди лиц других национальностей это мнение распространено еще в меньшей степени².

Оценивая результаты введения национально-регионального компонента, мы соотнесли ответы жителей Якутии на вопрос о владении русским и якутским языком и получили интересную картину. Количество Саха, владеющих

---

¹ Брагина Д.Г. Этнические и этнокультурные процессы в Республике Саха (Якутия): 70–90-е гг. XX в. С. 124.

² Межнациональные отношения студенчества СССР: Доклад по материалам социологического исследования. Москва – Минск, 1989. С. 22–23.

якутским языком, с 2002 по 2010 г.г. сократилось на 6% (см. табл. 1); среди эвенов таковых стало меньше на 5%, а среди эвенков – на 4%. Количество саха и эвенов, владеющих русским языком, увеличилось на 2%, а эвенков – на 1%.

Таблица 1

**Динамика владения этническими группами
якутским и русским языками в Республике Саха (Якутия) 2002–2010 гг.**

Этнические группы	2002		2010	
	якутский	русский	якутский	русский
Якуты	94	87	86	89
Русские	2	100	2	100
Эвенки	85	89	80	90
Эвены	80	89	76	91

Конечно, полученные результаты можно было бы объяснить корректировкой в 2007 году содержания национально-регионального компонента. Но, как отмечает Е. Голомарева, «по данным муниципальных управлений образования, на начало 2009–2010 учебного года якутский язык является языком обучения в 420 учреждениях из 699 общеобразовательных учреждений республики, в том числе 34 городских, 386 сельских школ. В сравнении с данными 1993–1994 учебного года в 2009–2010 учебном году доля обучающихся якутскому языку и изучающих якутский язык как предмет увеличилась с 35,9 до 65,2%, доля общеобразовательных учреждений увеличилась с 69,9 до 96,5%»¹.

Необходимо отметить, что если введение на всей территории республики обязательного изучения второго государственного языка (языка титульного этноса) политически обосновано, то исторически некоторые населенные пункты в республике по этнической картине практически менее чем на 7% населены саха. Так, Мирный и Нерюнгри, города, которые были созданы в эпоху великих проектов по освоению Севера, заселены выходцами из Украины и Западной части России. В г. Нерюнгри вместе с п.г.т., по данным переписи 2002 г.², проживало 2,1% саха, в Мирнинском улусе – 6,7%.

По данным нашего исследования, у молодежи этих городов высокий уровень миграционных намерений после окончания школы. И в данном контексте, при миграции из одного субъекта РФ, где официально провозглашены 2 государственных языка, в другой регион России, где государственным языком является только русский, как бы это странно ни звучало, знание второго государственного языка им фактически в будущем не нужно.

¹ На государственные языки в Якутии до 2016 года будет направлено 64,8 миллиона рублей. URL: <http://www.yakutia24.ru/politika/na-gosudarstvennie-yaziki-v-yakutii-do-2016-goda-budet-napravleno-64-8-milliona-rublei> (дата обращения: 20.07.2012)

² Демографический ежегодник РС(Я) 2008 г. Якутск, 2008. С. 35.

Как отмечает В.Б. Игнатьева, для русскоязычного населения адаптация усложняется неблагоприятствующей им в республике социально-конкурентной ситуацией. Благодаря увеличению прослойки интеллигенции у коренных народов (саха и КМНС), русские уже не выделяются преимущественными позициями в этой сфере. «Произошло обусловленное объективными причинами снижение доли русских, занятых в таких областях, как здравоохранение, социальное обеспечение, образование, наука, культура, органы власти. В условиях обострившейся борьбы за престижные высокооплачиваемые должности предпочтение отдается коренным народам, как наиболее приобщенным к языку и культуре титульной нации (хотя не обязательно более квалифицированным). ... Часто единственным исходом в такой ситуации для русских (в особенности для интеллигенции) является отъезд в Россию»¹.

Проведенное в 2011г. исследование «Гражданская, региональная и этническая идентичность и проблемы интеграции российского общества» (руководитель Л.М. Дробижева) совместно с ГБУ Национальным агентством «Информационный центр при Президенте Республики Саха (Якутия)» (Генеральный директор А. Д. Бравин)² также продемонстрировало, что если «чувства гордости и достоинства от ощущения себя жителем республики характерны для подавляющего большинства саха-якутов, в том числе и для молодых (74%)», то «среди молодых русских такие чувства отмечают не более 26% – при том, что в старших возрастах у русских этот показатель выше (у 36–45-летних – 51%)» (см. табл.2)³.

Таблица 2

**Эмоции в связи с региональной идентичностью
в возрастных группах. Распределение в зависимости
от национальности, % от опрошенных в каждой подгруппе⁴**

«Какие чувства вызывает у Вас ощущение того, что Вы житель своей Республики?»	18–25 лет		36–45 лет	
	Саха-якуты	Русские	Саха-якуты	Русские
Чувство гордости, достоинства	74	26	81	51
Чувство сопричастности	45	30	56	60
Чувство отчуждения и отстраненности	8	1	6	3
Чувство обиды, униженности	3	1	7	3

¹ Этносоциальное развитие Республики Саха (Якутия): Потенциал, тенденции, перспективы / В.Б.Игнатьева. С.В.Абрамова, А.А.Павлов и др. Новосибирск, 2000. С.150–151.

² Идентичность и консолидационный ресурс жителей республики Саха (Якутия). М.: Институт социологии РАН, 2012. С. 81 1 CD ROM. URL: http://www.isras.ru/inab_2012_04.html

³ Там же.

⁴ Там же.

Данные выводы группы исследователей Института гуманитарных исследований АН РС (Я), а также групп Л.М. Дробизевой и А.Д.Бравина заставляют задумываться, что же все-таки является первичным для молодежи в Нерюнгри и Мирном? Нежелание учить язык титульного этноса и адаптироваться в условиях РС (Я) даже в родном городе компактного проживания славянских этносов, и, как следствие, формирование установки на миграцию после окончания школы? Или наличие данной установки приводит к нежеланию учить второй государственный язык?

Мы исследовали взаимосвязь между выбором типа аккультурационной стратегии¹ (стратегии взаимодействия с представителями иной этнической группы) и степенью владения индивидом родным языком. Судя по данным опроса, владение саха языком своей этнической группы способствует интеграции, в то же время не владение или частичное владение усиливает тяготение к ассимиляционным стратегиям. У русских владение якутским языком, наоборот, развивает тенденцию к ассимиляции, а частичное владение или не владение – к интегративной стратегии. Для КМНС владением языком своей этнической группы является фактором консолидации, поскольку тенденция к выбору интеграционной модели поведения растет по мере повышения степени владения навыками общения на языке своей национальности.

Таким образом, доминирующая в этническом окружении численность представителей саха может обуславливать у других представителей этнических групп, даже при небольших навыках владения якутским языком, стремление к выбору ассимиляционной стратегии аккультурации. Кстати, вывод, сделанный на основе результатов нашего исследования, ограничивает перечисленные в работе З.В. Сикевич возможные стратегии приспособления русских к новой социально-политической ситуации: «включение в местное общество при сохранении национальной самобытности (инкорпорация), ассимиляция, отъезд²» лишь последними двумя. Причин данной ситуации много, и в том числе отмеченный многими авторами низкий уровень стремления к этнической консолидации у русских не только в Респуб-

¹ Об аккультурационных стратегиях смотрите подробнее в: *Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г.* Социокультурная адаптация молодежи Севера к условиям современных трансформаций...; *Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г.* Модели этнокультурной адаптации молодежи Севера (на материалах социологических и социально-психологических исследований в Республике Саха(Якутия) // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2011. Т. 9. Вып. 1. С. 66–77; *Абрамова М.А., Гончарова Г.С.* Аккультурационные стратегии учащейся молодежи Якутии // Социологические исследования. 2009. №3. С.108–114.

² *Сикевич З.В.* Этносоциология: Национальные отношения и межнациональные конфликты. СПб., 1994. С.147.

лике Саха (Якутия). Но в данном субъекте РФ одним из значимых факторов является все-таки и обязательное изучение, в рамках новых госстандартов и политики республиканского правительства, якутского языка.

В то же время, как показали результаты нашего исследования в РС(Я), знание, даже частичное, русского языка для всех групп является консолидирующим фактором, поскольку усиливает и у саха, и у КМНС, и представителей «других народов» стремление к выбору интеграционной модели поведения, для которой характерны значимость и этнической, и российской идентичности.

Для КМНС владением языком своей этнической группы является также фактором консолидации, поскольку тенденция к выбору интеграционной модели поведения растет по мере повышения степени владения навыками общения на языке своей национальности.

Как видим, этническое самосознание, полнота владения этническим языком и аккультурационные стратегии индивидов тесно взаимосвязаны. Виды их взаимосвязи определяют социокультурный тип личности, и степень владения тем или иным языком здесь играет важнейшую роль.

Итак, наше исследование взаимосвязи отношения молодежи к языку и выбору аккультурационной стратегии в Республике Саха (Якутия) показало, что сохранение баланса в языковой ситуации и организация мероприятий не только по сохранению национальных языков народов Севера, но и двух государственных (русского и якутского) имеет большое значение для гармонизации межэтнических отношений и для консолидации этнических групп в регионе.

§ 3. Последствия реализации национально-регионального компонента Госстандарта образования

Но разночтения трактовок возможностей образовательных стандартов по Федеральному Закону об Образовании 1992 года коснулись не только преподавания языков в школе. Особенно ярко последствия принятой модели представляет содержательный аспект разделения учебного плана. Характерно, что разработчики документа к учебным курсам общекультурного и государственного значения, составляющим ядро федерального компонента и обеспечивающим его цели, в полном объеме отнесли лишь русский язык как государственный, математику, информатику, физику с астрономией и химию. Остальные же образовательные области и учебные предметы (и, прежде всего, предметы гуманитарного цикла, обеспечивающие формирование самосознания, воспитание российского гражданина), оказались либо зоной совместного ведения (история и социальные дисциплины, искус-

ство, Земля, биология, физическая культура, трудовая подготовка), либо исключительно зоной национально-регионального компонента (родной язык и литература, история и география региона и т. п.). Таким образом, субъекты Российской Федерации получили возможность интерпретировать события истории страны в согласии со своим региональным представлением. Также возникла проблема выбора не только учебных программ, но и учебников, как следствие различного видения промежуточных задач обучения.

Возможность «неоднозначной» трактовки нового Базисного учебного плана федеральным центром и этническими регионами в 90-х гг. отчетливо показала его реализация в тех субъектах Федерации, где стремления этнических элит были нацелены на дальнейшую «суверенизацию». Так, в якутской «Концепции обновления и развития национальных школ»¹ было постулировано, что в определении содержания и структуры предметов познавательного характера (география, история, природоведение и др.) и эстетического воспитания в национальной школе меняются соотношение и последовательность федерального, республиканского и школьного компонентов, и что разработка учебных планов и программ нового поколения и создание новых учебников по названным предметам переходит в компетенцию Республики Саха (Якутия). Стремление односторонне повернуть содержание образования в национальной школе в ущерб единству культурного (ценностного) и даже образовательного пространства РФ имело в той или иной степени место и в других случаях (Татарстан и др.).²

Таким образом, схему, предположенную в Законе об образовании 1992 г., которая должна была обеспечить единство образовательного пространства в стране и позволить создать учебные планы, учитывающие одновременно как федеральные, так и национальные, региональные и местные потребности и интересы, в условиях децентрализации и дифференциации в стране скорее можно охарактеризовать как утопию. Свобода выбора в содержании национально-регионального компонента госстандарта обучения в школе в условиях «парада суверенитетов» в РФ скорее напоминала тактику постоянного «перетягивания одеяла» от федерального центра к региональному. Это отчасти проиллюстрировано в оценке Е.Е. Вяземского и О.Ю. Стреловой, изучавших стратегию введения национально-регионального компонента. Характеризуя изменения в Законе «Об образовании» от 2000 гг. они отметили, что он «принципиально изменил действовавшую ранее централизованную унитарную модель

¹ Концепция обновления и развития национальных школ Республики Саха (Якутия) за пять лет (1991–1996 гг.). Якутия, 1996. 68 с.

² Кузьмин М.Н. Национальная школа России в контексте государственной образовательной и национальной политики // Теория и практика образовательной политики в условиях модернизации полиэтнического общества: В 2-х ч. М., 2006. Ч. 1.

школы, модель организации единого образовательного пространства, практически игнорировавшую разнотипность входящих в нее этнических элементов»¹. Этот Закон устранил моносубъектную монополию государства на социальный заказ школе, существенно расширив количество общественных субъектов, получивших право и возможность удовлетворять в образовании свои потребности, цели и интересы.

По результатам введения модели национально-регионального компонента М.Н.Кузьмин выделил в этом процессе ряд характерных тенденций:

- появление у титульных этносов преференций перед другими, проживающими на «их» исторической территории, хотя во многих случаях на всех этих территориях титульный этнос, как правило, не составляет большинства и даже не является доминирующим;

- перетягивание из федерального в национально-региональный компонент под свой контроль базовых гуманитарных предметов, формирующих мировоззрение школьника, его этническое и общегражданское сознание;

- актуализация религиозных и романтизация национальных культурных ценностей, относящихся преимущественно к аграрному прошлому и не совместимых ни с современными образовательными, ни с интегративными целями национальной школы².

Таким образом, заявленная в Федеральном Законе об образовании 1992 г. интегративная функция единства культурного (т.е. ценностного, цивилизационного, общегражданского) пространства оказалась в результате полностью потерянной.

§ 4. «Работа над ошибками»...

В Концепции национальной образовательной политики, подготовленной в 2006 г., было отмечено, что реализация Закона об образовании 1992 г. с редакциями от 2000 г. имела ряд негативных последствий: «Опыт прошедшего десятилетия свидетельствует о том, что наряду с положительными результатами, нашедшими отражение прежде всего в увеличении количества языков, функционирующих в системе образования, проявились и негативные тенденции. Принятый компонентный принцип организации содержания образования создал условия для автономной постановки не-

¹ Вяземский Е.Е., Стрелова О.Ю. Национально-региональный компонент исторического образования. М., 2003. С. 8.

² См.: Кузьмин М.Н. Модернизация России: проблема организации единого образовательного пространства в условиях полиэтничности // Содержание исторического образования в контексте модернизации полиэтнического общества России: Материалы Всероссийской конференции (Москва, 10–11 апреля 2003 г.). М., 2003. С. 30.

зависимых, не совпадающих, а порой и конфронтирующих друг с другом образовательных стратегий, целей и задач, реализуемых на региональном и федеральном уровнях. Следствием этого стали: автономизация регионального (национально-регионального) компонента, установление его приоритетности по отношению к федеральному, понижение уровня его связи с русским языком и культурой, превращение образовательного учреждения, реализующего общеобразовательные программы с этнокультурным региональным (национально-региональным) компонентом, с обучением на родном (нерусском) и русском (неродном) языках в инструмент этнической мобилизации и использование его в качестве фактора перевода федеративных отношений в конфедеративные¹. Среди причин, создавших возможность для развития центробежных процессов, были отнесены: непродуманность механизмов реализации компонентной модели конструирования содержания образования заявленным в Законе целям, отсутствие в Законе прописанного механизма согласительных процедур, обеспечивающих рациональный «баланс интересов»² субъектов образовательного пространства и сохранение целостности системы.

Таким образом, фактически спустя 14 лет после появления Закона об образовании (1992 г.) был сделан вывод о необходимости разработки Концепции национальной образовательной политики Российской Федерации, которая бы официально представила основные трактовки общих установочных принципов (норм) решения национальных проблем образования, относящихся как к федеральному ведению, так и к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов.

Основной целью национальной образовательной политики Российской Федерации стало создание оптимальных условий для этносоциокультурного развития юных граждан Российской Федерации, подразумевающих:

- «создание условий для удовлетворения этнокультурных образовательных потребностей народов, граждан полиэтнической России;
- содействие средствами образования политике государства, направленной на консолидацию многонационального народа России в единую политическую нацию;
- создание необходимых условий, обеспечивающих формирование в корреляции этнокультурной и общероссийской гражданской самоидентификации обучающихся»³.

¹ Концепция национальной образовательной политики Российской Федерации от 03 августа 2006 г. №201. URL: http://www.edu.ru/db-minobr/mo/Data/d_06/prgm201-1.htm

² Там же.

³ Концепция национальной образовательной политики Российской Федерации от 03 августа 2006 г. №201.

Изменения в Законе об образовании от 2006 года откорректировали название «национально-региональный компонент» на «региональный (национально-региональный) компонент». В качестве механизма для устранения негативных тенденций пересмотра субъектами РФ трактовок истории страны, а также роли титульной группы было предложено «создание организационно-управленческих механизмов согласования и сопряжения содержания гуманитарных предметов, представленных федеральным и региональным (национально-региональным) компонентами государственного образовательного стандарта»¹.

Одним из последствий корректировки названия с «национально-регионального компонента» на «региональный (национально-региональный)», при условии фактического отсутствия изменений в содержании обучения, стали опасения родителей и администрации образовательных учреждений, что такой предмет, как «родной» язык, будет исключен из программы обучения. Как отмечает В.В. Степанов: «общественное напряжение особенно заметно в Поволжье – в республиках Башкортостан, Татарстан, на Северном Кавказе – в Адыгее и Северной Осетии, в Сибири – в республиках Алтай и Якутия, на европейском Севере – в Карелии»². В условиях «подушевого» финансирования в системе образования проблема сохранения как предметников по дисциплинам с минимальной нагрузкой, так и малокомплектных школ становится очевидной.

В.В. Степанов приходит к выводу, что постепенный переход на федеральный стандарт и устранение вариативного регионального, на самом деле не обозначает ограничение возможностей, поскольку в рамках стандарта у школ теперь имеется возможность выбирать конкретную образовательную программу. И выбор теперь стал гораздо больше, чем предусматривала ранее отмененная система «регионального компонента»³. Проблема, по мнению автора, состоит в недостаточной осведомленности об имеющихся возможностях как администрации, так и учителей, а также в огромном количестве документов, которые необходимо соотнести с имеющимися социально-экономическими, культурными, демографическими особенностями региона и запросами родителей, прежде, чем выбрать оптимальный вариант федерального стандарта. Фактически речь идет о грамотной маркетинговой политике образовательного учреждения. И, конечно же, для ее построения работникам образовательного учреждения требуется не только освоение

¹ Концепция национальной образовательной политики Российской Федерации от 03 августа 2006 г. №201.

² Этнокультурное образование. Методы социальной ориентации российской школы / Ред. В.В. Степанов. М., 2010. Вып. 1. С. 6.

³ Этнокультурное образование. Методы социальной ориентации российской школы. С. 7.

специфических навыков, но и собственно переход на иной тип мышления. Фактически речь идет о переходе на «западный» подход к системе образования как сфере услуг. Но насколько он соответствует российской культуре и исторически сформировавшейся модели образования?

Большую часть этнопедагогических традиций в России скорее можно отнести к восточным, которые имеют своей задачей ввести индивида в традиционный уклад жизни, соответствующий миру данной общности, сословия, группы людей. Кризис системы образования в нашей стране связан по-сути с пересмотром тех базовых принципов, которые были заложены в ней. Если восточная модель представляла учителя как единственного источника знаний, как мудреца, то западная модель предлагает нам выбор тьютора, то есть тренера. Ответственность за выбираемую программу обучения ложится на плечи родителей, поскольку демократичное западное общество постаралось удовлетворить вкусы самых разнообразных социальных групп. И куда отвести ребенка «определяет» не общество, а сами родители. Фактически система образования превратилась в сферу услуг. Поэтому выбор, который осуществляет сейчас Россия – это не столько выбор между Западной и Восточной моделями образования, сколько выбор между «системой образования – храм личности» и «сферой образования – рынок услуг»¹. И в последнем варианте развития сценария, учитывая уже внедренный принцип финансирования образовательного учреждения по численности обучающихся, в особенно сложной ситуации могут оказаться именно преподаватели дисциплин, связанных с этнической культурой. В данном контексте опасения как родителей, так и преподавателей могут иметь под собой основания.

Другая тенденция, которая была отмечена В.В.Степановым в ходе исследования языковой и этнической политики в сфере образования, связана с нежеланием родителей отдавать детей в школы с этнокультурной направленностью², либо изучением дисциплин, связанных с этнической культурой. И отчасти это можно понять. Так, в настоящее время в Республике Саха (Якутия) идет реализация Указа Президента Республики от 12 октября 2011 г. № 962 «О государственной программе Республики Саха (Якутия) “Сохранение, изучение и развитие государственных и официальных языков в Республике Саха (Якутия) на 2012–2016 годы”». В рамках этой программы предусмотрен комплекс мероприятий, направленных на поддержку, сохранение, изучение и развитие государственных и официальных

¹ Об этом подробнее в статье: *Абрамова М.А.* Восток и Запад: модели системы образования // *Философия образования.* 2007. №2 (19). С. 68–75.

² Этнокультурное образование. Методы социальной ориентации российской школы. С. 11.

языков в республике. Остается только надеяться, что будет поддерживаться баланс мероприятий в отношении сохранения равных возможностей двух государственных языков более мягкими методами, нежели ранее.

Однако мы встречаем в Программе явные противоречия. С одной стороны, основными принципами школьного языкового образования являются «языковой суверенитет личности», а, с другой, «целостная система языкового образования в школах РС (Я) включает обязательное обучение якутскому языку как государственному языку республики в школах с русским языком обучения». И эта Программа, как мы уже отмечали выше, с завидной скоростью осуществляется.

Кстати еще в Докладе 1988 года по материалам социологического исследования межнациональных отношений студенчества СССР, проведенного по планам Головного Совета программы «Общественное мнение», в Якутии была отмечена тенденция к усилению студентами различных этнических групп (кроме русских) значения языка своей национальности по сравнению с той ролью, которую он играет в реальной жизни¹.

Изменение статуса якутского языка, спустя 4 года, с языка этнической группы на статус языка титульного этноса, а затем – в государственный язык фактически является подтверждением тенденции, зафиксированной исследователями еще в 70-80-х гг. XX века. Конечно, для молодежи саха изменения статуса языка этнической группы являются одним из свидетельств благоприятных изменений условий формирования этнического самосознания. Но, что касается молодежи остальных этнических групп, то это скорее становится вопросом того самого «языкового суверенитета личности» о котором так хорошо упомянуто в государственной Программе Республики Саха (Якутия) «Сохранение, изучение и развитие государственных и официальных языков в Республике Саха (Якутия) на 2012–2016 годы».

Кстати, данный документ вошел в качестве основного в состав документов Концепции государственной национальной политики республики Саха (Якутия), подписанной 29 мая 2013 года № 2084 Президентом РС(Я), в которой отмечено, что «по данным социологического исследования, проведенного в 2012 году Национальным агентством «Информационный центр при Президенте Республики Саха (Якутия)», на тему «Идентичность и консолидационный ресурс жителей Республики Саха (Якутия)», в характеристиках межэтнических отношений наблюдается стабильность, на протяжении многих лет доминирует положительный настрой»².

¹ Межнациональные отношения студенчества СССР: Доклад по материалам социологического исследования. Москва – Минск, 1989. С. 22.

² Указ Президента Республики Саха (Якутия) о Концепции государственной национальной политики республики Саха (Якутия) от 29 мая 2013 года № 2084 URL: <http://www.regionz.ru/index.php?ds=2211518>

В то же время, по результатам исследования Института гуманитарных исследований РС(Я), проведенного в г. Якутске еще в мае – июне 2005 г., было отмечено, что текущая на тот момент ситуация в сфере межнациональных отношений в республике может быть охарактеризована как внешне спокойная при наличии латентной межэтнической напряженности¹. Данный результат совпадает с результатами массового социологического исследования, проведенного нами в 2006 – 2009 гг. в Республике Саха (Якутия), где были представлены жители 34 улусов Республики и городских центров².

Как отмечает В.Б. Игнатьева, верификация причин беспокойства и страхов в сфере межэтнических отношений, по результатам исследований 2005 года имела следующую иерархию:

- у саха – движение скинхедов в России; рост численности представителей других народов в Якутии; разжигание национальной и религиозной нетерпимости;

- у русских – разжигание национальной и религиозной нетерпимости; ущемление интересов по национальному признаку при трудоустройстве, поступлении на учебу; движение скинхедов в России;

- у малочисленных народов Севера – рост численности представителей других народов в Якутии; движение скинхедов в России; ущемление интересов по национальному признаку при трудоустройстве, поступлении на учебу;

- у представителей других народов Якутии – ущемление интересов по национальному признаку при трудоустройстве, поступлении на учебу; движение скинхедов в России; разжигание национальной и религиозной нетерпимости³.

Анализируя факторы ухудшения межнациональных отношений, В.Б.Игнатьева выявила, что по степени значимости этих факторов для респондентов на первом месте стоит несоответствие стандартам общения, принятым в мультиэтнических обществах («низкий уровень культуры межнационального общения»: – респонденты саха – 48,5%, респонденты русские – 46,5%); на втором – «ухудшение социально-экономической ситуации» (саха – 38,5%, русские – 43,9%); и на третьем – отсутствие государственного регулирования в области национальных отношений (отсутствие федеральной политики в решении национальных вопросов саха – 31,5%, русские – 20,6%)⁴.

¹ Федерация: проблемы взаимоотношений центра и регионов в современной системе координат / Игнатьева В.Б., Винокурова Д.М., Гаврильева Т.Н. и др. / Акад. наук Респ. Саха (Якутия), Ин-т гуманитар. исследований. Якутск, Якут. фил., 2007. С. 318.

² Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г. Социокультурная адаптация молодежи Севера к условиям современных трансформаций (на материалах исследований в Республике Саха (Якутия)).

³ Федерация: проблемы взаимоотношений центра и регионов в современной системе координат. С. 319

⁴ Там же. С. 320

Проведенное в 2011г. исследование «Гражданская, региональная и этническая идентичность и проблемы интеграции российского общества» (руководитель Л.М. Дробижева) совместно с ГБУ Национальным агентством «Информационный центр при Президенте Республики Саха (Якутия)» (Генеральный директор А. Д. Бравин)¹ также зафиксировало имеющуюся напряженность в межэтнических отношениях. Исследователи отметили, что «причины неприязни к людям другой национальности молодежь воспринимает более болезненно, чем среднее поколение. В частности, 54% молодежи полагают, что «люди каких-то национальностей хотят заявить себя хозяевами на этой земле», и это вызывает к ним неприязнь»². Особо было отмечено, что «молодежь чаще, чем старшие, акцентирует культурную дистанцию, особенно – русская молодежь (48% русской молодежи утверждают, что неприязнь «сильно связана» с различиями в поведении и образе жизни людей; 39% - у молодежи саха-якутов)»³. В заключении исследователями было отмечено, что «20-30% среди саха-якутов и русских лично испытывали какие-то ущемления на этнической почве, 32% саха-якутов и 30% русских полагают, что напряжение существует»⁴.

В числе указанных В.Б. Игнатьевой и Л.М. Дробижевой факторов межэтнической напряженности хочется обратить внимание на главный, выделенный и русской молодежью, и молодежью саха – «низкий уровень культуры межнационального общения». А ведь опрос под руководством В.Б. Игнатьевой проводился в 2005 году, в субъекте РФ, в котором на уровне внедрения «Закона об образовании» с 1992 года осуществлялась реализация национально-регионального компонента в рамках стандарта для общеобразовательных школ, а под руководством Л.М. Дробижевой – в 2011 г., спустя практически 20 лет после его введения.

В то же время данные Доклада по материалам социологического исследования межнациональных отношений студенчества СССР, проведенного в ноябре 1988 г. по плану Главного Совета программы «Общественное мнение», в Якутии зафиксировали взаимную недоброжелательность русских и якутских студентов, связанную с неуважительным отношением, лишь на уровне 4–5%⁵.

Соотнесение данных по оценке межнациональных отношений 1988 г. и 2005 г. (В.Б. Игнатьева), 2006–2009 гг. (М.А. Абрамова), 2011 г. (Л.М. Дробижева) скорее свидетельствует о недостаточной эффективности реализа-

¹ Идентичность и консолидационный ресурс жителей республики Саха (Якутия)...

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Межнациональные отношения студенчества СССР. Доклад по материалам социологического исследования. Москва – Минск, 1989 г. С. 23.

ции этнокультурного или поликультурного подхода в рамках системы образования в Республике Саха (Якутия), поскольку достаточно очевидно, что даже в сфере владения культурой межнационального общения произошли негативные изменения, что, как следствие, не создает благоприятных условий для гармонизации межэтнических отношений.

Возможно, недостатки реализации образовательной политики 1992 – 2006 гг. удастся устранить новой Концепции государственной национальной политики Республики Саха (Якутия) от 29 мая 2013 года, в которой провозглашено, что «сохранение традиционных ценностей всех проживающих на территории республики народов, укрепление межнациональной стабильности, толерантности, гражданского мира и согласия – одна из приоритетных задач национальной политики, проводимой в Республике Саха (Якутия)»¹. Данный документ опирается на Указ Президента Республики Саха (Якутия) от 12 октября 2011 г. № 968, на основании которого была утверждена Государственная Программа Республики Саха (Якутия) по гармонизации межэтнических отношений на 2012 - 2016 годы. В документе указано, что в «соответствии с программой реализуются меры, направленные на укрепление в Республике Саха (Якутия) толерантной среды на основе ценностей многонационального общества»².

Тенденции, имеющие место в законодательном творчестве республики, вполне соотносятся с новыми требованиями национальной образовательной политики РФ, зафиксированной в 2012 году в новом Законе об образовании. Относительно сохранения этнокультурного образования в нем сохранены, отчасти с редакторскими изменениями, несколько пунктов Закона об образовании (1992 г.). В Статье 3, где речь идет об основных принципах государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования в рамках создания единства образовательного пространства на территории Российской Федерации, гарантируется «защита и развитие этнокультурных особенностей и традиций народов Российской Федерации в условиях многонационального государства»³. В предыдущем варианте гарантировалась «защита и развитие системой образования национальных культур, региональных культурных традиций и особенностей в условиях многонационального государства». В результате чего фактически система образования несла ответственность за развитие национальных культур. При этом под национальными понималась культура этнических групп.

¹ Указ Президента Республики Саха (Якутия) о Концепции государственной национальной политики республики Саха (Якутия) от 29 мая 2013 года № 2084...

² Там же.

³ Федеральный закон об Образовании в РФ от 26 декабря 2012 г. URL: <http://xn--80abucjiibhv9a.xn--p1ai/pdf>

В Статье 5 сохранилась прежняя формулировка о гарантии права на образование, независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного, социального и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям.

Полномочия органов государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере Образования на основании Статьи 8 теперь ограничиваются разработкой и реализацией «региональных программ развития образования с учетом региональных социально-экономических, экологических, демографических, этнокультурных и других особенностей субъектов Российской Федерации»¹. В предыдущей трактовке полномочий органов государственной власти субъектов РФ говорилось о возможном участии «в разработке на основе федеральных государственных образовательных стандартов или федеральных государственных требований примерных основных образовательных программ с учетом их уровня и направленности (в части учета региональных, национальных и этнокультурных особенностей)»².

В Статье 12 о требованиях к образовательным программам была сохранена прежняя формулировка о том, что: «содержание образования должно содействовать взаимопониманию и сотрудничеству между людьми, народами независимо от расовой, национальной, этнической, религиозной и социальной принадлежности, учитывать разнообразие мировоззренческих подходов, способствовать реализации права обучающихся на свободный выбор мнений и убеждений», но также были внесены дополнения об обеспечении развития способностей каждого человека, формировании и развитии его личности в соответствии с принятыми в семье и обществе духовно-нравственными и социокультурными ценностями.

В новой редакции Закона зафиксировано, что к экспертизе примерных основных общеобразовательных программ с учетом их уровня и направленности (в части учета региональных, национальных и этнокультурных особенностей) привлекаются уполномоченные органы государственной власти субъектов Российской Федерации.

И, что особенно важно отметить, появилась статья 48 об обязанностях и ответственности педагогических работников, которая запрещает использование образовательной деятельности «для политической агитации, принуждения обучающихся к принятию политических, религиозных или иных убеждений либо отказу от них, для разжигания социальной, расовой, нацио-

¹ Федеральный закон об Образовании в РФ от 26 декабря 2012 г. URL: <http://xn--80abucjiibhv9a.xn--p1ai/pdf>

² Там же.

нальной или религиозной розни, для агитации, пропагандирующей исключительность, превосходство либо неполноценность граждан по признаку социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности, их отношения к религии, в том числе посредством сообщения обучающимся недостоверных сведений об исторических, о национальных, религиозных и культурных традициях народов, а также для побуждения обучающихся к действиям, противоречащим Конституции Российской Федерации»¹.

Произошло и ужесточение системы контроля. Если в Федеральном законе от 29 декабря 2006 г. полномочия по контрольно-надзорной деятельности в сфере общего образования закреплялись как федеральные, но передавались на осуществление органам власти субъектов РФ в порядке, предусмотренном Ст. 28, то в Федеральном законе об образовании от 2012 г. функции на основании Статьи 93 по осуществлению контрольно-надзорной деятельности в сфере общего образования закрепляются за федеральными органами и осуществляются уполномоченными федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

Учитывая негативные последствия для социокультурного развития ситуации во многих субъектах РФ, к которым привело разделение учебного плана на федеральный и национально-региональный компоненты в конце XX века в России, а также безусловную актуальность обращения людей к истории своей культуры, и как следствие, повышение внимания к вопросу формирования этнического самосознания личности в начале XXI века, в новой редакции Федерального Закона об образовании (2012 г.) фактически сделана попытка устранить любые предпосылки для формирования националистических настроений в субъектах, сменив вектор развития системы образования с этнокультурологического вновь на интернациональный. Остается только надеяться, что исполнительные органы всех субъектов РФ будут следовать данному вектору в осуществляемой ими национальной образовательной политике, соблюдая оптимальный баланс этнических (национальных) и общероссийских ценностей и интересов.

Формирование глобально – ориентированного образования невозможно без усвоения национальных ценностей, причем отказ от этнокультурной идентификации означает отказ не только от своей культуры, но и от признания других культур, сведение смысла человеческого существования к его биологической составляющей. Принцип учета этнонациональных и глобальных тенденций образования отражает «две стороны одной медали», хотя в некоторых ситуациях он все же может приобретать уродливые очер-

---

¹ Закон Российской Федерации «Об образовании». Постановление Верховного Совета РФ от 10.07.1992, № 3266-1. М., 1992.

тания. Тогда люди становятся или «Иванами, не помнящими родства», или начинают ненавидеть других людей, другие культуры, которые отличаются от их собственной. По замечанию Владимира Соловьева, «народный дух ярче всего проявляется тогда, когда его пытаются отстоять, но путь к нему лежит через универсализм, который достигается посредством развития национальной духовности, основанной на стремлении к культурному взаимодействию с другими народами»¹. И как мы полагаем, учитывая результаты внедрения этнокультурного подхода в систему образования РФ, наиболее удачным механизмом для воплощения идеи универсализма в рамках нового Федерального Закона об образовании может стать применение социокультурного подхода: отталкиваясь от единичного – личного, проходя сквозь особенное – культурное (этнокультурное в частности) – обращаться к общему – социальному и мировому контексту. Возможно именно соблюдение данной триады, позволит избежать противостояния регионального и федерального, этнического и российского в рамках формирования образовательного пространства России.

---

¹ Соловьев В.С. Три силы // Соловьев В.С. Сочинения. М., 1992. Т.1. С. 25.

Глава 8. Роль семьи в социокультурном регулировании межэтнических взаимодействий

Семья как социальный институт играет важную роль в социокультурном воспроизводстве общества. Именно в семье закладываются основы социализации, приобщения к этнической культуре, межкультурного общения, формируются те или иные социокультурные ориентиры. Семья, как микрокосмос, создает первоначальную среду, в которой ребенок усваивает нормы и представления об одобряемом обществом социокультурном поведении. Семья осуществляет связь поколений, транслируя материальные формы быта, отношение к собственности, обычаи, нравы, социальные ценности. Таким образом, наряду с другими институтами социального развития семья формирует организационные рамки жизни, задает траекторию развития народа.

В полиэтничной России, как и во многих странах мира, постоянно растет число этнически смешанных семей. Данная тенденция является следствием интенсификации межэтнических взаимодействий на индивидуальном (муж и жена – лица разных национальностей) и на групповом (этнические мигранты, создающие среду для индивидуальных выборов) уровнях.

В этнически смешанных семьях всегда есть проблема аккультурации (усвоения другой культуры) супругов, этнической самоидентификации детей, усвоения ими традиций, обычаев, ментальных особенностей родителей. Наиболее отчетливо эти проблемы проявляются в тех этнически смешанных семьях, где супруги достаточно различаются в этно-культурном и в этно-конфессиональном планах. В Сибири, например, это славяно-тюркские брачные пары, брачные пары «народность Севера – славянин». При рассмотрении проблем формирования будущей структуры населения региона, его развития, тип семьи существенно влияет на воспроизводство населения, его количественные и качественные показатели, в частности, на социокультурную адаптацию молодежи к условиям современных трансформаций¹.

В данном исследовании, основанном на материалах проведенных по единой методике массовых социологических опросов молодежи в Республиках Саха (Якутия) и Хакасия, рассматриваются результаты ответов на вопросы, наиболее важные для регулирования межэтнических взаимодействий. Сравниваются различные типы самоидентификации молодежи из этнически смешанных и однородных семей, установки в межэтническом

---

¹ См. например: *Гончарова Г.С., Савельев Л.Я.* Семейно-брачные отношения у народов Сибири: проблемы, тенденции, перспективы. Новосибирск, 2004; *Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г.* Социокультурная адаптация молодежи Севера к условиям современных трансформаций (на материалах исследований в Республике Саха (Якутия)). Новосибирск, 2011.

общении, их социальное самочувствие. Это позволит выявить позитивные моменты в социальной роли этих типов семей и определенные проблемы формирования отношений людей в полиэтничной среде, а также расширить представления о возможностях семьи как социального института в регулировании межэтнических отношений.

В Республике Саха (Якутия) в 2006–2011 гг. среди учащейся молодежи было опрошено 3541 респондента из этнически однородных и смешанных семей, что составило 79% и 21% соответственно. В том числе – 1160 русских (78 и 22% из этнически однородных и смешанных семей), 1768 саха (93 и 7%), 284 представителей коренных малочисленных народов Севера (39 и 61%), 200 представителей «других народов» (62 и 39%) и 129 респондентов из этнически смешанных семей, с не определившейся национальной принадлежностью, что составило 16%.

В Республике Хакасия в 2012 г. среди учащейся молодежи было опрошено 1713 респондентов из этнически однородных и смешанных семей. Среди них 84% и 16% из этнически однородных семей из этнически смешанных семей соответственно. В том числе 1108 русских (89 и 11% из этнически однородных и смешанных семей соответственно), 382 респондента хакасской национальности (93 и 7%), 128 представителей «других народов» (73 и 27%) и 95 респондентов из этнически смешанных семей с не определившейся национальной принадлежностью, что составило 34%.

По данным Всероссийской переписи населения 2002 г., доля этнически смешанных домохозяйств в Республиках Якутия и Хакасия составляла 21,4 и 17,3% соответственно, а в 2010 г. – 17,3 и 13,7%¹. Т.е. наши выборочные совокупности вполне репрезентативны.

Типы самоидентификации. Рассмотрим вначале различия между типами самоидентификации молодежи – этнической, общероссийской, региональной, цивилизационной (быть гражданином мира). Выделяется молодежь из этнически однородных и этнически смешанных (в последующем тексте – однородных и смешанных) семей. Юношам и девушкам предлагалось при анкетном опросе оценить, насколько важно для них осознать себя: 1) представителем своего этноса; 2) жителем Республики; 3) представителем Севера; 4) сибиряком; 5) гражданином России; 6) гражданином мира – по шкале оценок «очень важно», «важно», «не важно». Результаты анализа материалов представлены на рис. 1.

Поскольку наиболее значимы для целей нашего исследования данные по этнической, общероссийской и региональной (республиканской) иден-

¹ Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. М., 2005. Т.6. С. 219, 221; Всероссийская перепись населения 2010. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

тиčnostям, то отобразим их графически, а другие («представитель Севера», «сибиряк», «гражданин мира») опишем текстуально. По всем видам идентичностей приведены ответы «очень важно», как наиболее полно отражающие самоидентификацию респондента.

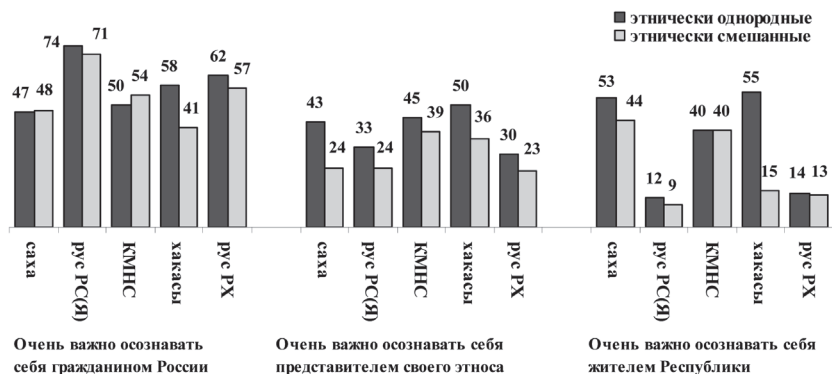

Рис. 1. Гражданская, этническая и республиканская самоидентификация молодежи из этнически однородных и смешанных семей, % в группе

Сравнение самоидентификации для всех выше перечисленных уровней идентичности в целом показывает, что молодежь из этнически однородных семей в большей степени, чем из этнически смешанных семей осознает их как «очень важные» во всех этнических группах в Республиках Хакасия и Саха (Якутия). Исключение составляют представители коренных малочисленных народов Севера (КМНС) в Республике Саха (Якутия), где особых различий суммарной самоидентификации (по всем уровням идентичностей) у молодежи из этнически смешанных и однородных семей не наблюдается. При рассмотрении всех уровней идентичностей у них по сравнению с другими этническими группами выделяется самоидентификация «типичный представитель Севера», что естественно и связано с определением этой группы, но эта идентификация в числе прочих не является наиболее значимой и занимает у них предпоследнее место.

Самые большие различия суммарной самоидентификации молодежи из этнически смешанных и этнически однородных семей наблюдаются у хакасов в Хакасии и в группе «прочие народы» в Якутии. Если у хакасов максимальные различия связаны с осознанием себя как жителя республики Хакасия, то в группе «прочие народы» они связаны с этнической самоидентификацией. В группе «прочие народы» в этнически смешанных семьях молодежь хоть и выбрала ту или иную национальность, но для нее этническая самоидентификация

фикация является «очень важной» в меньшей степени, чем для молодежи из этнически однородных семей. У хакасов же в этнически смешанных семьях при более высоком показателе этнической самоидентификации по сравнению с другими народами этой группы наблюдаем, что они в значительно меньшей степени осознают себя жителями республики по сравнению с хакасами из этнически однородных семей. Причины такого явления требуют дополнительного анализа. Мы можем только предположить, что это связано со сложностью межэтнической ситуации: хакасы из этнически однородных семей не считают выходцев из смешанных семей хакасами, и поэтому хакасы из этнически смешанных семей в меньшей степени считают «очень важным» быть жителем Республики Хакасия. Кроме того, возможность усвоения нескольких культур с детства формирует более широкое мировоззрение, где гражданская идентификация начинает превалировать над этнической, а патриотизм по отношению лишь к малой Родине заменяется чувством общности и значимости всей территории России, что обуславливает относительно высокую ценность общероссийской идентификации.

Общероссийская идентичность важнее этнической и региональной для всех этнических групп и обоих типов семей. Особенно это заметно у русских. Исключение составляет молодежь саха из однородных семей, считающая республиканскую идентичность важнее общероссийской (53% против 47%), а общероссийскую важнее этнической (47% против 43%) (см. рис.1).

В Якутии у русской молодежи из этнически смешанных семей общероссийская идентичность выше этнической и региональной на 47 и 62% соответственно и у молодежи из однородных семей – на 41 и 62%. В Хакасии эти показатели ниже и составляют – 35 и 44%, 32 и 40% соответственно. В Якутии у молодежи из этнически смешанных семей различие между общероссийской и этнической идентичностями больше, чем у русской молодежи из этнически однородных семей, а различие общероссийской и региональной не наблюдается. В Хакасии же эти различия меньше как при сравнении идентичностей общероссийской и этнической, так и при сравнении общероссийской и региональной.

В этнически смешанных семьях межкультурное взаимодействие на уровне семьи способствует нивелировке этнической и региональной идентичности и тем самым увеличивает общероссийскую идентичность русских, причем в большей степени в Республике Саха (Якутия), что, возможно, связано не только с этническим типом семьи, а и с этнической структурой в регионах, определяющей характер межэтнических взаимоотношений.

Русские Республики Саха (Якутия) из этнически смешанных и однородных семей, так же, как русские Республики Хакасия из этнически однородных семей считают, что «очень важно» быть сначала россиянином,

затем «гражданином мира» и потом быть представителем своего этноса (своей национальности). При разной интенсивности выбора позиций порядок следования сохраняется во всех трех перечисленных совокупностях. В то же время у русских Хакасии из этнически смешанных семей важность быть представителем своего этноса занимает четвертое место, уступая «сибирской идентичности». У русских Якутии из обоих типов семей «сибирская идентичность» минимальная и составляет 6–8%. Последний тип идентификации менее характерен для жителей Якутии, в силу исторических предпосылок административного и территориального разделения Российской империи, а затем в СССР, когда Якутия то входила в состав Сибири, то была отнесена к Дальнему Востоку. При этом на уровне терминологии не подчеркивалось, Дальний ли это Восток России в целом или Сибири. Учитывая тенденцию к доминированию общероссийской самоидентификации у русских Якутии, можно предположить, что для них Дальний Восток – это все-таки в первую очередь часть территории России, а не Сибири.

У русских из этнически смешанных семей в Якутии российская и этническая самоидентификация ниже на 3 и 9% соответственно по сравнению с этнически однородными семьями при увеличении цивилизационной самоидентификации – «очень важно» быть гражданином мира – на 5%.

В Хакасии у русских из этнически однородных семей российская и этническая самоидентификация также ниже на 5 и 7% соответственно по сравнению с этнически однородными при совпадении показателей цивилизационной самоидентификации. Как видим, у русских в Якутии и Хакасии влияние типа семьи на российскую и этническую самоидентификации можно считать практически одинаковым (различие 2% - в пределах погрешности), а влияние на цивилизационную самоидентификацию несколько ниже в Республике Хакасия. Возможно, это связано с тем, что русская молодежь из смешанных семей в Хакасии по сравнению с Якутией в большей степени чувствуют себя сибиряками (на 20%) и в меньшей степени – гражданами России (на 13%) и мира (на 8%). Хотя аналогичная ситуация наблюдается у русских Хакасии из этнически однородных семей, но с меньшей интенсивностью (значение показателей различается на 1, 2 и 4%). Возможно, это связано с более длительными сроками проживания родителей русских в Хакасии как в этнически однородных, так и в этнически смешанных семьях, что требует дополнительного исследования.

Сравнение всех типов выбора той или иной идентичности у саха и хакасов из этнически однородных семей показывает, что у молодежи хакасов они выше, чем у саха по всем типам идентичностей. Видимо, сказываются различия в этнической структуре обеих республик. Хакасы из этнически

однородных семей, будучи в меньшинстве в своей республике, более четко понимают важность всех типов идентичностей, чем саха Республики Саха (Якутия), где они в большинстве.

Различие влияния типов брака родителей у саха и хакасов на выбор самоидентификации состоит в том, что саха из этнически смешанных семей в большей степени чувствуют себя жителями республики, чем хакасы (на 29%, максимальные различия) и гражданами мира (на 18%). В то же время молодежь саха из этнически однородных семей по сравнению с хакасами в меньшей степени чувствует себя сибиряками (на 23%, максимальные различия) и гражданами России (на 11%).

Предпочтение выбора той или иной самоидентификации связано не только с этнической структурой в республике проживания, но и с осознанием прав и возможностей, которыми можно воспользоваться на республиканском и федеральном уровнях. Исторические предпосылки выделения территории в национальное образование также имеют большое значение. Якутия являлась автономной социалистической республикой долгое время в СССР, и к моменту развала страны фактически определялась с различными стратегиями по своему развитию вплоть до отделения, а Хакасия фактически получила статус национального региона лишь в 1991 году (до этого она входила в состав Красноярского края), а статус Республики – в 1993 году. Специфика демонстрации этнического своеобразия в двух Республиках, безусловно, имеет место быть. Если в первом случае этническое своеобразие являлось основанием для получения государственных преференций и охранялось юридически, то во втором случае оно скорее являлось лишь демонстрацией поликультурности региона, без дополнительной государственной поддержки.

Отношение к своей национальности. Сравнительно низкий уровень этнической идентичности русской молодежи не означает отрицательного ее отношения к своей национальности. Так, 64 и 66% русской молодежи из этнически смешанных семей Хакасии и Якутии соответственно ответили, что им нравится их национальность, а из этнически однородных – 72 и 77%. При этом нейтральное отношение к своей национальности среди молодежи из этнически смешанных и однородных семей составляет 23 и 14%, 14 и 10% соответственно. Как видим, у русской молодежи из этнически однородных семей в большей степени формируется положительное отношение к своей национальности (на 8% – в Хакасии и 11% – в Якутии) и в меньшей степени нейтральное отношение (на 9% – в Хакасии и 4% – в Якутии), чем в этнически смешанных семьях. Аналогичная ситуация у титульных этносов республик, но эти различия несколько больше. В однородных семьях во всех этнических группах комплиментарность («нравит-

ся моя национальность») молодежи к своей национальности выше, чем в смешанных семьях: у саха на 17% (68 против 51%); у хакасов – на 29% (75 против 46%).

Оценка состояния межнациональных отношений. Молодежь из этнически смешанных семей, как правило, более чувствительна к состоянию межэтнических отношений в пункте своего проживания. При ответе на вопрос «Как Вы оцениваете состояние межнациональных отношений в том национальном пункте, где проживаете сейчас?» выяснилось следующее (см. табл. 1).

Таблица 1

**Оценка молодежью состояния межнациональных отношений
в пункте проживания, % в группе**

Тип брака родителей	Состояние межнациональных отношений	Национальность респондента				
		саха	КМНС	русские РС(Я)	хака-сы	русские РХ
Этнически однородный	Состояние стабильное, без напряжения	60	68	43	62	61
	Присутствует скрытое напряжение	35	20	47	35	34
	Чувствуется сильное напряжение	4	9	9	3	3
Этнически смешанный	Состояние стабильное, без напряжения	43	64	41	61	63
	Присутствует скрытое напряжение	49	29	51	39	34
	Чувствуется сильное напряжение	6	5	8	0	2

Если сильное напряжение в межэтнических отношениях отмечает некоторая часть молодежи (4–9%) в Республике Саха (Якутия), то в Республике Хакасия всего 2–3%. Однако в Хакасии о скрытом напряжении свидетельствовал каждый третий респондент, а среди русских в Якутии – половина, что соответствует максимальным значениям этого показателя. При этом во всех этнических группах – саха, КМНС, русские – выходцы из смешанных семей чаще отмечают скрытое напряжение. В Хакасии особых различий между хакасами и русскими нет в этом плане, но скрытое напряжение несколько чаще отмечает хакасская молодежь из смешанных семей, чем из однородных (39 и 35% соответственно). Судя по оценкам напряженности (особенно скрытой) в межэтнических отношениях в этих республиках есть проблемы, по-разному затрагивающие рассматриваемые группы. Более всего это ощущают выходцы из смешанных семей, где эти проблемы отражаются как в семейном кругу, так и в поселенческом сообществе.

Конкретный анализ межэтнических проблем показал, что они обусловлены чаще всего недостаточно хорошим отношением к людям титульной национальности. Молодежь саха в Республике Саха (Якутия) из этнически смешанных семей чаще отмечает что, бывает, здесь не очень хорошо относятся к людям их национальности, чем к русским (30% против 20%). Хакасская молодежь из этнически смешанных семей также в большей степени отмечает негативное отношение к хакасам, чем к русским (21% против 4%). Как видим, процессы, связанные с отношением к титульным этносам и к русским в рассматриваемых республиках, по мнению представителей этих этносов из этнически смешанных семей похожи, хотя и отличаются по интенсивности: в Якутии степень негативного отношения к титульному этносу и к русским выше, чем в Хакасии на 9 и 16% соответственно.

Русская молодежь из этнически смешанных семей в Республике Саха (Якутия), также чаще отмечает, что «бывает, здесь не очень хорошо относятся к саха» (45%), чем «бывает, здесь не очень хорошо относятся к русским» (24%). В то же время русские из этнически смешанных семей в Республике Хакасия отмечают, что отрицательное отношение к хакасам практически не отличается от отрицательного отношения к русским (17 против 15%). Следует отметить, что в республике Хакасия эти показатели несколько ниже, чем в Республике Саха (Якутия). Аналогичные ответы и русской молодежи из русских семей – как в Якутии (44% негативного отношения к саха против 25% аналогичного отношения к русским), так и в Хакасии (17 против 8%). Как видим, русская молодежь Якутии из этнически смешанных семей чаще, чем саха из таких же семей отмечает существование отрицательного отношения к представителям титульного этноса (45 против 30%), так же, как и из этнически однородных – 44% против 26%. В Хакасии этого не наблюдается.

Следует обратить внимание на то, что только 30% русской молодежи из обоих типов семей в Республике Саха (Якутия) считают, что проблем нет в отношениях разных национальностей в пункте их проживания, в то время как такого мнения придерживаются 46% саха из этнически смешанных семей и 53% из этнически однородных. Как видим, различия во мнениях у молодежи разных этнических групп на существование проблем в межнациональных отношениях в Республике Саха (Якутия) существенные.

В Хакасии различие по поводу отсутствия проблем в отношениях разных национальностей во мнениях хакасов и русских из этнически смешанных семей значительно меньше, чем в Якутии и составляет 3% (57% у хакасов и 54% у русских) и – 7% из этнически однородных (64 против 57%).

Оценка причин конфликтности в межнациональных отношениях.

Чтобы понять причины имеющихся различий по поводу существования проблем в отношениях разных национальностей рассмотрим их природу, хотя бы на личностном уровне. Для анализа причин имеющихся различий использовались оценки молодежью того или иного конфликта, свидетелем или участником которого они были. В качестве оценки рассматривались такие характеристики: 1) присвоение прозвищ, кличек на национальной почве; 2) психологическое давление (угрозы, оскорбления по национальному признаку); 3) физическое насилие (избиение, драки); 4) вымогательство денег, вещей. 5) соперничество за лидерство. При этом альтернативно существованию проблем в межэтнических взаимоотношениях рассматривалось, что не приходилось быть свидетелем или участником конфликтов между представителями разных национальностей. Для анализа характера межнациональных отношений в пункте проживания были рассмотрены не только национальность респондента, но и тип семьи родителей.

Из табл. 2 видно, что 54–69% и 51–61% молодежи из этнически однородных и смешанных семей соответственно отмечают, что им не приходилось быть участником или свидетелем межнациональных конфликтов. Однако 37–57% и 50–64% молодежи из этих же семей отмечают, что они были свидетелями или участниками тех или иных межнациональных конфликтов. Молодежь из этнически смешанных семей чаще, чем из этнически однородных семей, отмечает, что им приходилось быть участником или свидетелем тех или иных конфликтов (на 7–13%). Такие результаты опроса могут означать, что молодежь из этнически смешанных семей не просто чувствительна к восприятию проблем в межэтнических отношениях, но и на себе испытывает их последствия. Из вышеперечисленных причин молодежь из этнически смешанных семей чаще отмечает психологическое давление (угрозы, оскорбления по национальному признаку) – 20–25%, затем следует физическое насилие – 11–18%.

Следует отметить, что при существующем разбросе проявления проблем в межэтнических отношениях у молодежи из этнически смешанных семей показатели по проблеме психологического давления у хакасов (25%), физического насилия у саха и русских в Якутии (18 и 17% соответственно) имеют максимальные значения. Причем проявление элементов физического насилия в такой же степени отмечает и русская молодежь из этнически однородных семей в Якутии (17%). Кроме того, приходилось быть свидетелем или участником разных конфликтов в большей степени русским в Якутии: как молодежи из этнически однородных семей (57%), так и из этнически смешанных семей (64%).

Таблица 2

**Оценка степени конфликтности
в отношениях между представителями
разных национальностей,
% в группе от числа ответивших**

Тип брака родителей	Степень конфликтности	Национальность респондента			
		саха	русские РС (Я)	хака- сы	русские РХ
Этничес- ки одно- родный	Присвоение прозвищ, кликер на национальной почве	9	14	15	8
	Психологическое давление (угрозы, оскорбления по национальному признаку)	18	16	22	12
	Физическое насилие (избиение, драки)	15	17	8	9
	Вымогательство денег, вещей	4	5	1	4
	Соперничество за лидерство	6	5	6	3
	Всего приходилось быть свидетелем или участником тех или иных конф- ликтов	52	57	52	37
	Не приходилось быть свидетелем	55	54	54	69
Этничес- ки сме- шанный	Присвоение прозвищ, кликер на национальной почве	6	13	14	8
	Психологическое давление (угрозы, оскорбления по национальному признаку)	22	22	25	20
	Физическое насилие (избиение, драки)	18	17	14	11
	Вымогательство денег, вещей	3	5	4	4
	Соперничество за лидерство	8	7	4	6
	Всего приходилось быть свидетелем или участником тех или иных конф- ликтов	57	64	61	50
	не приходилось	54	51	61	60

Предпочтение выбора национальности по социальным дистанциям.

Одним из важных индикаторов состояния межнациональных (межэтнических) отношений являются «социальные дистанции», т.е. предпочтения индивидов в отношении взаимодействия с представителями определенных этнических групп. Рассматриваются предпочтения своей, иной национальности или индифферентность по отношению к национальности при выборе супруга (и) – самого близкого круга общения (интимного круга дистанции); друга (подруги) – близкого круга (дистанции); коллеги по работе – средняя дистанция; начальника на работе – более дальняя дистанция взаимодействия; сотрудников органов власти, руководителя Республики – самый дальний круг общения. Возможно, не для всех индивидов эта градация «дистанций (кругов общения)» одинаково важна, но, как показывают этносоциологические и этнопсихологические исследования, использование ее позволяет достаточно адекватно измерить и оценить межэтнические установки респондентов. В наших исследованиях изучалось, какие установки в межнациональных отношениях формируют у молодежи этнически однородные и смешанные семьи, в которых они родились (тип семьи родителей). Результаты наших исследований по данному вопросу отражены на рис.2.

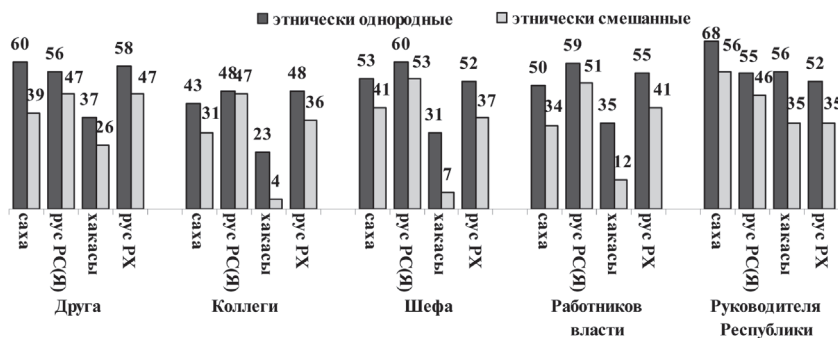

Рис. 2. Предпочли бы людей своей национальности при выборе друга, коллеги, шефа, работников власти, руководителя Республики дети из этнически однородных и смешанных семей, % в группе

Как видим, у молодежи из этнически однородных семей во всех этнических группах этноцентристские установки (предпочтительный выбор людей своей национальности) существенно выше, чем у молодежи из этнически смешанных семей. Причем, предпочтение выбора людей своей национальности относится ко всем социальным дистанциям. Если в Республике Саха (Якутия) предпочтительный выбор своей национальности наблюдает-

ся практически в одинаковой степени по всем дистанциям у молодежи из этнически однородных семей как у саха, так и у русских, то в Республике Хакасия наблюдаем значительное превышение выбора «своих» у русских.

Так, суммарный индекс этноцентризма у саха и русских в Якутии составляет 55 и 56% соответственно, а у хакасов и русских в Хакасии – 36 и 53%.

При близости показателей суммарного этноцентризма по всем социальным дистанциям у саха и русских в Якутии заметны некоторые различия значений при анализе каждой в отдельности: у русских они выше при выборе коллеги, начальника и работников власти, а у саха – при выборе друга и руководителя Республики. Следует отметить, что саха демонстрируют максимальное значение этноцентризма при выборе национальности руководителя Республики, а русские – при выборе начальника.

Возможно, это связано с тем, что политика назначения на руководящие должности в Республики Саха (Якутия) ориентирована на представителей титульного этноса, которые, в отличие от русских, владеют двумя государственными языками (чего нельзя сказать о русских), и это требование является обязательным. Поэтому молодые саха в большей степени могут предсказать национальность своего будущего руководителя. Для русских же психологический комфорт на работе в производственной сфере может быть обусловлен отчасти представлением о культурной модели руководителя и, конечно же, предпочтительно, чтобы она не расходилась с их личной моделью.

В Хакасии же основные различия состоят в том, что хакасы в меньшей степени, чем русские отдают предпочтение людям своей национальности по всем социальным дистанциям, кроме национальности руководителя Республики. При этом максимальное значение этноцентризма хакасы демонстрируют при выборе национальности руководителя Республики, а русские – при выборе друга. Как видим, этноцентризм хакасов в основном направлен на самый дальний круг общения, а русских – на самый ближний круг. Хакасы, так же как и саха, хотели бы всяческой поддержки со стороны людей своей национальности в высшем органе власти Республики, а русская молодежь Хакасии в большей степени ориентирована на друзей своей национальности. Это, возможно, связано с различиями в личностных характеристиках или с этнокультурными различиями и традициями, что требует дополнительного исследования и более детального анализа.

Что касается иерархии социальных дистанций, то у саха и хакасов выбор руководителя Республики (самый дальний круг общения) оказался наиболее значимым для молодежи обоих типов семей. Наименее этноцентристским оказался выбор коллеги – партнера по работе во всех рассматриваемых группах.

Для молодежи из этнически смешанных семей национальность не имеет особого значения при выборе и друга, и коллеги, и начальника, и сотрудников органов власти, и руководителя Республики в большей степени, чем для молодежи из этнически однородных. Правда, по всем социальным дистанциям доля ответов «все равно», «не имеет значения» среди молодежи саха несколько меньше, чем среди русской молодежи в Якутии, а у хакасов, наоборот, больше по сравнению с русскими.

Отметим также, что при выборе партнера, руководителя по работе и сотрудников органов власти молодежь саха и хакасы из этнически смешанных семей довольно часто (17–15% и 15–26% соответственно) предпочла бы русского, в то время как только 1–2% русской молодежи из таких семей выбрали бы саха и хакасов. Следует отметить, что 30% хакаской молодежи из этнически смешанных семей выбрали бы русского друга, в то время как русские – только 1% выбрали хакаса. В этнически однородных и смешанных семьях предпочтение якутской и хакаской национальности по всем социальным дистанциям у русских в среднем находится на уровне 1–3%.

Т.е., при формировании этнических установок хакаской молодежи и молодежи саха происходит определенный сдвиг комплиментарности в отношении к русским, что не наблюдается у русских. При этом у молодежи из смешанных семей этот сдвиг несколько больше.

По всем рассмотренным позициям шкалы социальной дистанции наименее этноцентричной является молодежь коренных малочисленных народов Севера – как из однородных, так и особенно из смешанных семей. При этом, идентифицируя себя как КМНС в этнически смешанных семьях, юноши и девушки во всех предложенных выборах чаще называют саха, чем русских. Например, при выборе друга (подруги) – соответственно 30 и 9%, партнера по работе – 28 и 18%, руководителя республики – 49 и 9%. Повидимому, молодежь КМНС чувствует себя в социокультурном отношении ближе к саха, чем к русским.

Среди молодежи Республик Саха (Якутия) и Хакасия из этнически смешанных семей 16 и 34% не определились однозначно при указании собственной национальности. Мы их условно назвали как «смешанная национальность». Рассмотрим их этнические установки, т.е. выбор национальности для всех выше рассмотренных социальных дистанций. Несмотря на то, что они сами однозначно не определились со своей национальностью, важно все-таки понять место их этнических предпочтений в общей атмосфере межэтнических отношений. Как видим (см. табл. 3), у этой группы молодежи при выборе национальности в обеих республиках по всем социальным дистанциям доминирует ответ «все равно». Это в какой-то мере соотносится с неопределенностью при выборе своей наци-

ональности. Следует отметить, что в Хакасии доля молодежи, не определившейся со своей национальностью и ответившая «все равно», заметно больше, чем в Якутии.

Таблица 3

Выбор национальности людей по социальным дистанциям среди молодежи из этнически смешанных семей, не определившейся со своей национальной принадлежностью, % в группе

Социальные дистанции	Республика Саха (Якутия)			Республика Хакасия		
	Предпочтение выбора национальности					
	саха	русского	все равно	хакаса	русского	все равно
Друга	15	20	51	2	33	66
Партнера по работе (коллеги)	16	23	51	1	25	70
Руководителя по работе (шефа)	15	31	45	4	30	64
Сотрудников органов власти	21	27	45	1	29	68
Руководителя республики	32	20	41	14	22	60

В этой группе молодежи в Якутии больше предпочтений русской национальности, чем саха по всем социальным дистанциям, кроме руководителя республики, а в Хакасии – по всем социальным дистанциям. Причем в Республике Саха (Якутия) максимальные предпочтения молодежь отдает национальности саха (32%) при выборе руководителя республики, а русской национальности – при выборе начальника (31%). В Республике Хакасия у нее максимальные предпочтения национальности хакас (14%) при выборе руководителя республики, а предпочтения русской национальности – при выборе друга (33%). Несмотря на то, что значения показателей отличаются, мы можем по максимальным предпочтениям той или социальной дистанции посмотреть, к какой этнической группе они ближе. Так, в Якутии молодежь, не определившаяся однозначно с выбором своей национальности, ближе к саха при выборе национальности руководителя республики, когда она демонстрирует максимальное значение этноцентризма (что было отмечено выше) и ближе к русским – при выборе национальности начальника. Возможно, это в основном дети из русско-якутских семей, и они так же как саха, в большей степени ориентированы на этнические привилегии с помощью государственной власти а, как русские, полагают, что русские обеспечивают более эффективное руководство в производственной деятельности.

В Хакасии наблюдаем, что молодежь из этнически смешанных семей, не определившаяся однозначно с выбором своей национальности, отдает

предпочтение русским при выборах по всем социальным дистанциям. Однако при выборе руководителя республики по максимальным предпочтениям они ближе к хакасам, а при выборе друга – к русским.

Молодежь из этнически смешанных семей, не определившаяся однозначно со своей национальностью, при предпочтении выбора людей той или иной национальности по социальным дистанциям сохраняет основные тенденции, присущие рассмотренным национальностям, и в то же время демонстрирует двоякость своего положения, выбирая характерное для каждой из них. Будучи в семье между двумя культурами, занимая срединное положение (не определившись однозначно с выбором своей национальности) они, с одной стороны, переносят это состояние на выбор национальности кого-либо в зависимости от социальной дистанции, соответствующее приоритетному выбору (максимальному значению), а с другой – демонстрируют индифферентное отношение (национальность не имеет значения).

Отношение к национальности супруга (и). В формировании этнической структуры семей немаловажную роль играет отношение к национальности при выборе супруга (и). Можно считать, что это одна из самых близких социальных или, точнее, социально-демографических дистанций. Если сравнивать степень этноцентризма (выбор своей национальности) при выборе супруга (и) (см. табл. 4) с выбором национальности по другим социальным дистанциям (см. рис.2.), то они проявляются в меньшей степени во всех рассматриваемых группах, кроме русской молодежи в Республике Хакасия.

Таблица 4

Отношение к национальности при выборе супруга (и), %

Мотивы этнической однородности браков среди респондентов при выборе супруга (и)	Тип брака родителей респондента									
	Этнически однородный					Этнически смешанный				
	Национальность респондента					Национальность респондента				
	саха	КМНС	русские РС(Я)	хакасы	русские РХ	саха	КМНС	русские РС(Я)	хакасы	русские РХ
Да, нужно чтобы супруги были одной национальности, так как общность обрядов, обычаев и языка способствует взаимопониманию	18	7	18	8	24	10	8	15	4	15
Да, нужно, чтобы супруги были одной национальности, так как я хочу, чтобы мои дети были моей национальности	20	11	24	17	31	12	7	14	4	21

Из таблицы 4 видно, что чуть больше половины (55%) русской молодежи Хакасии из этнически однородных семей при выборе национальности супруга демонстрируют этноцентризм, что сравнимо с выбором по другим социальным дистанциям. Этноцентризм при выборе национальности супруга (и) у русской молодежи Хакасии из этнически смешанных семей проявляется в меньшей мере, чем у этнически однородных семей, и составляет 36%. При сравнении выбора национальности по другим социальным дистанциям он ниже только при выборе национальности друга и работников власти (на 11 и 5% соответственно).

Для основной массы молодежи (62–85%) национальность не имеет значения при выборе супруга (и), за исключением русской молодежи из этнически однородных семей в Хакасии.

Следует отметить, по материалам обследования, проведенного в Хакасии в 2000 г. сектором этносоциальных исследований Института философии и права СО РАН, настроение молодежи по поводу выбора национальности супруга (и) 10 лет назад было менее этноцентричным. Хотя уже тогда было отмечено, что младшие поколения в меньшей степени, чем старшие, ориентированы на этнически однородные браки¹.

Так, если в 2000 г. доля русской молодежи из этнически смешанных и этнически однородных семей, считающей, что супруги должны быть одной национальности составляла 33 и 25% соответственно, то в 2010 г. – 36 и 55%.

Если в 2000 г. русская молодежь из этнически смешанных семей была настроена более этноцентрично, чем из этнически однородных, то через 10 лет ситуация стала обратной – более этноцентрично настроена стала молодежь из этнически однородных семей. Мнение русской молодежи по поводу национальности супруга (и) из этнически смешанных семей изменилось незначительно (увеличение на 3%), в то время как среди молодежи из этнически однородных семей доля считающих, что супруги должны быть одной национальности, увеличилась на 30%. У хакасов же этого не произошло. Если хакасская молодежь из этнически смешанных и этнически однородных семей в 2000 г. считала, что супруги должны быть одной национальности (10 и 27% соответственно), то в 2010 г. их мнение по этому поводу осталось практически на том же уровне (8 и 2).

Возможно, это связано с общей ситуацией в стране, когда русские поняли, что без защиты своей этничности на фоне увеличивающейся миграции представителей других национальностей из стран ближнего зарубежья и других регионов страны увеличивается разнообразие взаимоотношений, не всегда благоприятных для обеих сторон, что требует ответных реакций.

¹ Гончарова Г.С., Савельев Л.Я. Семейно-брачные отношения у народов Сибири: проблемы, тенденции, перспективы. Новосибирск, 2004. С. 221.

Насколько адекватны эти реакции – этот вопрос выходит за рамки анализа нашего материала и нуждается в дополнительном рассмотрении.

В целом русская молодежь обоих типов семей более этноцентрична в этом отношении, чем молодежь саха, хакасов, КМНС. Во всех этнических группах выходцы из смешанных семей более безразличны к выбору национальности при выборе будущего супруга (супруги), чем выходцы из однородных семей. Т.е., смешанные семьи в целом формируют у молодежи более позитивные этнические установки в брачных отношениях, чем семьи этнически однородные.

Позитивное отношение части русской молодежи Хакасии и Якутии к моноэтническим бракам определяется чаще мотивом этнодемографического воспроизводства («чтобы дети были моей национальности»), чем культурной близости (обычай, обряды, язык) в семейных отношениях. В однородных семьях всех этнических групп этот мотив проявляется четче, чем в смешанных семьях.

Отношение к этнической среде проживания и языку общения. Возможность находиться в своей этнокультурной среде (жить среди людей своей национальности, разговаривать на языке своей национальности) представляет ценность для молодежи всех этнических групп, обоих типов семей (см. табл. 5).

Таблица 5

**Отношение к этнической среде проживания и языку общения,
% в группе**

Отношение к этнической среде проживания и языку общения		Тип брака родителей респондента									
		Этнически однородный					Этнически смешанный				
		Национальность респондента					Национальность респондента				
		саха	КМНС	русские РС(Я)	хакасы	русские РХ	саха	КМНС	русские РС(Я)	хакасы	русские РХ
Жить среди людей своей национальности	очень важно	25	18	24	16	21	13	14	18	0	13
	не очень важно	56	59	51	60	54	51	59	47	50	47
	не важно	19	23	25	24	25	37	27	35	50	40
Разговаривать на языке своей национальности	очень важно	40	37	60	34	62	22	25	49	18	48
	не очень важно	47	47	28	50	29	50	51	33	43	30
	не важно	14	16	12	16	9	28	23	18	39	22

Среди молодежи саха из смешанных семей вдвое выше доля тех, кто отрицает значимость для них возможности говорить на языке саха, чем из однородных семей (28 и 14% соответственно). Еще более заметен этот эффект у хакасской молодежи (39 и 16%), при том, что он характерен для всех этнических групп в смешанных семьях. Это связано с тем, что выходцы из смешанных семей в меньшей степени владеют и разговаривают на языке своей национальности. Так, для представителей саха из этнически смешанных семей более характерно использование якутского языка только в доме, в остальных же ситуациях чаще используется русский язык¹.

Т.е., этнически смешанные браки снижают ценность для части молодежи такой важной характеристики ее этнического самосознания (идентификации), как язык этноса.

Сохранение традиций своего народа. В процессах социокультурного воспроизводства этносов и в межэтнических отношениях важную роль играет семья как транслятор традиций между поколениями (свадебных, связанных с рождением ребенка, отношениями детей и взрослых, хозяев и гостей, зажиточных и нуждающихся людей и т.п.) и среда формирования тех или иных установок молодежи в межличностном и межэтническом общении. Все это осуществляется через систему ценностей, через отношение к материальным и идеальным ценностям, которые передаются из поколения в поколение в семьях и обществе в целом. Индикатором этого процесса в той или иной мере у этноса может быть сохранение традиций и верований, которые распространяются на многие стороны общественной и семейной жизни.

Анализ показал, что во всех этнических группах в основном происходит трансляция традиций, сохранение их в двух поколениях – передача традиций от родителей к детям. Однако этот процесс неоднороден: в группе саха он протекает более интенсивно, чем у русских, коренных малочисленных народов Севера и в группе «другие народы». Наименьшую степень сохранения традиций наблюдаем в этнической группе «другие народы», представленной различными национальностями – в основном мигрантами, видимо теряющими связь с этнической родиной, что в той или иной мере влияет на процесс сохранения традиций. Следует отметить, что у них изначально меньше доля соблюдающих традиции в родительской семье: 64 против 79% у саха, 71% у русских и 67% – у коренных малочисленных народов Севера. Однако среди «других народов» велика доля желающих возродить традиции во втором поколении; таковых больше только у коренных малочисленных народов Севера.

¹ Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г. Язык как социокультурный феномен // Вестник НГУ. 2012. Т. 10, вып. 4. С. 64–72.

Передача традиций, как и их существование в родительских семьях, четко зависит от типа брака родителей (этнически смешанный или однородный брак). В этнически однородных семьях у всех народов Республики Саха (Якутия) сохранение традиций в двух поколениях выше, чем в этнически смешанных семьях.¹ Эти различия у саха составляют 10% (74 против 64%), у русских – 7% (62 против 55%), у коренных малочисленных народов Севера – 8% (66 против 58%) и у других народов – 23% (67 против 44%).

Социологические опросы в разных регионах России показывают, что одной из важнейших причин межэтнической напряженности как на личностном, так и на групповом уровне, является неуважительное отношение к особенностям культуры и к традициям контактирующих этнических групп.

В большинстве случаев негативные оценки этого поведения обоснованны. Однако когда русская молодежь отмечает, что «мигранты не уважают наши традиции», важно также осознавать, в какой мере она сама знает и уважает эти традиции. Как показали наши исследования в Республиках Хакасия, Тыва, Алтай, в г. Новосибирске, традиционалистский тип, когда «каждый человек должен осознавать свою национальную принадлежность, знать язык и культуру своего народа» более толерантен к представителям других этносов, по сравнению с теми, кто считает, что это не имеет особого значения².

При ответах на вопрос «Нужны ли эти обряды, традиции Вашего народа (связанные со свадьбой, рождением ребенка, похоронами и т.п.) в наши дни» каждый четвертый русский молодой человек ответил «нет, не нужны». Причем такого мнения придерживается русская молодежь независимо от типа семьи и места проживания.

В то же время часть молодежи отмечает, что «нужны некоторые из них» (12–19%). В однородных семьях саха, хакасов и КМНС в 2–3 раза меньше ответов «не нужны традиции, обряды», чем в смешанных (12 и 24% среди саха; 11 и 33% среди хакасов; 10 и 17% среди представителей КМНС). Следует отметить, что среди «других народов» в Якутии эти показатели у молодежи из этнически однородных и смешанных семей составляют 28 и 32% соответственно, в Хакасии – 22 и 28%. Как видим, различия в отрицании традиций и обрядов у них также есть, но они относительно небольшие. Однако в Якутии у них их значения максимальные, а в Хакасии – находятся на уровне показателей русской молодежи.

¹ Гончарова Г.С. Изменение семейно-брачных отношений и проблема устойчивости этнокультурных традиций // Новые исследования Тувы: электронный информационный журнал. 2010. № 3 С. 117–131. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_7/2152-goncharova.html.

² См., например: Россия как цивилизация: сибирский ракурс. Новосибирск, 2008. С. 157–162.

Молодежь из этнически однородных семей в большей мере считает, что обряды и традиции нужны в наши дни, чем молодежь из этнически смешанных семей, за исключением русской молодежи, где таких различий не наблюдается. Так, среди хакасов эти различия составляют 30% (78 против 48%), среди саха – 28% (72 против 64%), среди представителей группы КМНС – 5% (73 против 68%), у русских их нет – в Республике Саха (Якутия) эти показатели для этнически однородных и смешанных семей составляют 60 и 57% соответственно, в Республике Хакасия – 61 и 62%).

Как видим, этнически смешанные семьи родителей обуславливает снижение значимости для молодежи саха, хакасов, КМНС традиционалистских установок и почти не влияют на установки русской молодежи.

Можно отметить, что среди молодежи из группы «другие народы», по сравнению с саха, хакасами и русскими, не только изначально меньше соблюдающих традиции в родительской семье и в меньшей степени сохраняющих их в двух поколениях, но и больше считающих, что они не нужны. Можно предположить, что среди них в основном мигранты в прошлом или в настоящем. Нарушив связь с этнической родиной, теряя свой традиционный уклад жизни, не успев усвоить новый, часть из них придерживается мнения, что традиции не нужны. Отрицание традиций своего народа может распространяться на традиции всех других народов, что неизбежно приводит к возникновению противоречий, вплоть до конфликтных ситуаций.

Поэтому целесообразно как в семейном и школьном воспитании, так и в деятельности СМИ больше внимания уделять формированию традиционалистских установок молодежи, в первую очередь русской (как основной, объединяющей все народы России), а не радикально-либеральных установок индивидуализма, «новаций», отрицание исторической преемственности ценностей российской цивилизации. Одновременно необходимо расширять культурный кругозор молодежи, знакомя ее с ценностями и традициями других этносов.

Итак, материалы наших исследований свидетельствуют о том, что тип семьи – этнически однородный и смешанный – играет существенную роль в формировании установок молодежи в сфере межэтнических отношений, в выборе ею аккультурационных стратегий, в степени социокультурной адаптивности к полиэтнической среде, участвуя тем самым как в прямом, так и косвенном социокультурном регулировании межэтнических взаимодействий. Этнически смешанные семьи способствуют гармонизации этих взаимодействий, формируя тип индивидов, менее этноцентристских и более толерантных во взаимоотношениях людей разных национальностей.

Глава 9. Возможности использования идей социокультурного неотрадиционализма в регулировании межэтнических взаимодействий

§ 1. Социокультурный подход к исследованию неотрадиционализма

Ситуация, складывающаяся в современной российской этнополитической действительности, обуславливает необходимость выработки эффективных механизмов регулирования межэтнических взаимодействий, которые, проявляясь в различных формах деятельности, составляют суть межэтнических отношений в целом. Идеи концепции социокультурного неотрадиционализма в данном контексте могут быть востребованы, поскольку актуализируют необходимость учета социокультурных параметров изменения общества. При этом, если вектор социокультурных трансформаций рассматривать как критерий направленности этих изменений, то учет соответствующих параметров приобретает статус теоретико-методологического подхода. Основоположителем социокультурного подхода принято считать П. Сорокина, который выразил его суть в книге «Человек. Цивилизация. Общество»¹. Проводя анализ «родовой структуры» социокультурных явлений, он подытоживает результаты анализа в формуле: «Личность, общество и культура как неразрывная триада» и поясняет: «Структура социокультурного взаимодействия... имеет три аспекта, неотделимых друг от друга: 1) личность как субъект взаимодействия; 2) общество как совокупность взаимодействующих индивидов с его социокультурными отношениями и процессами и 3) культура как совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, и совокупность носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения... Ни один из членов этой неразделимой триады (личность, общество и культура) не может существовать без двух других».² В контексте данного исследования нельзя не остановиться на понятии культура. Ведь, как справедливо отмечает Л. Бойцов, «не только человек творит культуру, но и культура творит человека. Она – залог существования единого “поля” любого этноса. Отказ от культурных норм или их сбой может привести к полному забвению фундаментальных нравственных ценностей. Культура – один из краеугольных камней государства, благодаря которой происходит трансляция из поколения в поколение нравственных норм, устоев и духовных

---

¹ Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

² Там же. С. 218.

ценностей, что делает общество устойчивым и способным к гармоничному развитию»¹. Важным представляется понимание под культурой совокупности способов и результатов деятельности человека (материальных и духовных: идеи, ценности, нормы, образцы и др.), а под социальностью – совокупности отношений каждого человека или иного социального субъекта с другими субъектами: экономических, социальных, идеологических, политических отношений, формируемых в процессах деятельности.

Как пишет в данном контексте Н.И. Лапин, «специфика социокультурного подхода состоит в том, что он интегрирует три измерения человеческого бытия (человека в его соотношении с обществом, характер культуры, тип социальности) именно как фундаментальные, каждое из которых не сводится к другим и не выводится из них. Но при этом все они взаимосвязаны и влияют друг на друга как важнейшие составляющие человеческих общностей. Многомерность человека и истории получает здесь воплощение в методологической интеграции трех специфических форм (способов, измерений) человеческого бытия»². «При социокультурном подходе, – обращает внимание С.Г. Кирдина, – в центре внимания исследователя находится человек активный (*homo activus*), являющийся многомерным био-социокультурным существом и субъектом действия, его нравственность, составляющая основание любой культуры. Тем самым предпринимается попытка выявить сущностные ценностные и этические характеристики социальных субъектов, определяемые культурным долговременным контекстом, поскольку культура, как справедливо замечают сторонники данного подхода, пронизывает все без исключения состояния социальной жизни. При этом авторы концентрируются на рассмотрении, прежде всего, основополагающих ценностей социальных групп, наиболее значимых для характеристики социокультурного типа общества. При этом подходе обязательно присутствует сопоставительный анализ изучаемых ценностей социальных групп, с одной стороны, и социокультурных характеристик общественного целого, с другой стороны. Социокультурный подход оперирует с определенной моделью общества. Общество здесь понимается как социокультурная система, возникающая и изменяющаяся в результате действий и взаимодействий людей»³.

Важной для исследования межэтнических взаимодействий характеристикой социокультурного подхода является способность с его помощью выяснения сопряжения устойчивого и изменчивого, личности и общества,

¹ Бойцов Л. Отцы и дети: корневой вопрос современной жизни. URL: http://www.russia-today.ru/2006/no_02/02_topic_2.htm.

² Лапин Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социологические исследования, 2000. № 7. С. 3–12.

³ Кирдина С.Г. Социокультурный и институциональный подходы как основа позитивной социологии в России. URL: <http://kirdina.ru/public/Socis2002n/index.shtml>.

культуры и социальности. Структура и динамика общества в рамках данного подхода характеризуется параметрами социокультурного баланса, преобладанием воспроизводящих (традиционных) или изменяющихся (инновационных) процессов. Субъектами взаимодействия здесь могут выступать как индивиды, так и социальные общности (группы, организации и др.). «С этих позиций социокультурная трансформация есть комплексное, преимущественно эволюционное преобразование общества как социокультурной системы. Комплексность преобразования означает, что трансформационный процесс охватывает все основные структуры и процессы системы и потому не сводится к реформам «сверху», а его ход и исход в решающей степени зависят от действий массовых социальных групп. Это обуславливает принципиальную неоднозначность, незаданность окончательного исхода преобразований. В особенности это относится к трансформации социокультурной системы как переходу от одного типа антропосоциетального соответствия к другому. Этот исторический процесс охватывает жизнь многих поколений людей и длится десятилетия»¹. При построении концепции национальной политики необходимо учитывать комплексность и длительность трансформационных процессов.

Социокультурный неотрадиционализм особым образом актуализировался на постсоветском пространстве. В период существования Советского Союза традиционные этнические нормы и ценности были в большей или меньшей степени вытеснены новой, гражданской советской идентичностью и коммунистическими ценностями. Новшества, такие как городской образ жизни, грамотность, возможность получить образование, сами по себе, несомненно, прогрессивные, внесли существенный диссонанс в традиционный образ жизни. Снижению важности традиционных этнических обрядов и обычаев способствовали и такие явления, как миграция населения, растущая урбанизация. Они ломали локальные связи, раздвигали границы социального общения, ставя индивида в прямое и косвенное отношение с все более широким кругом людей. Таким образом, происходил разрыв непосредственных связей молодого поколения со старшими – живым воплощением и блюстителями традиций и обычаев. Переселенческое движение, перемещение сельского населения в города и промышленные центры, концентрация в них крупных масс людей с чрезвычайно пестрым этническим и конфессиональным обликом ослабляло прежние связи и типы поведения. Отсутствие контроля и появление возможности избежать осуждения за несоблюдение правил, приводило в соприкосновение большие группы людей с различными традициями, смешение которых разрушало одни и способство-

¹ Кирдина С.Г. Социокультурный и институциональный подходы как основа позитивной социологии в России. URL: <http://kirdina.ru/public/Socis2002n/index.shtml>.

вало усвоению других, новых стандартов поведения. В рамках социокультурного неотрадиционализма имеет место процесс ревитализации обрядов и обычаев, который выступает способом сохранения (возрождения) того содержания, которое несет в себе традиция, но в ином социальном контексте. Возникший в связи с распадом СССР кризис советской идентичности на рубеже XX–XXI вв. обуславливает актуализацию этнических идентичностей, основанных на этнических культурах. Н.И. Лапин, как представляется, корректно описал предпосылки возникновения здесь социокультурного неотрадиционализма: «Собственно говоря, именно в процессе либеральной трансформации социокультурного общества его традиционалистский баланс нарушается, а проблема его симметрии приобретает особую актуальность. Именно это мы и наблюдаем в современном российском обществе. В настоящее время его базовые функции осуществляются асимметричными структурами: *жизнеобеспечение* – смешанной экономикой, при чрезмерном влиянии олигархического сектора; *интеграция* – переплетением культур западного и восточного типов, при преобладании западной культуры; *дифференциация* – разнородными системами стратификации при неразвитости среднего класса; *властное регулирование* – унитарной федеральной властью при сочетании с многопартийным парламентом, автономией субъектов федерации и либеральными нормами гражданства»¹.

С точки зрения А.С. Ахиезера в рамках социокультурного подхода представлена иная модель общества. Он доказывает объективное существование в российском обществе двух разнонаправленных процессов и соответствующих им двух социокультурных идеалов, как в среде интеллигенции и духовной элиты общества, так и в глубине народной жизни, внутри самого социума. Основной объект анализа при этом – раскол целостности, выражающийся в борьбе этих противоположных идеалов – вечевого (соборного, либерального) и авторитарного (абсолютистского, тоталитарного). Раскол между ними обуславливает невозможность медиации, но задает циклическое инверсионное развитие. В ходе каждого исторического цикла осуществляется переход между двумя крайними точками инверсии – от вечевого идеала (соборности) к авторитаризму (абсолютизму) и обратная инверсия. Развитие представляет собой поиск постоянного компромисса между этими полюсами, более удачный – в период развития страны и менее удачный – в период катастроф. Именно расколу, по мнению А.С. Ахиезера, принадлежит главная роль в возникновении общественных кризисов. При этом основное содержание конфликта – «конфликт двух типов конструктивной напряженности (локального и общества в целом)», внутреннее противоречие между

¹ Лапин Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры. С. 41.

локализмом и государственностью, конфликтом частей общества между собой и государством как целым. Следуя методологии социокультурного анализа, осмысление, и, соответственно, преодоление раскола, как полагает А.С. Ахиезер, прежде всего, должно быть достигнуто в культуре, в нарастании рефлексии истории, ибо раскол – это состояние общественного сознания, неспособного осмыслить целостность понимаемого¹.

Применение социокультурного подхода позволяет при анализе социальных трансформаций выявить дополнительный культурный пласт в анализе общественного развития. Применительно к исследованию межэтнических взаимодействий и их регулирования, социокультурный подход акцентирует внимание на глубинных исторически сформированных социально-ценностных структурах, задающих границы для формирования новой идентичности в условиях трансформации российского общества, выявляет социокультурные основания, позволяющие объяснить как магистральную линию формирования и существования социокультурного неотрадиционализма, так и его региональную специфику. «Такой подход восстанавливает представление об обществе как о сложном социокультурном объекте, выявляя исторически накапливаемые социально-культурные программы деятельности, поведения и общения людей, обеспечивающих передачу социального опыта от поколения к поколению. Он позволяет определить социокультурные ограничения, неизбежно существующие в каждом обществе, его социетальную природу, которые обуславливают сопротивление или принятие тех или иных культурных образцов. При социокультурном подходе в центре внимания находится взаимодействие типа-личности и типа-общества, и характер этого взаимодействия рассматривается как одно из определяющих направлений социальных изменений»².

Безусловно, вопрос о социокультурном неотрадиционализме неотделим от проблем взаимосвязи традиций с культурой, от выяснения соотношения понятий «традиция» и «культура», так как очевидно что «традиции – необходимая составная часть любой культуры, культуры любого общества. Между ними существует глубокая внутренняя связь, обусловленная, прежде всего, культурной традицией. Анализируя любой уровень культуры, мы везде постоянно обнаруживаем, что традиции выступают одной из тех составляющих истории цивилизованного мира, которые позволяют культуре непрерывно развиваться как единому организму, как целостности. Непрерывная наступательная линия в культурном развитии обеспечивается, прежде всего, посредством такого социального трансля-

¹ Кирдина С.Г. Социокультурный и институциональный подходы как основа позитивной социологии в России...

² Там же.

тора, как традиция». В этом контексте для комплексного рассмотрения феномена социокультурного неотрадиционализма, необходимо определить социальность как «причину человеческого бытия» и «непременное условие связи между поколениями людей, между членами общины, общества. На этой почве социальность пересекается с культурой, одной из важнейших функций которой как раз и является «коммуникативная функция», обеспечивающая «общение поколений»¹.

§ 2. Социокультурный неотрадиционализм и межэтнические взаимодействия

Специфика функционирования и проявления особенностей межэтнических взаимодействий людей на территории России сформировалась в длительном процессе становления полиэтничной общности, сосуществования и взаимодействия разнообразных этносов и этнических групп. Под межэтническими взаимодействиями принято понимать, прежде всего, «разнообразные контакты между этносами, ведущие к изменению индивидуальных и социальных характеристик каждой из взаимодействующих этнических групп и их отдельных представителей, а также к интеграции их определенных качеств и свойств»². Взаимодействуя, представители различных этнических общностей, с одной стороны, изменяют свои собственные черты и качества, делая их несколько иными, непохожими на прежние, а с другой, – ведут к интеграции их определенных качеств и свойств, превращают некоторые уникальные особенности каждого из них в нечто общее, совместное. Выявить принадлежность данных особенностей только представителям одного этноса со временем становится проблематичным, особенно в контексте глобализационных тенденций. И здесь как раз феномен социокультурного неотрадиционализма снимает такого рода противоречие через обращение к локальным этническим традициям. Одной из значимых особенностей современного развития является рост интереса людей к наследию прошлого в целом, и к этнокультурным традициям в частности. Обращение к собственной культуре и языку, традициям и ценностям является способом самоопределения и средством сохранения целостности этнических общностей в контексте глобализационных тенденций. Все чаще находит подтверждение формула: борьба за прошлое становится составной частью борьбы за настоящее и будущее (А.Б.Гофман). В свою очередь, ин-

¹ Быченкова И. А., Сычева Л.С. Традиция как объект гуманитарного познания. Новосибирск, 2001. С. 89

² Крысько В.Г. Этнопсихология и межнациональные отношения. М., 2002. С. 67.

интерес к прошлому реализуется прежде всего через обращение к традиции. Этим объясняется возрастание роли традиции в идентификации локального сообщества и отдельных людей. Повышенный интерес к традиции связан также с реакцией на кардинальные социокультурные трансформации, которые индивид или социальная группа не всегда готовы понять и принять¹. Как справедливо отмечают ведущие отечественные этносоциологи, «среди исторических факторов, влияющих на межэтническое взаимодействие, безусловно важное значение имеют три класса явлений. Первый – это сам ход исторических событий, в результате которых складывались отношения народов; второй – исторические события, которые становятся каким-то символом в ходе ныне развивающихся отношений; и третий – особенности историко-социального развития народа, включенного в контакт»². На территории бывшего СССР, а теперь и России, мы имели возможность наблюдать последствия исторически сложившихся отношений разного типа. В памяти народа сохраняются события, которые выступают сплачивающим фактором, но вместе с тем они же и отделяют его от других народов, акцентируют его специфичность. Они становятся символическими, вокруг них мобилизуются идеологемы либо героического прошлого, либо ущерба. Обычно выделяется три основных формы межэтнических взаимодействий: «воздействие, т.е. преимущественно одностороннее, однонаправленное влияние одной общности на другую (другие), когда один этнос является активным, доминирующим, другой же – инертен, пассивен по отношению к данному воздействию (конкретными проявлениями могут быть принуждение, манипулирование и т.п.); содействие, когда два или несколько этносов на равноправных началах оказывают помощь, поддержку друг другу, достигают единства в делах и намерениях; высшей формой содействия выступает сотрудничество; противодействие, т.е. препятствие действиям, противоречие в позициях, блокирование усилий другого этноса или установление ему помех, а также активное противостояние вплоть до военных действий; для того, чтобы противоречить, препятствовать, вступать в столкновение с кем-то, нужно обязательно иметь и определенные качества, проявлять энергичность и боевитость»³. Актуализации содействия как вида межэтнических взаимодействий способствует использование в этнополитике идей социокультурного неотрадиционализма, поскольку если культур-

¹ См.: Ачкасов В.А. Трансформация традиций и политическая модернизация: феномен российского традиционализма // *Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности)*. СПб., 2004. С. 181.

² Арутюнян Ю.В., Дробизева Л.М., Сусоколов А.А. *Этносоциология*. М., 2006. С. 193.

³ Бороноев А.О., Павленко В.Н. *Этническая психология*. СПб., 1994. С. 120.

ные факторы, влияющие на межэтнические взаимодействия, разделить на две условные группы, то первая группа будет связана с просвещением и информированностью, вторая – с традиционными нормами каждой культуры и их воспроизводством, то есть, собственно, с неотрадиционализмом.

Понятие социокультурного неотрадиционализма представляет собой результат теоретико-методологической рефлексии, опирающейся на сложившуюся исследовательскую практику. Понятие «неотрадиционализм» включает в качестве терминоэлемента традицию, которая, как подчеркивалось, начинает функционировать по-новому в новых социальных, экономических, политических условиях. В свою очередь, традиция реализуется в ряде обычаев, обрядов, ритуалов. Поэтому, прежде чем говорить о феномене социокультурного неотрадиционализма, представляется необходимым определить само понятие традиция, а также связанные с ним понятия обряд, обычай, ритуал, поскольку именно посредством их выполнения формируется и функционирует традиция. Это тем более важно сделать, что данные термины часто употребляются как синонимы.

Под традицией мы будем понимать коммуникативно-трансляционно-трансмутационный способ внутри- и межпоколенного взаимодействия людей в рамках той или иной культуры на основе относительно общего понимания и интерпретации накопленных в прошлом данной культуры смыслов и значений¹. Стоит зафиксировать тот факт, что поведение социальных субъектов, организуемое и регулируемое с помощью традиции, не предполагает формулирование и экспликацию целей действующими субъектами, его смыслы даны в нем самом. Такой вид традиции принято называть аутентичной, нерефлексивной традицией. Она транслируется как непосредственно-практически, через воспроизведение определенных форм действий и следование определенным регламентирующим правилам поведения, так и устно через фольклор и мифологию. Кроме устной существует письменная традиция. Она фиксируется в определенных текстах, получает письменно-знаковое выражение. Пройдя такого рода обработку, традиция может вернуться в пласт реального поведения и вполне осознанно поддерживаться и трансформироваться действующими субъектами.

Отношение к традиции среди исследователей в последнее время заметно трансформировалось. Если раньше она воспринималась как нечто неизменное, а модернизация рассматривалась как отказ от традиции, то сейчас доминирует взгляд на традицию как на динамическое явление, играющее важную роль в современном развитии. При обращении к прошлому прежде всего, «вспоминается» то, что созвучно настоящему, актуализируется им, причем нередко селекция такого рода проводится с

¹ Новейший философский словарь. Минск., 1998. С. 772–723.

предубеждением, идеализирующим былое, отсюда, в частности, феномен «изобретенной традиции». Причины, по которым воссоздаются или конструируются новые традиции, различны.

Таким образом, традиция имеет потенциал изменчивости, адаптации к новым социальным, экономическим, политическим условиям. Не переставая быть традицией, она вместе с тем приобретает новые формы и способы существования, в известной мере меняется также ее содержание. Все это позволяет говорить о феномене традиционализма: факт следования традиции можно трактовать как традиционализм. В отличие от доминирующего в литературе представления о традиционализме как мировоззрении, учении (доктрине) или идеологии¹, мы склонны рассматривать его не только в этом качестве, но в первую очередь как основанный на соблюдении людьми исходной традиции способ организации самой жизни. Важным представляется то, что традиционализм – это характеристика специфических форм сознания и поведения людей. Согласно интерпретации К. Манхейма, традиционализм – это неотрефлексированная массовая реакция низов на изменения социума². Следуя ему, а также В.А.Ачкасову³, справедливо будет утверждать, что в предельном варианте традиционализм есть автоматическое, нерелексивное, подсознательное следование традиции, признаваемой представителями данного этнокультурного сообщества естественной, само собой разумеющейся, а потому всеобщей и универсальной для них. Традиция, скорее, переживается, а не осознается людьми. Важная характеристика традиционного общества в сравнении с обществом современным является также особая система регламентации повседневного поведения людей: все существенно значимые социальные изменения в жизни человека освящаются определенными ритуалами. Традиция вплетена в повседневную жизнь, и усвоение ее новым поколением происходит естественно, как бы автоматически. В традиционном обществе при передаче информации исключительно устно-зрительным путем ее накопление и хранение осуществляется с помощью «живой» человеческой памяти. С переходом от устного (предполагающего особую роль наставника) к письменному (безличному) способу

¹ См.: Традиционализм // Википедия. URL: http://society.polbu.ru/fedorova_modernism/ch03_iii.html; Макаров А.И., Пугалев А.И. Традиционализм // Новейший философский словарь. URL: http://slovari.yandex.ru/dict/phil_dict/article/filo/filo-812.htm.

² Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 593.

³ Ачкасов В.А. Традиционализм в политической жизни России: Автореф. дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 1997. С. 29–30; Он же. Трансформация традиций и политическая модернизация: феномен российского традиционализма // Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности): Сборник статей. СПб., 2004. Вып. 1.

хранения и трансляции информации расширяется спектр возможных интерпретаций передаваемых сообщений. Они становятся более открытыми, неоднозначными, не имеющими единственно правильной трактовки. Одновременно с этим возникают предпосылки для искажения передаваемой информации. Если закрепление полученной с помощью «живого» опыта информации обеспечивалось в процессе адекватного усвоения семейных и общественных традиций благодаря непосредственному участию человека в повседневных практиках, устоявшихся обрядах, культах, ритуалах, то в новых условиях не всегда сохраняется исходное значение и содержание информации при ее передаче. Возможны также ситуации, когда реальная традиция может исказиться и прерываться, и ее целостное восстановление не всегда бывает успешным. В любом случае воспроизведение традиция осуществляется уже в виде неотрадиции, обновленной традиции и осуществляется при участии новации (инновации).

Неотрадиционализм, таким образом, – это тоже процесс следования традиции, но обладающий иными характеристиками. Уже исходя из этимологии слова неотрадиционализм предполагает, помимо собственно традиции, также определенную новизну, новацию. Он представляет взаимобусловленный процесс непрерывного воспроизводства традиции и ее видоизменения, адаптации к современным условиям. В результате осуществляется не просто следование «образцу», а развитие традиции за счёт инкорпорации новации.

Суть социокультурного неотрадиционализма видится в приоритете разумного, рефлексизирующего сознания над ценностно-иррациональным. Если в традиции способ исполнения действия лишен непосредственной целесообразности и служит лишь обозначением (символом) определенного социального отношения, то в неотрадиционализме исполнение определенных обычаев и ритуалов призвано осуществить рациональную функцию самоидентификации того или иного сообщества и в этом смысле автору близка позиция, принципиально разводящая традицию и рефлексию, когда введение разума в традицию означает разрушение специфики традиционного действия. При этом очевидными представляются этноцентристские установки в ориентации на неотрадиционализм, когда сакральное содержание традиции подменяется рациональным объяснением необходимости их выполнять для того, чтобы ощущать себя включенным в данное сообщество. Этноцентризм такого рода представляется способом личной или групповой самоидентификации, установления связей со средой существования.

С позиций социокультурного подхода социокультурный неотрадиционализм интерпретируется не только как определенное мировоззрение,

концептуальное видение действительности, но и способ организации самой жизни, устройство мира локального сообщества. В социокультурной интерпретации актуализировано его понимание как духовно-практического по своему содержанию явления.

В неотрадиционализме модифицируется назначение и содержание традиции. Принципиальное отличие неотрадиционализма от традиционализма видится в приоритете рефлексующего сознания как основы воспроизводства традиции. В рамках неотрадиционализма способ исполнения действия основан на рациональной целесообразности и на символическом обозначении социальной причастности, а исполнение определенных обычаев и ритуалов призвано осуществить рациональную функцию самоидентификации того или иного социального субъекта.

Отдельными группами исследователей выделяются разные сферы существования неотрадиционализма, соответственно фиксируется неотрадиционализм политический, экономический, неотрадиционализм повседневности и др.¹ Мы фокусируем внимание на анализе его социокультурных проявлений. Социокультурный подход дает возможность раскрыть в неотрадиционализме сопряженность личности и общества, культуры и социальности, а также моментов устойчивости и изменчивости в социальных процессах.

Россия – страна больших территорий, полиэтничное государство с множеством различающихся регионов. Регион есть системная целостность, в рамках которой важное значение имеют не только территория с ее ресурсами, экономика, управление, но и культура, в том числе традиционная культура коренных для этого региона народов. Все эти компоненты в комплексе формируют его отличительность, которая оказывается востребованной в условиях глобализации. Не нарушая логики сорокинской триады «личность, общество, культура», можно говорить о том, что социальные и культурные процессы неотделимы от процессов этнических, поскольку в полиэтничных регионах на современном этапе повышается роль этнокультур, в частности активизируются именно собственноэтнические элементы традиций. Именно этот факт позволяет говорить об актуальности феномена социокультурного неотрадиционализма и применении его идей в регулировании межэтнических взаимодействий.

Современное российское общество столкнулось с необходимостью самоопределения, поиска новых нормативно-ценностных ориентаций для своей жизнедеятельности и создания новых границ своей идентичности в условиях усиления взаимоотталкивания различных социальных слоев,

---

¹ См.: *Иванова С.А.* Феномен социокультурного неотрадиционализма: к постановке проблемы // Вестник НГУ. Серия: Философия. Т. 4, вып. 2. Новосибирск, 2006. С. 93–97.

этнических общностей и субъектов власти, которые пытаются в процессе своей самоидентификации опереться на возрождаемые или «придуманные» собственные культурные традиции.

Актуализация идей социокультурного неотрадиционализма и перспектив сохранения и развития локальных культур в современных условиях непосредственно связана с усилением процесса глобализации. Реальное противоречие состоит в том, что в ответ на унифицирующие тенденции глобального монополизма повсеместно растет стремление представителей этнокультурных сообществ возрождать традиции и поддерживать своеобразие. Происходит сближение, но одновременно сохраняются и даже актуализируется отличительность – расово-антропологическая, языковая, этнокультурная. Очень часто такая отличительность коренится в истории, в прошлом.

Таким образом, анализируя феномен социокультурного неотрадиционализма, можно по-новому взглянуть на механизмы трансляций традиции в современных условиях и тем самым осознать важную роль этнических традиций в современном обществе, учесть, что неотрадиционализм выступает важной составляющей механизмов социализации и инкультурации индивида. Это дает нам право новой референции к триаде Питирима Сорокина, а именно к роли личности в социальных и культурных процессах. С учетом выраженной в современных условиях взаимосвязи глобализации, с одной стороны, и фрагментации и роста этнического самосознания, с другой стороны, взаимодействие отдельных индивидов, общностей и групп в контексте социокультурного неотрадиционализма можно представить как осуществляющееся посредством включения в традицию и процесс ее воспроизводства, также ориентации на традицию в системе ценностных предпочтений.

Основой социокультурного неотрадиционализма выступает традиционная этническая культура, рассматриваемая нами, прежде всего, как система этнокультурных ценностей и обрядовых практик. Принципиально важной характеристикой социокультурного неотрадиционализма является то, что он не вытесняет традиционную культуру, а инкорпорирует, включает ее в себя. В то же время в этом симбиозе традиционная культура не остается неизменной. Она приобретает новые свойства и выполняет новые специфические социальные функции. Традиция в форме неотрадиции выступает здесь в качестве постоянно воспроизводимой знаковой системы, посредством которой осуществляется функция этнической идентификации индивида и локального сообщества. Разрешение кризиса идентичности таким образом оказывается связано со становлением и развитием самобытной неотрадиции, которая проявляется в актуализации и возрождении разнород-

разных обрядов, обычаев и ритуалов, в частности, комплекса обрядов жизненного цикла. Это возрождение происходит, по преимуществу, в форме ревитализации и характеризуется заметным упрощением соответствующих практик, их рефлексивностью и символической нагруженностью.

Неотрадиционализм характеризует изменение не только содержания и назначения традиций, но и механизма их трансляции. Особая роль в данном процессе теперь принадлежит системам образования, науки, культуры. Если в традиционном обществе традиция вплетена в повседневную жизнь людей, естественным путем передается от одного поколения к другому в процессе непосредственного общения взрослых и детей, а ее носителями являются массы населения (прежде всего старшее поколение), то теперь возрождение традиций часто происходит «по книжкам», на основе информации, содержащейся в научных работах и учебниках этнографов, специалистов-регионоведов. Нередки случаи, когда о той или иной конкретной традиции или обряде узнают сначала молодые люди из школьных и вузовских программ, а потом рассказывают о них своим родителям (в данном случае имеет место эффект смены вектора наследования традиции). Поэтому особая роль здесь принадлежит гуманитарной интеллигенции (ученым, преподавателям), работникам учреждений культуры. В деле возрождения общезначимых традиций многое зависит также от представителей органов власти. Таким образом, можно говорить о том, что в этнокультурном неотрадиционализме меняются источники информации о традиции, инициаторы ее возрождения и носители.

Как представляется, социокультурный неотрадиционализм выступает в качестве эффективного способа разрешения культурных конфликтов, возникающих в процессе глобализации и модернизации традиционных обществ, когда разного рода инновации используются как инструмент возрождения и сохранения этнокультурных традиций и как условия устойчивого развития этнических общностей. В то же время он характеризует новую жизнь традиций в настоящее время, устройство мира локального сообщества и способ современного развития локальных культур в целом, в рамках которого происходит своего рода снятие противоречия, возникающего между традициями и новациями. В целом можно констатировать важное значение феномена социокультурного неотрадиционализма для идентификации российского общества в целом и локальных этнокультурных сообществ в частности. Оно «распознает» себя через выбор и интерпретацию собственных историко-культурных традиций. Как показывают данные многих авторов, а также результаты наших собственных конкретно-социологических исследований, самоидентификация посредством обращения к собственной культурной памяти является для современного российского общества более

продуктивной, чем поиски идентичности в мире «чужих» (прежде всего, западных) идеалов, ценностей и смыслов. Межэтнические взаимодействия во многом определяют собственно этносоциальные процессы и напрямую связаны с такими сферами жизнедеятельности как политика, экономика, социальные отношения, культура и др. Феномен межэтнического взаимодействия носит глобальный характер, однако в каждом конкретном регионе он будет иметь свою, локальную специфику. На уникальность такого рода взаимодействий напрямую влияет тот багаж знаний о традиционной этнической культуре и те практики воспроизводства этнических обрядов, которыми обладают субъекты взаимодействия. Проблемы межэтнического взаимодействия имеют исключительную значимость, т.к. все основные аспекты экономической, политической, социальной и духовной сфер жизнедеятельности общества напрямую связаны с этническим фактором.

Особо стоит отметить, что возможности использования идей социокультурного неотрадиционализма в становлении культурного плюрализма и толерантности намного шире в демократическом гражданском обществе, чем при тоталитарных или авторитарных режимах. При совместной деятельности ученого сообщества и политиков, тесных контактах науки и практики, возможно использовать идеи неотрадиционализма, описанные в данной главе, что может стать тем минимумом, который необходим для выработки оптимальной стратегии в сфере межэтнического развития и взаимодействий. Проблема гармонизации межэтнических отношений сегодня состоит в определении первоочередных задач и их эффективном решении на основании учета и согласования интересов различных этнических групп. Эта цель может быть достигнута различными институтами, как государственными, так и общественными, при этом необходимо установление тесной связи и взаимодействия властей с этнокультурными сообществами, создание условий для изучения национальных языков, популяризации национальных традиций и обычаев. Таким образом, главной задачей в сфере регулирования межэтнических взаимодействий является формирование толерантности, с целью не допустить нарушения баланса культур, насаждения одних культурных образцов в ущерб другим, а также утраты статуса и авторитета одной из взаимодействующих культур. Толерантность является важной составляющей эффективных межэтнических взаимодействий. Она является необходимой основой существования этнического разнообразия и подразумевает разрешение возникающих межэтнических противоречий через готовность к диалогу, компромиссу, равноправию, выступая как приемлемая основа регулирования социальных и межэтнических конфликтов, снятия напряженности и достижения взаимоуважения интересов и ценностей этносов, населяющих Россию.

§ 3. Воспроизводство этничности и регулирование межэтнических отношений в контексте социокультурного неотрадиционализма

Актуализация проблемы воспроизводства этничности определяется социокультурными, экономическими и политическими трансформациями, происходящими на постсоветском пространстве. Сам термин «этничность» не столь давно введен в гуманитарный научный дискурс. Считается, что первым его использовал американский социолог Дэвид Рисман в 1953-м¹. Проблемное поле дискурса этничности является достаточно широким и неоднозначным². Как отмечает, например, С. Лурье, «на этничность смотрят то как на способ политического манипулирования с целью захватить или усилить свое влияние, то как на врожденное чувство принадлежности к определенной группе, то как на психологически комфортную идентичность. Исследования этничности иногда определяются как исследования национальных меньшинств и проблем мигрантов, иногда как исследование любых этнических проблем. Прилагательное «этнический» может обозначать «относящийся к этносу», а может – «проживающий в инокультурной среде». Под понятие «этнос» подводится то лингвистическое, то биологическое, то культурное, то политическое основание»³. Стоит также упомянуть о «терминологической путанице» – зачастую исследователи используют термины «этнос» и «этничность» как синонимичные, несмотря на различную природу тех феноменов, которые обозначаются данными терминами.

В комплексе вышеуказанных проблем в последнее время акцентируется внимание на идентичности, что особо актуально для современной России с новыми аспектами формирования постсоветских идентичностей. Здесь, как замечает В.А. Тишков, «этнический фактор стал одним из важнейших параметров общественной жизни и приобрел манифестные, а во многих случаях – конфликтные формы»⁴. Наиболее адекватной в этом кон-

¹ Эриксен Т.Х. Что такое этничность? Ethnicity and Nationalism. 2002 URL: http://dialogs.org.ua/crossroad_full.php?m_id=8768

² См., напр.: Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997; Майничева А.Ю. Проблемы этничности и самоидентификации в работах зарубежных авторов. Историографический очерк. URL: http://www.zaimka.ru/01_2004/mainicheva_ethnic/; Тайсаев Д.М. Эволюция. Этничность. Культура. На пути к построению постнеклассической теории этноса. М., 2005; Этничность и власть в полиэтнических государствах. М., 1994.

³ Лурье С. Национализм, этничность, культура. URL: <http://svlourie.narod.ru/articles/nationalizm.htm>

⁴ Тишков А.В. Этничность и национализм в постсоветском пространстве. URL: <http://www.ic.omskreg.ru/~cultsib/reg/tishkov.htm>

тексте видится выраженная Э. Хобсбаумом точка зрения на этничность. Этничность, с его точки зрения, «позволяет дать четкое выражение групповой идентичности, внушить всем членам группы («нам») чувство сплоченности, подчеркивая их отличие от «других»¹.

Этническая идентичность тесно связана с воспроизводством этничности – сложным, многоуровневым и многосубъектным процессом. Для понимания процесса воспроизводства этничности, по мнению Л.В. Сагитовой, важно проследить содержание и действие объективных условий (экономика, политика, культура и т.д.) и субъективного фактора (социализация, личностная идентификация). Действие последнего прослеживается ею через механизмы первичной и вторичной социализации, установок и этнических стереотипов². О. Маховская берет за основу наиболее распространенный источник формирования и воспроизведения феномена этничности – этническое разделение труда. «Исторически сложившееся распределение социальных ролей, закрепленное юридически и экономически, структурирует общество по этническому признаку. История колонизации – классический пример. За выходцами из метрополии закрепляются властные функции и привилегии, за аборигенами – тяжелый физический труд и бесправная позиция представителей низшей касты или расы»³. Этничность воспроизводится через устойчивые паттерны, например, через соотнесение себя в рамках дихотомии «мы – они». Таким образом, этническое самоопределение осуществляется в соотнесении себя с другими этносами. «Устойчивость пространства социального бытия воспроизводится этничностью, включенной в виде ментальности в сознание каждого человека. Однако это не означает, что пространство социального бытия неизменно. Национальные образы духовного трансформируются во времени»⁴.

Как уже неоднократно говорилось выше, происходящие в современном российском обществе процессы во многом определяются наследием советского периода. В СССР этнические идентичности в некоторой степени контролировались государством, что в конечном итоге должно было способствовать становлению в границах СССР единой гражданской идентич-

¹ Хобсбаум Э. Национализм и этничность // Национализм. (Взгляд из-за рубежа). М., 1995. С. 86.

² Сагитова Л.В. Этничность в современном Татарстане: Воспроизводство этничности в татарстанском обществе на рубеже 1980–1990-х гг. (по материалам республиканской прессы и этносоциологических исследований). Казань, 1998.

³ Маховская О. Какие модели межнационального взаимодействия мы можем предложить нашим детям? URL: http://www.antirasizm.ru/publ_025.php

⁴ Здравомыслов А.Г., Цуцьев А.А. Этничность и этническое насилие: противостояние теоретических парадигм. Заключение. URL: <http://www.mion.isu.ru/pub/buryat2>

ности, основанной на социально-классовом самосознании. В этом смысле политика была в большей степени направлена на формирование единой советской идентичности, чем на стимулирование процессов локальной этнической идентификации. Советскую национальную политику с точки зрения воспроизводства этничности нельзя оценивать однозначно: ограничения в одной сфере сочетались с предоставлением возможностей в других. Посредством урбанизации образа жизни и ментальности, русификации и т.д. открывался новый социокультурный горизонт, отличающийся от прежнего, основанного на традиционных этнических культурах.

Однако, в оценке В.А. Тишкова, «доминирующей среди российских и зарубежных экспертов является парадигма «распада империи» и «национального возрождения» народов бывшего СССР, которые реализуют признанный международным сообществом принцип права на самоопределение. Эта концепция предполагает, что основной причиной распада СССР как тоталитарного государства с многоэтничным составом населения явилось угнетенное дискриминируемое положение нерусских народов, культура и идентичность которых подверглась насильственной деформации в целях реализации официальной концепции «слияния наций» и конструирования единого «советского народа»¹. Несмотря на дискуссионность столь однозначно негативной оценки ситуации, здесь вскрывается комплекс проблем, связанных с изменением типа социализации и инкультурации, и, следовательно, социокультурной адаптации, вызванных распадом СССР, что привело к росту актуальности локальных, в том числе, этнических, идентичностей. Стоит согласиться с Е. Филипповой, утверждающей, что «в постсоциалистическую эпоху появляются новые факторы, влияющие на формирование идентичностей. Большинство прошлых критериев самоидентификации утратили смысл. Вряд ли может чувствовать себя уверенно человек, осознавая себя «бывшим гражданином бывшего СССР» или «бывшим членом КПСС». К тому же глубокий политический и экономический кризис разрушил прежнюю социальную структуру. В итоге этническая принадлежность оказалась для многих наиболее очевидной и приобрела характер психологического убежища. Эта переоценка значимости этнического фактора, отчасти объясняющаяся заметной ролью, которую политические движения, позиционировавшие себя как этнические, сыграли в свержении коммунистического режима, породила (а иногда возродила), с одной стороны, противоречия между структурами, выступающими от имени этнических групп, и центральной властью – и, с другой стороны, напряженность, доходящую порой до насильственных конфликтов, между

¹ Тишков А.В. Этничность и национализм в постсоветском пространстве. URL: <http://www.ic.omskreg.ru/~cultsib/reg/tishkov.htm>

различными этническими группами»¹. В современной России этничность стала не просто средством политической мобилизации, но и формой терапии. Обращение к собственной культуре и языку, традициям и ценностям стало средством восстановления утраченного коллективного достоинства и сохранения целостности этнической общности².

Россияне на современном этапе развития страны столкнулись с необходимостью самоопределения и поиска новых нормативно-ценностных ориентаций для жизнедеятельности и создания новых границ идентичности в условиях усиления взаимоотталкивания различных социальных слоев, этнических общностей и субъектов власти, которые пытаются в процессе самоидентификации опереться на возрождаемые или «придуманные» собственные традиции. Данный процесс привел к появлению такого феномена, как социокультурный неотрадиционализм. Важной характеристикой данного феномена представляется то, что он не вытесняет традиционную культуру, а включает ее в себя. Однако в этом симбиозе традиционная культура не остается неизменной. Она приобретает новые свойства и выполняет новые специфические социальные функции. Концепция социокультурного неотрадиционализма трансформирует само назначение традиции. Она выступает в качестве постоянно воспроизводимой знаковой системы, посредством которой осуществляется функция этнической идентификации, на основе которой индивид ощущает свою общность с социумом. Таким образом, становится очевидным значение традиции как меры идентичности общества и способа социокультурной самоидентификации. Разрешение кризиса идентичности таким образом оказывается связано со становлением и развитием самобытной неотрадиции, которая проявляется в актуализации или даже возрождении разнообразных обрядов, обычаев и ритуалов. Возрождение, переосмысление и сохранение этнических обрядов в новых социальных, экономических, политических условиях, являясь основой концепции социокультурного неотрадиционализма, играет все возрастающую роль в процессах современной модернизации, идентификации, а также в процессе регулирования межэтнических отношений.

На постсоветском пространстве именно этническая идентичность выделена как основная форма идентичности. Социокультурный неотрадиционализм здесь реализует обозначение границ «своей» общности и служит для ориентации в пространстве социальных взаимодействий, воз-

¹ Филиппова Е. Найти себя. Конструирование идентичностей в постсоветской России // Диалоги об идентичности и мультикультурализме: Материалы XI ежегодного семинара «Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов», 2–8 октября 2004 г. Ренн–Москва, 2005. С. 158–159.

² Тишков А.В. Этничность и национализм в постсоветском пространстве. URL: <http://www.ic.omskreg.ru/~cultsib/reg/tishkov.htm>

возможности символического самоутверждения в социокультурной реальности постсоветского пространства вообще и в полиэтничном пространстве современного города в частности. Озабоченность сохранностью, воспроизводством этнической культуры как важного ресурса самоутверждения отдельных этносов актуализируется в контексте социокультурного неотредиционализма. Изучение и включенность в традиции способствуют формированию не только определенных привычек, но и определенных социальных чувств, например, патриотизма. Здесь важно отметить своеобразие этнических традиций, сформированных под воздействием природно-климатической, исторической, социально-экономической специфики того или иного региона. Социокультурный неотредиционализм способствует становлению воспроизводства этничности на новых основах, которые, в терминологии Ф. Барта, выступают как «этнические маркеры», формирующие культурные этнические границы¹. Как считает Дж. Фридмен, «этническая и культурная фрагментация и модернистская гомогенизация – это не два аргумента, не два противоположных взгляда на то, что происходит в современном мире, а две важнейших тенденции глобальной действительности»². Экономическая и политическая интеграция, развитие международного права, фиксирующего, в частности, коллективные права коренных народов, стимулируют традиционалистские настроения, рост этничности и усиление движений за национальное самоопределение.

Воспроизводство этничности с точки зрения концепции социокультурного неотредиционализма в современном российском обществе наиболее ярко проявляется в поликультурном городе, что способствует росту этнического самосознания, так как именно здесь осуществляются непосредственные контакты представителей различных этносов, религий и культур. С другой стороны, город в большей степени подвержен тенденциям глобализации, технизации, урбанизации, неотъемлемой составляющей которых, как уже говорилось выше, является фрагментация и рост этнического самосознания. Этнические обряды приобретают в современных условиях иное, по сравнению с традиционным обществом, значение. Обряды приобретают символическое значение, упрощаются; происходит влияние обрядов этнического большинства нашей страны (русских) на этнические обряды титульного населения республик. Кроме того, в наши дни появляется осознанность выполнения этнических обрядов и обычаев, осуществляется определенного рода рефлексия. И реальные процессы находят отражение в

¹ Паин Э.А. Между империей и нацией: модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М., 2004. С. 80.

² Цит. по: Эриксен Т.Х. Ethnicity and Nationalism. 2002. URL: http://dialogs.org.ua/crossroad_full.php?m_id=8768

научном дискурсе. В частности, тема возрождения этнических традиций приобретает популярность в эмпирических исследованиях. В контексте воспроизводства этничности приобретают значимость такие стороны новой социокультурной реальности, как актуализация моноэтнических браков, ценность родного языка; популярность «своих» имен либо имен на двух языках; популярность этнической атрибутики в одежде и причёске; мода на национальную кухню; популярность (в том числе и за рубежом) горлового пения, как важного элемента этнической культуры; возрождение верований. Перечисленные выше аспекты новой социокультурной реальности можно назвать маркерами феномена социокультурного неотрадиционализма, и роль данного феномена в воспроизводстве этничности во многом реализуется посредством актуализации данных маркеров.

Рост этничности с точки зрения концепции социокультурного неотрадиционализма проявляется, в частности, в семье. Необходимо подчеркнуть, что семья является одним из главных социальных институтов, воспитывающих определенный уровень этнического самосознания и идентификации человека, а также сохранение и развитие традиционных этнических культур. Однако в современных условиях эти функции отчасти берет на себя школьное образование, в частности в рамках национально-регионального компонента происходит становление этнического самосознания. Таким образом, возрождение и популярность этнопедагогики является одним из маркеров феномена социокультурного неотрадиционализма. «Формирование этнокультурного человека, сочетающего в себе знания в области этнической культуры и позитивное отношение к ней, гармоничное этническое самосознание, ориентацию на этнокультурные ценности, толерантность и способность к межкультурному и межкультурному диалогу является важной задачей этнопедагогики, так как семья – безусловно – специфический институт воспитания. Однако и включенный в систему среднего образования национально-региональный компонент ориентирован на изучение особенностей состояния социума, экономики и художественной культуры того или иного региона. Кризисные явления в духовной сфере, размывание ценностных ориентаций и в обществе, и в семье требует осмысления особенностей воспитания личности в условиях быстро меняющихся общественных отношений, диктуют необходимость изучения роли этнокультурной воспитательной среды, механизмов трансляции этнокультурных ценностей в этом процессе»¹.

Другим маркером феномена социокультурного неотрадиционализма является возрождение на постсоветском пространстве такой формы иден-

¹ См. по: *Нагорная В.А.* Этнопедагогика как путь возрождения национальной духовной культуры // *Традиции и новации в отечественной духовной культуре*. Челябинск, 2004. С. 91–96.

тификации, как принадлежность к кланово-родовым группам. Родовая принадлежность в современных условиях актуализировалась у некоторых тюрко- и монголоязычных групп. Если в советское время родовые отношения рассматривались в большей степени как архаический пережиток, сохраняясь однако в коллективной памяти населения, то сегодня интерес к родовым («сеочным») формам идентичности выражен весьма отчетливо. Это подтверждают, в частности, попытки использовать структуру родовых связей для реорганизации и упорядочивания общественных отношений, предпринимавшиеся на рубеже 1980–1990-х годов, а также настойчивые обращения с требованием организовать «сеочную перепись» одновременно с Всероссийской переписью населения¹.

Еще одним маркером феномена социокультурного неотрадиционализма является возрождение и популяризация верований, в частности, шаманизма и язычества. В этом контексте важной становится взаимосвязь между этнической и религиозной идентичностью. «На основе анализа взаимопроникновения этнического и религиозного на уровне религиозно-этнической ментальности можно сделать вывод, что этнические и религиозные факторы взаимодействуют друг с другом следующим образом: этнос формирует религию и ее традиции; религиозная система с помощью ряда средств, в том числе и традиции, конструирует этнос; этнический фактор придает неповторимый колорит и своеобразие конфессиональному миру, активно влияет на формирование религиозного сознания и религиозной психологии»². Таким образом, возрождение традиционной системы верований и процесс конфессиональной идентификации в контексте социокультурного неотрадиционализма находится в диалектической связи с этнической идентификацией и воспроизводством этничности.

В рамках концепции социокультурного неотрадиционализма воспроизводство этничности видится следующим образом: в современных условиях трансформируется назначение традиции, утрачивается сущностный характер обрядовых практик, а сами практики функционируют в качестве регулятора отношений между людьми. Этот феномен, названный нами «неотрадиция» выступает в качестве постоянно воспроизводимой знаковой системы, посредством которой выражаются мысли и чувства людей, регулируются навыки межличностной коммуникации и, наконец, функционирующая неотрадиция актуализирует функцию этнической идентификации, на основе которой индивид ощущает свою общность с социумом. Необходи-

---

¹ Филиппова Е. Найти себя. Конструирование идентичностей в постсоветской России. С. 158–165.

² Ефименко М.Н. Религиозная традиция как предмет социально-философского анализа. Автореф. дис... д-ра филос. наук. М., 2001.

димо учитывать, что этнос как общность дает достаточно высокую степень идентификации, но при этом содержит в себе конфликтотенный потенциал, способный вызвать агрессию по отношению к представителям других этнических групп и нарушить идентификационный баланс¹. Анализ процесса воспроизводства этничности с точки зрения концепции социокультурного неотрадиционализма ориентирован на осмысление проблем становления и развития российского общества в новом социально-культурном контексте, требует анализа традиции и как особого социального института, и как культурного кода, и, в том числе, как способа самоидентификации.

Уникальность современного российского социума заключается в том, что интегрирование традиционных культур народов России осуществляется не в устоявшийся и сложившийся в своих институциональных признаках социум, а в тот социум, который сам продолжает интегрироваться в европейскую структуру. Данный процесс можно назвать «двойным интегрированием», со всеми вытекающими из него особенностями. Данная проблема среди исследователей вызывает разнообразные трактовки, вплоть до довольно радикальных: «общая тенденция развития традиции и традиционности в российском социуме указывает на процесс оформления в современных условиях российского этнокультурного консерватизма. Негативной стороной этого явления выступает этно-этатизм, подводящий к разрушению федеративного устройства государства и осуществляющий, по сути, подмену интересов культурного развития народов интересами властных элит. Предпочтительным развитием такого консерватизма следует считать один из его умеренных вариантов, ориентированных не на господство одного народа над другим (главенства одной культуры над другой), а на отстаивании уникальности национальных форм развития, в противовес всевозможным проектам, основанным на их отрицании. Уникальность этнокультурных форм должна поддерживаться в пределах единого правового и экономического пространства российского социума»². Таким образом можно говорить о значении феномена социокультурного неотрадиционализма как в идентичности общества и способе социокультурной идентификации, так и в регулировании межэтнических взаимодействий. В конечном счете воспроизводство этничности с точки зрения концепции социокультурного неотрадиционализма проявляется в исполнении определенных обрядов и традиций, призванном осуществить рациональную функцию самоидентификации того или иного локального сообщества.

¹ Традиционализм и модернизация на Северном Кавказе: возможность и границы совместности // Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК РГУ и ИСПИ РАН. Ростов-на-Дону, 2004. Вып. 23. С.102.

² Анажеева С.С. Традиция в российском социуме. Автореф. дис... к. филос. наук. Нальчик, 2003. С. 8.

Глава 10. Концептуальные основы региональных моделей национальной политики в России

§ 1. Необходимость региональных концепций и моделей реализации национальной политики

Утверждение Президентом РФ В.В. Путиным 19 декабря 2012 года Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (далее – Стратегии) – важное для России и давно ожидаемое событие, поскольку существовавшая до того момента Концепция государственной национальной политики Российской Федерации, принятая в 1996 г. (далее – Концепция), по общему признанию, устарела и не отвечала насущным проблемам и потребностям государственного регулирования процессов в данной сфере общественного развития. Важнейшее значение для актуализации проблем современной национальной политики имели события на Манежной площади в декабре 2010 г. Независимо от того, как оцениваются эти события – как всего лишь происшествие, как это интерпретирует академик В.А. Тишков, или как проявление назревшего в обществе и незамечаемого властями «народного бунта»¹, – именно они определили повышенное внимание высших органов власти к проблемам государственной национальной политики и межэтнических отношений в последующий период. К наиболее значимым событиям этого ряда можно отнести публикацию в январе 2012 г. статьи тогда председателя правительства, кандидата в президенты Российской Федерации В.В. Путина «Россия – национальный вопрос», создание в июне 2012 г. при Президенте РФ Совета по межнациональным отношениям, обсуждение текста проекта и принятие окончательного варианта Стратегии, наконец, утверждение Правительством РФ 20 августа 2013 года федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)».

Казалось бы, после принятия этих документов следует прекратить дискуссии относительно содержания Стратегии, тщательно изучить текст, взять его на вооружение и озадачиться на предмет его дисциплинированного исполнения. Так могут воспринимать задачу, в силу своего должностного положения, чиновники разных уровней (именно так они на самом деле и поступают), но не исследователи, для которых после

¹ *Тишков В.А.* Этническая политика России на современном этапе // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2010 году: Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Под ред. В.А. Тишкова и В.В. Степанова. М., 2011. С. 7.

состоявшегося обсуждения проекта и принятия окончательного варианта Стратегии остается много неясных вопросов. Они касаются как теоретико-методологических оснований и концептуальной строгости текста Стратегии, так и полноты соответствия провозглашенных задач реальному положению дел в этой сфере жизни и состоянию массового и экспертного сознания. Поэтому представляется важным продолжить дискуссию по существу обозначенных проблем, тем более что Стратегия предусматривает возможность ее корректировки. Так, в пункте 6 Стратегии специально отмечено: «Государственная национальная политика Российской Федерации нуждается в новых концептуальных подходах с учетом необходимости решения вновь возникающих проблем, реального состояния и перспектив развития национальных отношений»¹.

В третьей главе монографии уже говорилось о слабостях и противоречиях Стратегии. Здесь остановимся на тех из них, которые так или иначе связаны с концептуальными вопросами региональных моделей национальной политики.

Прежде всего, обратим внимание на то, что присутствует недостаточная терминологическая четкость и выверенность текста Стратегии по ее базовым понятиям. Так, введенное понятие «российская нация» противоречит содержанию используемого во всех других случаях понятия «национальный», где оно употребляется не в гражданском, как в случае с российской нацией, а в этническом (этнокультурном) смысле («национальная политика», «национальность», «межнациональное согласие», межнациональные отношения» и др.). Как отмечалось, в Стратегии по сравнению с Концепцией 1996 г. четко проявляется принципиальное изменение концептуального подхода в определении ориентиров государственной национальной политики: от понимания нации как этнокультурного феномена – к рассмотрению нации как исключительно нации-государства (российской нации).

В результате этой трансформации в тексте Стратегии признается факт многонациональности и наличия межнациональных отношений, однако, народы Российской Федерации не рассматриваются в качестве активно действующих субъектов государственной национальной политики. Их роль, по сути, нивелируется до статуса объектов государственной национальной политики. В отличие от Стратегии отмененная ею Концепция исходила из признания значимости народов России и развития их субъектности по двум основным направлениям: совершенствование федеративных отношений и национально-культурное самоопределение народов в организационной фор-

---

¹ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=139350> (дата обращения: 28.01.2013).

ме национально-культурных автономий. Теперь же акцент делается на сохранении и развитии этнокультурного многообразия народов, их консолидации в составе российской нации, причем механизм, с одной стороны, сохранения этнокультурного многообразия, с другой стороны, консолидации народов по сути никак не прописан, о чем далее будет сказано подробнее.

Среди главных целей Стратегии обозначены как укрепление государственного единства, общероссийского гражданского самосознания, так и сохранение и развитие этнокультурного многообразия и самобытности народов России. В то же время, насколько можно судить по содержанию документа, данные цели рассматриваются как рядоположенные и, в конечном итоге, доминирующей выступает первая из них.

В принципе это верный и необходимый ориентир, если учесть существующий кризис российской гражданской идентичности, наличие которого зафиксировано, в частности, в федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)»¹. Данная проблема превратилась в общемировую. Ее не избежали многие страны, в том числе и США, еще недавно гордившиеся своим национальным (гражданским) единством, а сегодня стремительно его теряющие. Это со всей убедительностью показывает С.Хантингтон, замечая: «Пожалуй, величайшим сюрпризом будет, если США и в 2025 году останутся той же страной, какой были в 2000 году; а вот если Штаты превратятся в совершенно другую страну (или несколько стран) с совершенно иной государственной концепцией и национальной идентичностью, в этом не окажется ничего удивительного»². Поскольку для России проблема общегражданской идентичности является также актуальной, постольку она вполне обоснованно поставлена во главу угла государственной национальной политики.

Проблема, однако, состоит в том, что в Стратегии отсутствуют четкое осмысление и должная проработка механизма обеспечения взаимосвязи, с одной стороны, общероссийского гражданского самосознания и основанного на нем национального единства, с другой – этнокультурного многообразия. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что главный акцент в Стратегии сделан на межнациональных (межэтнических) отношениях, а этнокультурное многообразие во многих случаях остается просто фоном. Достаточно сказать, что констатирующая часть Стратегии (Раздел II) носит название «Состояние межнациональных (межэтнических)

¹ Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)». URL: <http://government.ru/media/files/41d4862001ad2a4e5359.pdf> (дата обращения 27.08.2013).

² Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2008. С. 33–34.

ких) отношений в Российской Федерации». Нет раздела и не ведется речь об этнической структуре России, о существовании разных (по численности, языковым семьям, религиозным предпочтениям) группах народов, о состоянии и проблемах этнокультурного развития. Ставится задача создания «государственной и муниципальной систем мониторинга состояния межэтнических отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций», однако не актуализирована задача проведения мониторинга социального самочувствия представителей разных этнических групп и этнокультурного развития в целом.

Но если не проведена диагностика и не провозглашена задача по отслеживанию состояния этнокультурного многообразия, то вряд ли может быть эффективным достижение провозглашенной цели по его сохранению и развитию.

Этой цели вряд ли можно достичь также без сохранения этнической идентичности, этнического самосознания, однако в тексте Стратегии об этом даже не упоминается. Подспудно же этническая идентичность оценивается как неодобряемое, негативное явление.

Государственническая ориентация Стратегии и ее установка на формирование российской нации выражают, очевидно, дух модели нации-государства. Но, как отмечалось, используемый теоретико-методологический базис Стратегии является противоречивым. Существующая одновременно целевая установка на сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов России выражает дух модели нации-культуры. Принятие данной установки отражает реальную перспективу возрастающего этнокультурного многообразия, что представляется достаточно оправданным в силу действия глобальных и трансграничных факторов, в том числе повышения интенсивности миграционных процессов. Неявно фиксируется усиление многонациональности Российской Федерации: если в Концепции 1996 г. указывалось, что в России проживает более 100 народов, то в Стратегии зафиксировано проживание здесь представителей 193 национальностей (при этом специально подчеркивается, что это данные Всероссийской переписи населения 2010 года, сформированные на основе самоопределения граждан, правда, не указывается вошли ли в это число определившие себя как эльфы, хоббиты, скифы и др.). Поскольку каждая национальность является носителем определенной национальной культуры, то прогнозируемый рост этнокультурного многообразия создает угрозу для консолидации российской нации. Перманентно осуществляемая гармонизация национальных и межнациональных (межэтнических) отношений будет нарушаться дисгармонией, возникающей вследствие развития этнокультурного многообразия. Как решать это реальное противоречие и возникающие проблемы – из Стратегии неясно.

В Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации поставлена задача выработки единых подходов к решению проблем этой политики государственными и муниципальными органами, различными политическими и общественными силами. Но в ней ничего не говорится о том очевидном факте, что в разных регионах эта политика реализуется в конкретных условиях местных межэтнических сообществ, различающихся уровнем социально-экономического развития, особенностями этнической структуры, интенсивностью и направленностью миграционных процессов, остротой межнациональных отношений и в целом состоянием локальных этносоциальных процессов. Это тем более важно учитывать, что этнические группы интегрированы в Российскую Федерацию именно опосредованно через региональные сообщества с разными актуальными проблемами. Это существенно модифицирует общий формат национальной политики.

Одним из наиболее значимых факторов, оказывающих влияние на характер этносоциальных процессов в отдельных регионах, в настоящее время является миграция. Под ее влиянием меняется этнокультурная мозаика, реструктуризируются региональные (локальные) межэтнические сообщества, реанимируется и модифицируется национальный вопрос. Действие миграционного фактора осложняется активными внутренними миграциями, также влияющими на баланс межэтнических отношений в регионах.

Надо также иметь в виду, что Россия является федеративным государством с национально-территориальным делением и многие регионы обладают определенной этнокультурной спецификой, определяющей характерную для них социокультурную динамику межэтнических сообществ.

Поэтому важной задачей, не нашедшей отражения в Стратегии, является выделение региональных моделей национальной политики в их обусловленности характером объективных этносоциальных процессов, протекающих в локальных межэтнических сообществах, а также определение регионально обусловленных ориентиров национальной политики наряду с общестратегическими ориентирами. К сожалению, такая возможность даже не оговаривается и не предусматривается, а, следовательно, и не допускается.

На самом деле, проведение продуманной, целенаправленной, ответственной национальной политики предполагает ее адаптацию к конкретным условиям и должно осуществляться не только на федеральном уровне, но и на уровне субъектов федерации, а также муниципалитетов, особенно крупных. При этом очевидно, что без учета региональных особенностей государственная национальная политика не может быть достаточно эффективной.

В этой связи стоит опять обратиться к Концепция государственной национальной политики Российской Федерации 1996 года. Она выступала стратегическим нормативным актом на федеральном уровне, на основании которого разрабатывались многочисленные региональные нормативные акты (концепции), определяющие принципы и приоритеты деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и институтов гражданского общества в области национальной политики и межнациональных отношений.

Проведенный нами анализ существовавших до принятия Стратегии в разных субъектах федерации концепций позволил зафиксировать определенные различия в региональных моделях национальной политики, базирующихся на определенных концептуальных ориентациях. Эти различия проявляются при формулировке целей и задач, основных направлений и приоритетов национальной политики в регионе. Обобщая, можно говорить о представленности в соответствующих концепциях широкой палитры доминирующих целевых установок – от ориентации на укрепление единства российской гражданской нации до сохранения и развития локальных исторических традиций разных народов.

Классифицируя эти концепции по целевым ориентирам, можно выделить следующий их ряд, применяя условные обозначения:

- «государственнические» концепции, направленные на укрепление российской государственности, регионов как субъектов федерации;
- «гражданские» концепции, направленные на формирование общероссийской и региональной гражданской идентичностей, на интеграцию локальных сообществ;
- «стабилизирующие» концепции, направленные на поддержание межэтнического мира и согласия;
- «культурнические» концепции, направленные на развитие народов и их культур;
- «коммуникативные» концепции, направленные на гармонизацию межэтнических отношений, развитие межнационального общения, взаимопонимание¹.

Нельзя сказать, что все эти концепции были хорошо проработанными и действенными. В то же время их следует оценить положительно с той точки зрения, что они отражали определенную региональную специфику существующих проблем в области национальной политики, а также

---

¹ См. об этом подробнее: Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. Целевые ориентиры региональных моделей государственной национальной политики // Новые исследования Тувы. 2013. № 2. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_18/6269-popkov-tyugashev.html

специфику реализуемых подходов в управлении. Одним из интересных и действенных примеров является опыт Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, о чем шла речь в главе 5, а также в одной из ранее опубликованных работ, специально посвященной этому вопросу¹. Проведенный анализ практики государственного управления этносоциальными процессами в этом региональном сообществе показал ярко выраженную социальную ориентацию национальной политики. Органы власти стимулировали деятельность этносоциальных субъектов и представляющих их национально-культурных организаций на укрепление регионального сообщества – на социальное служение, что выражалось, в частности, в систематической практике заключения различных соглашений с национальными объединениями граждан округа по социальному служению и выполнению социальных заказов.

Принятая вместо Концепции 1996 г. Стратегия государственной национальной политики 2012 г. не предусматривает конкретизации безусловно необходимых для страны общих концептуальных положений в национальном вопросе и возможность принятия региональных концепций реализации национальной политики. В ней допускаются только разработка *плана мероприятий* (курсив наш) по реализации Стратегии (пункт 24), а также государственной, региональных и муниципальных целевых *программ* (курсив наш) (пункт 26). Как представляется, подобные планы и программы не всегда могут быть достаточно эффективными, если они не базируются на предварительной серьезной диагностике и концептуальном осмыслении особенностей этносоциальной ситуации и существующих проблем в отдельно взятых регионах. Как правило, местные чиновники идут по легкому пути и разрабатывают подобные планы мероприятий и программы, что называется, не выходя из кабинетов. Как мне известно, именно так и поступили с разработкой планов мероприятий в ряде регионов и муниципалитетов вскоре после утверждения Стратегии.

Да что говорить о региональных и муниципальных властях, если принятие решения о разработке федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)», как отмечено в ее паспорте, датируется 22 июля 2013 года, а утверждена она постановлением Правительства РФ уже 20 августа 2013 года, то есть меньше, чем через месяц. Можно ли в этой ситуации говорить о хорошей проработке и высоком качестве данной программы?

---

¹ Тюгашев Е.А., Выдрин Г.А., Попков Ю.В. Этноконфессиональные процессы в современной Югре. Новосибирск, 2004.

§ 2. Экспертное сообщество об актуальных проблемах национальной политики

В контексте рассматриваемой проблемы интересными представляются результаты проведенного нами в мае 2011 г. опроса 35 региональных и муниципальных экспертов Сибирского федерального округа по актуальным вопросам современной национальной политики в РФ.

Экспертами выступили слушатели курсов повышения квалификации государственных и муниципальных служащих из разных субъектов федерации данного округа. Курсы организованы Сибирской академией государственной службы (в настоящее время – Сибирским институтом управления Российской академией народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации). Эксперты представляли республики Алтай, Бурятия, Тыва, Хакасия, Алтайский, Забайкальский и Красноярский края, Иркутскую, Кемеровскую, Омскую, Новосибирскую и Томскую области. Из них: 18 чел. – это государственные, 15 чел. – муниципальные служащие (2 чел. не указали свой статус), в основном руководители, специалисты, консультанты из государственных и муниципальных структур управления, отвечающих за национальную и религиозную политику, межнациональные и этноконфессиональные отношения, связи с общественными организациями (как известно, в разных регионах такие специалисты представлены в разных управленческих структурах).

Как показало исследование, почти все эксперты признают наличие в России национального вопроса, при этом около 60% из них считают его острым, требующим срочного решения. В то же время большинство из них уровень конфликтности межэтнических отношений в России оценивают как средний (71%), а в своем регионе – как низкий (51%). Это может свидетельствовать о том, что национальный вопрос многие не сводят лишь к проблемам непосредственно в межнациональных отношениях.

Как представляется, опрошенные дали достаточно точную диагностику основных причин существующей межэтнической напряженности. В целом из предложенного списка возможных причин (нужно было проранжировать степень их значимости) на первое место они поставили, причем и применительно к России в целом, и к своему региону, экономические неурядицы, на второе – социальное неблагополучие, на третье – приток мигрантов, на четвертое – межличностные отношения, на пятое – различия языков и культур. Таким образом, само по себе наличие разных языков и культур, по мнению экспертов, не провоцирует межэтническую напряженность, она определяется уровнем социального (в широком смысле) неблагополучия и степенью эффективности/неэффективности регулирования этносоциальных процессов.

Можно было ожидать, что под влиянием «локального патриотизма» эксперты однозначно встанут на сторону «своих» при ответе на вопрос о том, по чьей вине обычно возникают конфликты между местными жителями и группами мигрантов. Однако этого не произошло. Чуть более половины из них полагают, что в таких случаях виноваты обе стороны и лишь 17 обвиняют приезжих.

Интересные ответы были получены на вопрос о национальном статусе России. 69% экспертов считают ее государством, объединяющим разные нации, народы, этнические группы, 23% – многонациональным народом и лишь 9% – единой нацией. При этом лишь 11% опрошенных полагают, что федеральными органами власти проводится последовательная, целенаправленная, четкая национальная политика. И всего 14% из них положительно относятся к тому, что в России не существует министерства по делам национальностей.

Принципиально важными в свете главной обсуждаемой в статье проблемы являются ответы экспертов на вопрос о целесообразности принятия концепции современной национальной политики на разных уровнях управления. Лишь один эксперт усомнился в необходимости такой концепции на федеральном уровне (такой документ и появился позднее в виде Стратегии). В то же время опрошенные в абсолютном своем большинстве считают, что концепция реализации национальной политики должна существовать и в отдельных субъектах федерации (96%), а также в крупных муниципальных образованиях (80%).

Стоит заметить, что по ряду вопросов обнаруживается значимое расхождение мнений представителей государственных и муниципальных структур. Так, при ответе на вопрос о том, реализуется ли в настоящее время органами власти Российской Федерации последовательная, целенаправленная, четкая национальная политика, более критические оценки дают муниципальные служащие: всего 7% из них и одновременно 17% госслужащих полагают, что такая политика есть, а 40% представителей муниципалитетов считают, что такой политики практически не существуют (среди государственных служащих так полагают всего 17%). В то же время доля не уверенных в существовании такой политики и однозначно отрицающих ее наличие вместе примерно равны в обеих этих группах (80-84%).

Среди муниципальных служащих выше доля тех, кто высказывается за необходимость принятия концепции современной национальной политики на всех уровнях управления – федеральном, в отдельных субъектах федерации и крупных муниципальных образованиях (крупных городах) – соответственно 100, 100 и 93% (среди госслужащих таковых меньше – соответственно 94, 84 и 67%).

17% опрошенных госслужащих отрицательно относятся к идее создания федерального министерства по делам национальностей, тогда как среди муниципалов таковых всего 7%. В то же время среди последних в два раза меньше тех, кто высказывается за создание таких министерств на уровне субъектов федерации – 20% (у госслужащих таковых 39%).

Муниципальные служащие в целом более критичны, чем государственные служащие, в оценке уровня конфликтности межэтнических отношений в России и менее критичны в оценке такого уровня в своих регионах.

Опрос слушателей аналогичных курсов, который мы провели в мае 2013 года, то есть уже после утверждения Стратегии, не выявил принципиальных расхождений в ответах по обозначенным вопросам.

Схожими являются также оценки многих проблем современной национальной политики, полученные в ходе специального углубленного экспертного исследования в Ханты-Мансийском автономном округе, проведенного под руководством автора сотрудниками сектора этносоциальных исследований Института философии и права СО РАН в мае – июне 2013 года (всего опрошено 102 эксперта – представители государственных (окружных) и муниципальных органов управления, руководители национально-культурных организаций, представители творческой интеллигенции и средств массовой информации, общественные деятели). Хотя определенные различия существуют. Обратим внимание всего на несколько моментов. Здесь еще большая, чем в опросе 2011 года, доля опрошенных признает остроту национального вопроса в России и в своем регионе. Свыше 60% из них негативно оценивают динамику межнациональных отношений в округе в последнее время и 43% прогнозируют рост напряженности в будущем. Относительно высоко оценивается и уровень конфликтности этих отношений, особенно в городе Сургуте. А среди причин межэтнической напряженности самой главной признается приток мигрантов. Главным образом с мигрантами связывается в округе и наличие национального вопроса.

Как можно заметить, мнение экспертов значительно отличается от установок федеральных властей, в том числе зафиксированных в утвержденной Стратегии, по целому ряду вопросов, в частности, о национальном статусе России, министерстве по делам национальностей, целесообразности региональных концепций национальной политики и др. По нашему убеждению, органы власти в своей деятельности обязаны учитывать мнение экспертов, поскольку без согласования взглядов органов власти и населения (экспертов), управление не может быть достаточно успешным.

§ 3. Опыт разработки Концепции реализации национальной политики в городе Новосибирске

В апреле 2013 года на заседании Консультативного совета по вопросам этнокультурного развития и межнациональных отношений при мэрии Новосибирска была утверждена Концепция реализации национальной политики в городе Новосибирске. Мне довелось быть руководителем авторского коллектива по ее разработке. Как представляется, опыт работы над ней может быть полезным для других регионов, поэтому о ней стоит сказать специально. Текст концепции представлен в Приложении 1. Здесь остановимся на последовательности этой работы и некоторых принципиальных ее положениях.

Решение о разработке концепции было принято на заседании Консультативного совета вскоре после выхода статьи В.В. Путина «Россия – национальный вопрос», то есть за много месяцев до утверждения Стратегии. Это решение исходило из осознания необходимости четкой фиксации возросшей ответственности за реализацию национальной политики со стороны органов местного самоуправления и институтов гражданского общества, прежде всего, национально-культурных организаций. Немаловажное значение имеет тот факт, что Новосибирск – крупнейшее муниципальное образование в России, по численности превосходящее многие субъекты федерации, поэтому для эффективного управления соответствующими процессами на муниципальном уровне необходима квалифицированная диагностика существующей ситуации и концептуальное видение перспектив с учетом современных общегосударственных стратегических ориентиров и местных особенностей.

Предварительно была реализована программа конкретных исследований, которая включала проведение серии экспертных интервью и фокус-групп, обобщение статистических данных, анализ документов многих служб мэрии (правоохранительных органов, департаментов образования, культуры, молодежной политики и др.), а также миграционной службы, администраций районов города, обобщение предложений руководителей национально-культурных организаций и результатов ранее проведенных социологических исследований по проблемам национальной политики в городе. На этой основе был подготовлен проект Концепции для Новосибирска, который несколько раз обсуждался с заинтересованными сторонами и корректировался в соответствии с положениями принятой в декабре 2012 года Стратегии.

В целом наша концепция базируется на основных положениях Стратегии, в то же время ее содержание конкретизирует и дополняет положения

Стратегии с учетом особенностей этнокультурной ситуации, конкретных условий и тенденций этносоциального развития новосибирского городского сообщества. Она сфокусирована на позитивном опыте взаимодействия мэрии и национально-культурных организаций, на «болевых проблемах» и механизмах их решения. На ее основе в настоящее время разрабатывается комплексный план мероприятий по реализации национальной политики и соответствующий раздел Целевой программы «Новосибирск – территория партнерства» с перспективой разработки самостоятельной межведомственной программы «Многонациональный Новосибирск».

В Концепции реализации национальной политики в городе Новосибирске нашли отражение важные проблемы, не зафиксированные в Стратегии, в частности:

- идея гармоничного сочетания гражданской, локальной и позитивной этнической идентичности с приоритетом первой из них;
- необходимость диагностики не только межнациональных отношений, но и состояния этнокультурного разнообразия и этносоциальных процессов в целом;
- связь задач реализации национальной политики на муниципальном уровне с целями устойчивого развития городского сообщества;
- необходимость решения не только меж-, но и внутринациональных (внутриэтнических) проблем и противоречий;
- проблемы, связанные с местами компактного проживания мигрантов, в частности, работа школ с многонациональным составом учащихся;
- мониторинг не только межнациональных отношений, но и социального самочувствия представителей разных этнических групп.

Кроме того, важными ориентирами являются:

- сохранение устойчивого единства городского сообщества в ситуации этнокультурного разнообразия;
- воспитание чувства взаимного уважения к культурам разных народов, но доминантой выступают традиции коренного, местного населения (особенностью Новосибирска является то, что, согласно последней переписи, русские здесь составляют 92,8% населения, а доля представителей каждой из всех других национальностей не превышает одного процента);
- понимание того, что невозможно достичь благополучия отдельной этнической группы без общего благополучия городского сообщества, что определяет взаимную зависимость и взаимную ответственность;
- активизация потенциала каждого этнокультурного сообщества в интересах общего благополучия и использование потенциала города для благополучия отдельных этнических групп.

Генеральная перспектива связана с поддержкой культур разных народов с опорой на приоритет формирования доброжелательных, гармоничных межнациональных отношений как условия общего благополучия городского сообщества и его устойчивого развития.

Работая над городской концепцией, мы столкнулись с серьезной правовой проблемой. Национальная политика, согласно Конституции РФ, находится в ведении Российской Федерации. А органы местного самоуправления, в соответствии с Федеральным законом № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», всего-навсего имеет право (*обратим внимание*: право, но не обязанность, а, следовательно, не обеспечиваются необходимыми финансовыми, материальными, кадровыми и другими ресурсами) на оказание содействия национально-культурному развитию народов Российской Федерации и реализации мероприятий в сфере межнациональных отношений на своей территории (заметим, что в первоначальном варианте этот закон не предусматривал даже этого права). Эти полномочия не предполагают возможность на городском уровне определять дополнительно к принятой Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года цели, принципы, приоритетные направления и задачи национальной политики, а сама Стратегия не предусматривает возможности разработки муниципальных концепций реализации национальной политики, что я считаю парадоксальным и неправомерным.

В настоящее время выход найден в том, что разработанная городская концепция утверждена, как отмечалось, Консультативным советом по вопросам этнокультурного развития и межнациональных отношений при мэрии Новосибирска, а не законодательными и исполнительными органами местного самоуправления. Это, конечно, снижает ее статус и возможную эффективность.

Как представляется, полномочия органов власти местного самоуправления в рассматриваемых вопросах должны быть расширены, поскольку именно на них падает основной груз забот по решению актуализировавшегося в России национального вопроса и обострившихся межнациональных отношений. Пока же мы имеем ситуацию, когда для органов местного самоуправления предусмотрена возросшая ответственность, но при этом необходимые полномочия юридически никак не закрепляются. При сохранении существующей на сегодня законодательной базы органы местного самоуправления окажутся в весьма сложном положении повышенной ответственности за состояние межнациональных отношений без дополнительного финансового, материального и кадрового обеспечения и т.п.

В заключении отметим, что объектом регулирования национальной политики должны быть определены этносоциальные процессы в комплексе, а не только межнациональные отношения. В свою очередь наиболее эффективным подходом для исследования и регулирования этносоциальных процессов может выступать социокультурный подход, что обосновывалось в первых главах монографии, а также ранее опубликованных работах¹. В частности, с точки зрения этого подхода отдельный социум, под которым следует понимать и население всей страны, и конкретные регионы и локальные сообщества, является ансамблем этнокультур. Такое представление позволяет оценить ограниченность доминирующих ныне подходов к регулированию социокультурной динамики и этносоциальных процессов. Политика гражданской нации переоценивает интегрирующий потенциал доминирующей этнокультуры, а политика мультикультурализма недооценивает значимость целостности социального организма, «сонастроенности» входящих в него этнокультур. Как представляется, описанная в главе 2 рефлексивная концепция интернационализации позволят понять, как возможно и каков механизм обеспечения единства многообразия без ущерба и для единства, и для многообразия.

Выступая на первом заседании Совета по межнациональным отношениям при Президенте В.В.Путин оценил этнокультурное разнообразие в качестве предмета гордости и проявления силы нашего государства². Такая характеристика является чрезвычайно важной, особенно в условиях, когда лидеры многих, прежде всего европейских, государств говорят о кризисе (и даже крахе) мультикультурализма. В то же время такое признание – лишь одна сторона дела. Еще более значимо понимание того, что сам факт такого разнообразия предполагает осознание и особую ответственность политиков за организацию жизни с различиями. Поэтому наблюдаемое повсеместно усиление полиэтничности и поликультурности определяет необходимость более сложных механизмов управления: в этих условиях не может быть простых решений и единственной модели на все случаи жизни, столь различающейся по своим региональным этнокультурным и этносоциальным особенностям России.

---

¹ Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Национальная политика и социокультурный подход // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 3. С. 99–105; Попков Ю.В., Костюк В.Г. Социокультурно-ориентированная национальная политика: сущность, реалии и возможности в современной России // Вестник НГУ. Серия: философия. 2012. Т. 10, вып. 2. С.102–109.

² Заседание совета по межнациональным отношениям. URL: <http://президент.рф/новости/16292> (дата обращения: 11.09.2012).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный в монографии анализ сущности, принципов и содержательных интерпретаций социокультурного подхода в современной российской социально-философской науке показал, что он в своей парадигме наиболее адекватно отражает сущность социума и его подсистем и элементов, как интегрального единства социальности, культуры и личности. Данный подход в той или иной мере имплицитно содержится в работах этносоциологов, хотя методологически он не всегда рефлексирован. В исследованиях, проведенных представителями новосибирской этносоциологической научной школы в Сибири, Калмыкии, Казахстане, Монголии в рамках этого подхода использованы историко-социологические, социологические, социально-психологические методы, что позволило получить целостные представления о процессах межэтнического взаимодействия в различных областях жизнедеятельности представителей русского, тюрко-монгольских этносов, коренных малочисленных народов Севера, системе их ценностей, социокультурных ориентирах.

В условиях современной глобализации и российских рыночных трансформаций социокультурные ориентиры личностей и групп сложны и противоречивы. В них наличествуют как интегративные, так и дезинтегративные составляющие, причем их соотношение различно в этнических, социальных и возрастных группах. Но все же в целом преобладают интегративные ориентиры, отражающие ментальные черты большинства населения российско-евразийской цивилизации – коллективизм, этническую и конфессиональную толерантность, приоритет духовного над материальным, экофильность сознания. В то же время в структуре ценностей возрастает удельный вес, особенно для молодого поколения, ценностей индивидуализма, стяжательства, правового нигилизма, негативных этнических стереотипов и других ориентиров.

Исследование показало, что на всех этапах российской истории в сфере межэтнических взаимодействий преобладала тенденция к интеграции этносов в российскую цивилизацию. Наиболее полно, на наш взгляд, социокультурное содержание этой тенденции проявлялось в советский период.

В современной российской действительности, при всей противоречивости процессов 1990-х и 2000-х годов, в массовом сознании людей также сохраняется стремление к интеграции в рамках российской гражданской идентичности.

К сожалению, современная практика регулирования межэтнических взаимодействий слабо учитывает социокультурную сущность как социаль-

ных явлений в целом, так и этносоциальных явлений и процессов в частности. Достаточно привести примеры «регулирования» в Чечне, Дагестане и других регионах. В концепциях национальной политики современной России культурный аспект носит декларативный характер, а личностный практически отсутствует. В содержании концепций и стратегий доминируют экономические и социально-политические моменты.

Однако в отдельных регионах (Ханты-Мансийский АО, Саха (Якутия), Башкортостан) имеется некоторый положительный опыт регулирования межэтнических взаимодействий и отношений с учетом специфики их культурной и личностной составляющих.

В монографии детально исследованы социокультурные ориентиры населения разных народов в сфере труда, образования, семейных, межличностных отношений и т.п. и сделаны выводы о том, на чем может и должна базироваться практика регулирования и государственного управления социальными процессами с позиций социокультурного подхода.

В первую очередь необходима разработка социокультурно-ориентированной концепции регулирования этнокультурного развития и межэтнических отношений (национальной политики) России в современный период, региональных вариантов этой политики, соответствующего институционально-правового обеспечения (возможного создания Министерства по этнонациональной политике, его региональных структур, принятия Закона о национальной политике в России и других правовых актов). Важна также интенсификация научных исследований по этносоциальной проблематике с обеспечением свободы мнений и равного доступа научных концепций для обсуждения в государственных структурах. Целесообразно создание научного центра мониторинга этносоциальных процессов и его региональных филиалов.

Как представляется, представленные в данной работе материалы будут полезны для развития социокультурного подхода, в частности, для его применения в этносоциологии и в практике регулирования взаимодействий этносов России и сопредельных территорий Евразии.

Приложение 1

УТВЕРЖДЕНО
на заседании Консультативного
совета по вопросам
этнокультурного развития
и межнациональных отношений
при мэрии г. Новосибирска
Протокол № 2
от «17» апреля 2013 г.

КОНЦЕПЦИЯ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ГОРОДЕ НОВОСИБИРСКЕ¹

I. Общие положения

Концепция реализации национальной политики в городе Новосибирске (далее Концепция) – система положений, конкретизирующих Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года в интересах устойчивого развития городского сообщества на основе ценностей свободы и безопасности, справедливости, благосостояния и здоровья, гармоничного сочетания высокой гражданственности, позитивной сибирской и этнической идентичности городских жителей. Концепция разработана с учетом особенностей современной этносоциальной ситуации и межнациональных отношений в городе и опирается на положения Хартии города Новосибирска, Стратегии социально-экономического развития Новосибирской области на период до 2025 года, Стратегического плана устойчивого развития города Новосибирска, Комплексного плана действий по гармонизации межэтнических отношений в Новосибирской области на 2011–2016 годы. Концепция является основополагающим документом стратегического планирования в области национальной политики на муниципальном уровне.

Концепция учитывает роль Новосибирска как делового, научно-образовательного и культурного центра Новосибирской области и Сибирского

¹ Непосредственными авторами текста Концепции являются Ю.В. Попков и Е.А. Тюгашев. Но в нем нашли отражение идеи и оценки многих людей: работников разных служб мэрии и некоторых федеральных структур, городских районных администраций, руководителей национально-культурных организаций, представителей научного сообщества; обобщены многочисленные статистические и социологические данные, документальные источники.

федерального округа. Будучи городом-мегаполисом, расположенным на пересечении важнейших транспортных коммуникаций и находящимся в центре сибирских территорий между главными экономическими и демографическими гигантами Евразии – Европой и странами Азиатско-Тихоокеанского региона, он призван играть важную роль в интеграции многонационального евразийского пространства, стать примером гармоничных межнациональных отношений. Условием этого является сохранение общественной стабильности, межнационального мира и согласия, укрепление и реализация потенциала многонационального городского сообщества. Ответственность за жизнь будущих поколений горожан требует сохранения сложившихся и поиска новых форм социального партнерства, в т. ч. в области межнациональных отношений.

Реализация национальной политики в городе Новосибирске должна стать фактором, обеспечивающим достижение основных целей устойчивого развития городского сообщества – роста экономического потенциала, улучшения благосостояния жителей и обеспечения безопасной жизни, развития духовной культуры и улучшения качества городской среды.

Политика в сфере этнокультурного развития и межэтнических отношений в городе Новосибирске осуществляется, прежде всего, посредством обеспечения прав и свобод человека и гражданина, гарантированных Конституцией Российской Федерации, а также диалога и сотрудничества между органами местного самоуправления и институтами гражданского общества, среди которых особая роль принадлежит национально-культурным, межнациональным и религиозным организациям.

Правовую основу национальной политики в городе Новосибирске составляют Конституция Российской Федерации, Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, федеральные законы и иные нормативные правовые акты Российской Федерации, Новосибирской области, правовые акты мэрии и настоящая Концепция.

II. Этносоциальная ситуация, состояние межнациональных отношений и опыт их регулирования в Новосибирске

Новосибирск изначально формировался как многонациональный и многоконфессиональный город. По мере своего развития он становился все более многонациональным, при этом в этнической структуре всегда абсолютное большинство составляло русское население. Согласно данным переписи населения 2010 года, в Новосибирске проживали представители более 120 национальностей. Русские составляют 92,8% населения. Доля представителей каждой из всех других национальностей не превышает одного процента. В 2012 году число жителей Новосибирска превысило 1,5 млн. человек.

Сформировавшись как переселенческий город, Новосибирск имеет более чем вековую историю позитивных межнациональных и межконфессиональных взаимодействий, опыта сотрудничества и согласия в городском сообществе. Межнациональные отношения в городе отличает дух «сибирского интернационализма», возникшего в совместном труде и партнерстве. Традиционно Новосибирск характеризуется стабильными межнациональными и межконфессиональными отношениями. В настоящее время абсолютное большинство жителей Новосибирска межнациональные отношения в городе считают нормальными, благожелательными и дружественными. В то же время каждый восьмой-девятый представитель взрослого населения оценивает их как напряженные. Таким образом, при общем благополучии часть жителей испытывает дискомфорт в межнациональных отношениях.

С процессами миграции и ассимиляции, смены этнической идентичности проявляются тенденции к изменению пропорций в этническом составе населения Новосибирска. В последнее десятилетие относительно стабильной остается численность русского населения города (динамика в пределах 1%). С 1989 года существенно снизилась численность украинцев, немцев, татар, чувашей, белорусов, евреев. Это стимулировало потребность в самосохранении этнических общин, налаживании постоянных связей с исторической родиной, поддержании этнической идентичности и ее позитивной репрезентации в городском сообществе.

В то же время в этот период многократно выросла численность коренных народов Средней Азии, Кавказа, Азиатско-Тихоокеанского региона, увеличилось число прибывающих в Новосибирск на работу и обучение из других регионов России. В связи с этим актуальными являются вопросы их социокультурной адаптации в городском сообществе, земляческой и этнической самоорганизации.

Мигранты занимают определенные ниши на рынке труда города: в сфере услуг, строительстве, торговле, транспорте и связи, ЖКХ. Они оказали влияние на социокультурный ландшафт Новосибирска. На территории города образовались заселенные по этническому признаку места их компактного проживания. Значительная часть живущих в данных местах иностранных граждан допускает нарушения миграционного законодательства и привлекается к административной ответственности. Имеют место инциденты на национальной и религиозной почве и точечная межэтническая напряженность.

В начальных классах школ, расположенных вблизи мест компактного проживания представителей различных национальностей, число детей, не говорящих на русском языке, достигает 70%. Это создает серьезные сложности в организации образовательного процесса.

В конце 1980-х и особенно в середине 1990-х годов в Новосибирске учреждены многие национальные общественные организации, число которых к настоящему времени составляет более 60-ти. Их деятельность направлена в основном на сохранение и развитие этнической культуры, на помощь согражданам в адаптации и обустройстве на территории города.

Учитывая общность задач и необходимость решения совместных вопросов, по инициативе национальных организаций в 1994 году была учреждена Ассоциация национально-культурных автономий и организаций г. Новосибирска и Новосибирской области «Содружество», объединяющая сегодня более 20 организации. Ассоциация реализует взвешенную политику по формированию доброжелательных межнациональных отношений, содействует развитию межкультурного диалога, сохранению традиций народов, проживающих в городе Новосибирске.

Мэрия города Новосибирская в течение многих лет активно взаимодействует с национально-культурными автономиями и организациями. При ее содействии в 1998 году создан Городской Центр национальных литератур, который стал центром межнационального общения, культурно-просветительской деятельности, духовно-нравственного и патриотического воспитания. В 2001 году при мэрии образован Консультативно-координационный совет по делам национально-культурных автономий и организаций. В 2012 году он преобразован в Консультативный совет по вопросам этнокультурного развития и межнациональных отношений при мэрии города Новосибирска – постоянно действующий коллегиальный совещательный орган по рассмотрению вопросов гармонизации межнациональных отношений, сохранения и развития национальных культур народов, проживающих в городе Новосибирске.

Важным результатом взаимодействия мэрии с национальными организациями стала реализация городских целевых программ муниципальной поддержки национально-культурных автономий и организаций. Стало традиционным проведение в городе многочисленных межнациональных мероприятий, конкурсов, интеллектуальных игр, спортивных соревнований и др. Большую роль в популяризации знаний о культурах разных народов, обобщении опыта межнационального согласия, конструктивного взаимодействия органов власти и национальных организаций играют городской межнациональный журнал «Содружество наций» и телевизионная программа «Мир наций».

Особое внимание уделяется духовно-нравственному, интернациональному воспитанию среди детей и молодежи, в том числе в школах с многонациональным составом учащихся. При них действуют специальные экспериментальные площадки. Организуются семинары-тренинги с различными категориями работников общеобразовательных школ, сталкивающихся с про-

блемами организации образовательного процесса в классах с многонациональным составом. С 2009 года работает Межнациональный молодежный совет.

Важную роль в реализации задач национальной политики, в гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений, духовно-нравственном воспитании и социальной поддержке населения играют религиозные организации. В Новосибирске в настоящее время действуют около 130 религиозных объединений и организаций различных конфессий, 10 сибирских региональных религиозных центров. Органами местного самоуправления оказывается содействие организациям традиционных конфессий в реализации социально значимых программ и проектов, направленных на всестороннюю помощь малообеспеченным группам населения, на адаптацию мигрантов к местным условиям, формирование культуры межнационального общения, организацию и проведение для жителей города духовно-просветительских, культурно-массовых мероприятий. Все это способствует укреплению мира и согласия в городском сообществе.

В целом сложившаяся практика этнокультурного развития и регулирования межнациональных отношений в Новосибирске характеризуется:

- множественностью форм социальной самоорганизации этнических групп;
- координацией деятельности органов местного самоуправления и институтов гражданского общества, прежде всего национально-культурных и религиозных организаций, по широкому комплексу вопросов этнокультурного развития и межнациональных отношений;
- установкой на укрепление межнациональных контактов в совместных акциях и мероприятиях;
- ориентацией на развитие культуры как действенного механизма взаимопонимания между народами;
- признанием важности познания жителями Новосибирска традиций и культур разных народов;
- установкой на позитивное освещение межнациональных отношений в средствах массовой информации, на создание специальных СМИ, отражающих жизнь многонационального Новосибирска;

Позитивный опыт сложившейся в Новосибирске практической политики по сохранению этнокультурной самобытности, поддержанию и развитию этнических культур и языков с опорой на приоритет формирования доброжелательных, гармоничных межнациональных отношений как условия общего благополучия городского сообщества и его устойчивого развития должен быть закреплён и должен получить дальнейшее совершенствование в условиях меняющейся этносоциальной ситуации. Решению данной задачи служат настоящая Концепция.

III. Цели, принципы, приоритетные направления и задачи национальной политики в городе Новосибирске

Целями реализации национальной политики в городе Новосибирске являются:

а) формирование единства и консолидация городского сообщества на основе духовной общности народов Российской Федерации при скрепляющей роли русской культуры и русского языка;

б) создание условий по удовлетворению этнокультурных потребностей жителей для сохранения и развития этнокультурного многообразия городского сообщества, поддержка культуры и языков разных этнических групп города, взаимное уважение традиций и обычаев этнических групп;

в) гармоничное развитие этнических групп и межнациональных отношений;

г) обеспечение равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, отношения к религии и др.;

д) создание условий для успешной социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов в городское сообщество.

Основными принципами реализации национальной политики на муниципальном уровне являются:

а) обеспечение целостности, безопасности и устойчивого развития городского сообщества;

б) уважение национального достоинства граждан, недопущение нарушения внутринационального и межнационального мира и согласия, разжигания расовой, национальной и религиозной розни, ненависти либо вражды.

в) преемственность исторического опыта сибирского интернационализма, солидарности и взаимопомощи представителей разных этнических групп;

г) комплексность решения задач государственной национальной политики на муниципальном уровне;

д) укрепление и развитие русской культуры и языка как объединяющего начала духовно-нравственного потенциала городского сообщества;

е) взаимодействие органов местного самоуправления с органами государственной власти, федеральной миграционной службой РФ по Новосибирской области и институтами гражданского общества при реализации задач национальной политики, преемственность и обогащение позитивно-го опыта такого взаимодействия.

Приоритетными направлениями реализации национальной политики на муниципальном уровне являются:

а) совершенствование муниципального управления в сфере реализации задач национальной политики, согласование деятельности органов

местного самоуправления, государственной власти, общественных национальных и религиозных организаций по обеспечению мира и согласия, гармонизации межнациональных отношений;

б) этнокультурное развитие новосибирского городского сообщества на базе его традиционных ценностей, укрепление его единства и духовной общности при объединяющей роли русской культуры и языка;

в) совершенствование системы образования, гражданско-патриотического, интернационального и духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения;

г) создание условий для социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов;

д) информационное обеспечение реализации задач национальной политики в городе Новосибирске;

е) научная оценка и прогнозирование развития межнациональных отношений, мониторинг социального самочувствия разных этнических групп и раннее предупреждение конфликтных ситуаций.

Основными задачами реализации приоритетных направлений национальной политики в городе Новосибирске являются следующие.

В области муниципального управления, взаимодействия органов местного самоуправления с институтами гражданского общества при реализации государственной национальной политики Российской Федерации:

- обеспечение динамичного, сбалансированного и комплексного развития Новосибирска, учет задач реализации национальной политики в документах органов местного самоуправления стратегического планирования и в актах муниципального управления;

- оказание содействия органам государственной власти по выявлению, профилактике и нейтрализации негативных тенденций и угроз в сфере межнациональных отношений и проявлений экстремизма;

- совершенствование деятельности Консультативного совета по вопросам этнокультурного развития и межнациональных отношений при мэрии города Новосибирска и расширение социального партнерства в работе по повышению общероссийского гражданского самосознания, гармонизации межнациональных отношений, обеспечению социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов;

- поддержка деятельности и повышение ответственности национальных и религиозных общественных организаций в работе по развитию межнационального и межконфессионального диалога, возрождению семейных ценностей, выявлению и удовлетворению этнокультурных потребностей граждан, содействию адаптации мигрантов, противодействию экстремизму, национальной и религиозной нетерпимости;

- развитие этнокультурной инфраструктуры, в том числе домов дружбы, центров национальной культуры, иных муниципальных учреждений, деятельность которых направлена на решение задач национальной политики.

- совершенствование системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации муниципальных служащих по общим вопросам национальной политики Российской Федерации и особенностям ее реализации на разных уровнях управления.

Задачи по содействию этнокультурному развитию:

- воспитание уважения к истории, культуре и языку русского народа и народов России, к мировым культурным ценностям;

- обеспечение сохранения и развития этнокультурного потенциала Новосибирска на основе идей единства и дружбы народов, активное использование историко-культурного потенциала города Новосибирска и Новосибирской области для формирования гражданственности и патриотизма, позитивных установок в межэтнических отношениях;

- повышение политико-правовой культуры жителей города Новосибирска в области межэтнических отношений, содействие формированию нетерпимого отношения к проявлениям ксенофобии и бытового национализма;

- развитие межнациональных и межрегиональных культурных связей, поддержка проведения интернациональных акций, направленных на взаимообогащение этнических культур;

- развитие этнографического и культурно-познавательного туризма, оздоровительных и рекреационных зон, расширение муниципальной поддержки национальных видов спорта;

- содействие развитию народных промыслов и ремесел в целях сохранения традиционных этнокультур;

- совершенствование системы подготовки профессиональных кадров в сфере культуры, в том числе специалистов по различным направлениям национальной культуры.

Задачи в сфере образования, гражданско-патриотического, интернационального и духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения:

- формирование у детей и молодежи на всех этапах образовательного процесса общероссийского гражданского самосознания, чувства патриотизма и гордости за историю нашей страны и своего народа, уважительного отношения к культурным традициям, языку и духовно-нравственным ценностям народов России;

- воспитание культуры межнационального общения, интернационализма, традиций солидарности и межнационального согласия; поддержка общественных инициатив, направленных на патриотическое и интернациональное воспитание;

- содействие созданию в образовательных учреждениях высшего и среднего профессионального образования структур студенческого самоуправления (клубов, советов и других) на интернациональной основе;

- создание и развитие системы специальных мер по организации образовательного процесса в школах с многонациональным составом учащихся;

- вовлечение институтов гражданского общества, молодежных и детских общественных объединений в проведение мероприятий по профилактике проявлений межнациональной нетерпимости в детской и молодежной среде;

- подготовка, переподготовка и повышение квалификации педагогических кадров, в том числе для эффективной работы в школах с многонациональным составом учащихся.

Задачи по формированию системы социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов:

- координация деятельности органов местного самоуправления и общественных организаций по социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов в межэтническое сообщество Новосибирска;

- содействие повышению социальной ответственности бизнес-сообществ за иницируемую ими трудовую миграцию, социальную и культурную адаптацию и интеграцию мигрантов;

- привлечение из регионов России, государств ближнего и дальнего зарубежья высококвалифицированных специалистов, в использовании труда которых заинтересовано городское сообщество;

- совершенствование системы мер, обеспечивающих уважительное отношение мигрантов к культуре и традициям городского сообщества, позитивным этическим нормам и правилам поведения, принятым в Новосибирске;

- развитие поселенческой структуры и городской инфраструктуры, учитывающей многообразие этнокультурных укладов жизни разных групп населения, противодействуя формированию в Новосибирске замкнутых анклавов мигрантов по этническому признаку.

Задачи по информационному обеспечению реализации национальной политики:

- освещение в средствах массовой информации позитивного опыта деятельности органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, общественных объединений, религиозных организаций и ученых по актуальным вопросам реализации государственной национальной политики Российской Федерации;

- распространение рекламной и промышленной продукции, производство и размещение в теле- и радиозфере роликов социальной рекламы и иной видеопродукции, поддержка создания произведений литературы, искусства, тематических радио- и телепередач, газетных и журнальных

рубрик, интернет-проектов, пропагандирующих общие достижения народов России и направленных на реализацию целей и задач государственной национальной политики Российской Федерации;

- совершенствование мер стимулирования деятельности теле- и радиокomпаний, печатных средств массовой информации, журналистов, освещающих события в сфере межнациональных отношений, включая поддержку социально значимых проектов, направленных на реализацию целей и задач Стратегических ориентиров;

- использование мер общественного контроля в целях недопущения публикаций, направленных на разжигание межнациональной или межконфессиональной нетерпимости.

Задачи в области научно-организационной и исследовательской деятельности:

- проведение и широкое обсуждение результатов систематических научных исследований по актуальным вопросам межнациональных отношений и этнокультурного развития, эффективности реализации национальной политики в городе;

- обобщение результатов исследований этносоциальных процессов и опыта реализации национальной политики в виде аналитических и информационных материалов, научных и научно-популярных изданий;

- организация мониторинга состояния и динамики социального самочувствия различных этнических групп и межнациональных отношений,

- разработка мер по раннему предупреждению конфликтных ситуаций.

IV. Механизм реализации национальной политики в городе Новосибирске

Концепция реализации национальной политики входит в систему документов муниципального стратегического планирования, выступая одним из условий обеспечения Стратегического плана устойчивого развития города Новосибирска.

Эффективность реализации национальной политики в Новосибирске обеспечивается непрерывной и согласованной деятельностью органов местного самоуправления и институтов гражданского общества, расширением социального партнерства.

Координация деятельности по реализации Концепции осуществляется Консультативным советом по вопросам этнокультурного развития и межнациональных отношений при мэрии города Новосибирска с привлечением экспертов, представителей структурных подразделений мэрии, правоохранительных органов, администраций районов города для выработки решений в указанной сфере.

Важным инструментом реализации настоящей Концепции является разработка и реализация целевых программ и иных нормативно-правовых документов, финансовая поддержка социально ориентированных проектов некоммерческих организаций.

Координацию деятельности органов местного самоуправления города Новосибирска, анализ состояния межнациональных отношений и этнокультурного развития, выработку рекомендаций по гармонизации межнациональных отношений осуществляет Управление общественных связей мэрии Новосибирска.

В целях разработки социально ориентированных проектов, направленных на оптимизацию межнациональных отношений, интеграцию мигрантов в городское сообщество, воспитание культуры межнационального общения, поддержание в Новосибирске мира и гражданского согласия проводится мониторинг состояния межнациональных отношений и социального самочувствия разных этнических групп.

Информационная и аналитическая поддержка реализации настоящей Концепции может осуществляться путем привлечения экспертов, информационных ресурсов заинтересованных организаций и органов местного самоуправления, муниципальных учреждений.

Корректировка Концепции осуществляется по результатам анализа промежуточных итогов их реализации, результатам мониторинга состояния межнациональных отношений и социального самочувствия разных этнических групп, а также по рекомендации Консультативного совета по вопросам этнокультурного развития и межнациональных отношений.

Актуальные вопросы национальной политики в городе Новосибирске регулярно обсуждаются на общественных слушаниях, научно-практических конференциях, семинарах, «круглых столах» с участием заинтересованных участников.

Реализация настоящей Концепции призвана способствовать формированию гражданской идентичности, укреплению общегородского самосознания, этнокультурному развитию национальных групп, гармонизации межнациональных отношений, обеспечению общественной безопасности, правопорядка, социальной стабильности и устойчивому социально-экономическому развитию, а также росту позитивного имиджа и привлекательности Новосибирска.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ (Ю.В. Попков, В.Г. Костюк)	3
---	---

Раздел I. ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ И КОНЦЕПЦИИ	6
---	---

Глава 1. Сущность социокультурного подхода (В.Г. Костюк, Ю.В. Попков, М.А. Абрамова)	6
§1. Содержание и место понятия «подход» в методологии социологической науки	6
§2. Содержание и принципы социокультурного подхода в социологии	12
§3. Социокультурный подход и методология этносоциологии	24

Глава 2. Теоретико-методологические проблемы исследования межэтнических взаимодействий (Ю.В. Попков)	29
§1. Соотношение этнической и национальной общности	29
§2. Рефлексивный характер межэтнических взаимодействий	34
§3. Интернационализация как закон развития национальных общностей и межэтнических взаимодействий	41

Глава 3. Социокультурное содержание процесса регулирования межэтнических взаимодействий (В.Г. Костюк, Ю.В. Попков)	50
§1. Понятие регулирования	50
§2. Специфика социокультурного подхода к исследованию проблем регулирования межэтнических взаимодействий	57
§3. Социокультурно-ориентированная государственная национальная политика как инструмент регулирования: реалии и модель	62

Раздел II. ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОДХОДА В КОНКРЕТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ НОВОСИБИРСКОЙ ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ	72
---	----

Глава 4. Динамика государственного регулирования межэтнических взаимодействий в России (Е.А. Ерохина)	72
§1. Модели государственного строительства и регулирования межэтнических взаимодействий в России досоветского периода	72

§2. Советская модель регулирования межэтнических взаимодействий	85
§3. Этносоциальные процессы и проблемы их регулирования в постсоветский период (на примере народов Сибири в 1990-е – первой половине 2000-х гг.).....	102

Глава 5. Межэтнические отношения в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре: факторы напряженности, социокультурные ориентиры населения, опыт регулирования

<i>(И.В. Удалова, В.В. Мархинин)</i>	107
§1. Характер и факторы межэтнической напряженности	107
§2. Риски для будущего этносов и социокультурные ориентиры населения	114
§3. Опыт регулирования межэтнических отношений	125
§4. Роль национально-культурных объединений в межэтническом сообществе Югры	134

Глава 6. Роль общеобразовательных учреждений в этнокультурном образовании и воспитании молодежи (по материалам социологического исследования в г. Новосибирске) *(Д.В. Ушаков)*

<i>(Д.В. Ушаков)</i>	142
§1. Социальная напряженность в межнациональных отношениях молодежи	143
§2. Экспертные оценки педагогов состояния межэтнических отношений среди учащихся	150
§3. Возможности и перспективы гармонизации межэтнических отношений молодежи в оценках педагогов	156

Глава 7. Система образования как регулятор межэтнических отношений в постсоветский период России *(М.А. Абрамова)*

<i>(М.А. Абрамова)</i>	173
§1. Роль образования в инкультурации личности	173
§2. Этнокультурное и поликультурное образование в постсоветской России: концептуальные основы и опыт реализации (на примере Республики Саха (Якутия)).....	176
§3. Последствия реализации национально-регионального компонента Госстандарта образования	187
§4. «Работа над ошибками...»	189

Глава 8. Роль семьи в социокультурном регулировании межэтнических взаимодействий *(Г.С. Гончарова)*

<i>(Г.С. Гончарова)</i>	200
-------------------------------	-----

Глава 9. Возможности использования идей социокультурного неотрадиционализма в регулировании межэтнических взаимодействий (С.А. Мадюкова)	220
§1. Социокультурный подход к исследованию неотрадиционализма	220
§2. Социокультурный неотрадиционализм и межэтнические взаимодействия	225
§3. Воспроизводство этничности и регулирование межэтнических отношений в контексте социокультурного неотрадиционализма	234
Глава 10. Концептуальные основы региональных моделей национальной политики в России (Ю.В. Попков)	242
§1. Необходимость региональных концепций и моделей национальной политики	242
§2. Экспертное сообщество об актуальных проблемах национальной политики	249
§3. Опыт разработки Концепции реализации национальной политики в городе Новосибирске	252
ЗАКЛЮЧЕНИЕ (В.Г. Костюк, Ю.В. Попков)	256
Приложение 1. Концепция реализации национальной политики в городе Новосибирске (Ю.В. Попков, Е.А. Тюгашев)	258

Тематический план выпуска изданий СО РАН на 2013 год

Научное издание

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД
К РЕГУЛИРОВАНИЮ
МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ**

Монография

Ответственные редакторы
доктор философских наук Ю.В. Попков
кандидат философских наук В.Г. Костюк

Компьютерная верстка А.В. Скринников
Корректор С.И. Иванова
Фото на обложке Ю.В. Попкова
Дизайн обложки С.А. Мадюковой

Подписано к печати 30.09.2013. Формат 60х90^{1/16}
Печать офсетная
Усл. печ. л. 17,25. Тираж 150 экз. Заказ ____

Отпечатано в типографии «Издательский дом «Манускрипт»
630060, г. Новосибирск, ул. Зеленая горка, 1.
тел./факс (383) 306-41-81, 8-913-891-69-69
e-mail: 3064181@mail.ru.